

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

Кафедра общего языкознания и славянских языков

СЛАВИСТИКА: НОВЫЕ ИМЕНА В НАУКЕ

*Сборник научных трудов участников III Международной
очно-заочной научно-практической конференции
молодых учёных*

Горловка
2019

УДК 811.16
ББК Ш81.41
С47

*Рекомендовано к изданию на заседании Учёного совета
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(протокол № 5 от 26.12.2019)*

Редакционная коллегия:

С. А. Кочетова – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой литературы и сравнительного литературоведения ГОУ ВПО «ГИИЯ»; **Н. В. Волкова** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой второго иностранного языка ГОУ ВПО «ГИИЯ»; **Н. А. Белоконь-Пожарицкая** – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и сравнительного литературоведения ГОУ ВПО «ГИИЯ»; **И. А. Герасименко** (главный редактор) – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «ГИИЯ»; **Н. В. Лешкова** – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «ГИИЯ»; **О. В. Сырова** – старший преподаватель кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «ГИИЯ»; **Ю. Л. Дмитриева** – доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «ГИИЯ»; **О. А. Губанова** – ассистент кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «ГИИЯ».

С47

Славистика: новые имена в науке : сб. науч. тр. участников III Междунар. очно-заоч. науч.-практ. конф. молодых учёных. – Горловка : Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2019. – 208 с.

Научные статьи сборника посвящены исследованиям актуальных вопросов лингвистики и литературоведения, новейших технологий языкового обучения и стилистики.

Для студентов-филологов, магистрантов, аспирантов, преподавателей в школе и вузе.

**УДК 811.16
ББК Ш81.41**

Авксентьева Анжелика
Научный руководитель – д. филол. н., проф. Герасименко И. А.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

МЕСТО СОВРЕМЕННОГО МЕДИАТЕКСТА В ТРИАДЕ ТЕКСТ-ДИСКУРС-СТИЛЬ

Понятие масс-медийного дискурса и его основной единицы – медиатекста в последнее время прочно вошло в обиход гуманитарных наук и находится в центре внимания учёных. В данной работе рассматривается корреляция понятий «дискурс» и «текст», «дискурс» и «функциональный стиль» и предпринимается попытка определить место современного медиатекста в кругу понятий «дискурс», «функциональный стиль», «текст».

Ключевые слова: *функциональный стиль, медиатекст, дискурс, текст.*

Вследствие развития современных телекоммуникационных технологий, расширения роли средств массовой информации и огромного влияния виртуального информационного пространства возник новый вид дискурса, который называют медиадискурс, масс-медийный дискурс или дискурс СМИ. В последние годы данное понятие прочно вошло в обиход гуманитарных наук. Понятие масс-медийного дискурса и его основной единицы – медиатекста находится в центре внимания как западных учёных (Т. ван Дейк, Дж. Оруэлл), так и отечественных лингвистов (А. Н. Васильева, Н. И. Клушина, В. Г. Костомаров, Е. О. Менджерицкая, Ю. В. Рождественский). В настоящее время интерес к дискурсивному аспекту вызван появлением новой области исследования – медиа-лингвистики (см. работы Т. Г. Добросклонской, Н. Б. Кирилловой, Г. Я. Солганика, А. Л. Факторовича, А. В. Федорова и др.).

Термин «дискурс» до сих пор не получил четкого и однозначного определения и имеет много трактовок. Как следствие, понятие «медиадискурса» и «медиатекста» также по-разному толкуется.

Так, по мнению Т. Г. Добросклонской, медиадискурс является «сообщением в совокупности со всеми прочими компонентами коммуникации (отправитель, получатель сообщения, канал, обратная связь, ситуация общения или контекст)» [6, 22]. В нашей работе мы придерживаемся точки зрения Н. И. Клушиной, которая считает, что масс-медийный дискурс – это «когнитивно-прагматическая среда, реализующая свою сущность посредством производства и трансляции на широкую аудиторию оценочных смыслов и

идеологом, а также посредством именований и метафорической интерпретации фактов социального бытия» [8, 60].

Многозначность интерпретаций и подходов к этим понятиям делают их во многом эклектичными и размытыми в своих границах. Кроме того, корреляция таких понятий, как «дискурс» и «текст», «дискурс» и «функциональный стиль» не является еще до конца изученной и поэтому требует целого ряда дополнительных исследований.

Следует отметить, что понятие «медiateкст» выступает как обобщающее для всех текстов массовой коммуникации и включает такие разновидности, как журналистские, рекламные, PR-тексты [7, 324]. Объектом нашего исследования выступают Мы рассматриваем журналистские медiateксты (или тексты СМИ) как тексты направленные на оперативное периодическое распространение актуальных информационных сообщений. Целью работы является определение места современного информационного медiateкста среди понятий «дискурс», «функциональный стиль», «текст».

Использование термина «дискурс» часто приводит к тому, что он выступает параллельно или вместо понятия «функциональный стиль». Так, иногда невозможно обозначить демаркационную линию между понятиями «публицистический стиль СМИ» / «публицистический дискурс СМИ» из-за того, что говорится, по сути, о функциональном стиле, а не о дискурсе. Понятия «дискурс» и «функциональный стиль» характеризуются «смежностью», но не тождественностью понятий. В отечественной лингвистике функциональным стилем принято считать «разновидность литературного языка, в которой язык выступает в той или иной социально значимой сфере общественно-речевой практики людей и особенности которой обусловлены особенностями общения в данной сфере» [1, 567]. В. В. Виноградов определяет стиль как «общественно осознанную и функционально обусловленную, внутренне объединённую совокупность приёмов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере общенародного, общенационального языка, соотносительную с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [2, 61].

Стиль – это «совокупность языковых средств, характерных для какой-либо разновидности речи в зависимости от ситуации и цели общения» [11, 424]. И. В. Арнольд считает, что «функциональные стили – научный, разговорный, деловой, поэтический, ораторский и публицистический – являются подсистемами языка, каждая из которых обладает своими специфическими особенностями в лексике и фразеологии, в синтаксических конструкциях, а иногда в фонетике» [6, 28].

Как видно из определений, функциональный стиль – это категория социальная и историческая, которая зависит от исторически изменяющихся социально-культурных условий использования языка, порождается сложностью и многообразием общественно-речевой практики людей.

Функциональных стилей не может быть бесконечно много. В то время как дискурс представляет собой конструируемый объект, который характеризуется открытостью и множественностью интерпретаций. В зависимости от коммуникативно-прагматических и когнитивных целей границы дискурса могут устанавливаться по-разному, гибко и подвижно, что представляется невозможным для функционального стиля.

Исследованием отношений между терминами «дискурс» и «текст» занимался профессор Т. ван Дейк, который широко интерпретировал дискурс, понимая его как «коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия в определенном временном и пространственном контексте» [4, 82]. Это коммуникативное действие может быть устным или письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие. В то время как текст, по мнению И. Р. Гальперина, является «произведением речетворческого процесса, обладающим завершённостью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющей определённую целенаправленность и прагматическую установку» [3, 18].

Ученые, входящие в научный коллектив под руководством А. И. Варшавской, считают, что «дискурс – само речевое общение, деятельность, а текст – это организованное единство языковых единиц и их отношений (текстовых связей, результат речевой деятельности)» [5, 26]. При этом отмечается, что любой текст является продуктом не только индивидуального, но и социального опыта [5, 28]. Следовательно, в такой трактовке дискурс – это процесс, а текст – его результат, который отражает не столько специфику видов речевой деятельности (говорения, письма, слушания, чтения), сколько речемыслительное творчество говорящего.

По справедливому мнению Г. Н. Манаенко, дискурс – «это общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих и отображающих его специфику» [10, 37].

Термин «дискурс», близок к термину «текст», однако отличается динамическим, разворачивающимся во времени характером языкового общения. В противоположность этому, текст мыслится преимущественно как статический объект, как результат языковой деятельности. По мнению Е. С. Кубряковой, текст создается в дискурсе и является его детищем. Хотя текст возникает по ходу осуществления определенного процесса, он изучается именно в своей завершенной форме. В то время как дискурс – это явление, исследуемое в текущем режиме и в текущем времени, по мере своего появления и развития.

Определяя место современного информационного медиатекста среди понятий «дискурс», «функциональный стиль», «текст», **его** можно рассматривать, **в первую очередь**, как текст в универсальном, классическом значении. В то же время при переносе текста в сферу массмедиа он получает новые смысловые оттенки и медийные добавки, приобретает расширительное толкование, выходит за пределы знаковой системы языка, становится открытым для многочисленных интерпретаций, полифункциональным и поликодовым. Данные характеристики указывают на его принадлежность к сфере дискурса. Тогда как с точки зрения функциональной стилистики, медиатекст является единицей публицистического стиля. Более предметно поликодовость медиадискурса будет рассмотрена в наших последующих работах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой энциклопедический словарь. Языкознание [Текст] / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1998. – 685 с.
2. Виноградов, В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1. – С. 60–87.
3. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М., 1981. – 138 с.
4. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / Т. А. ван Дейк; сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
5. Диалектика текста: в 2 т. Т. 1 / под ред. проф. А. И. Варшавской. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 325 с.
6. Добросклонская, Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации / Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского ун-та. – Серия 10. Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 20–33.
7. Казак, М. Ю. Специфика современного медиатекста / М. Ю. Казак // Лингвистика речи. Медиастилистика : кол. моногр., посвящ. 80-летию проф. Г. Я. Солганика. – М., 2012. – С. 320–334.

8. Клушина, Н. И. Дискурс-анализ и стилистика: интегративные методы исследования медиа коммуникации / Н. И. Клушина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Лингвистика. – 2016. – Т. 20. – № 4. – С. 78-90.
9. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – М. : Флинта, 2010. – 464 с.
10. Манаенко, Г. Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // Язык. Текст. Дискурс : Межвуз. сб. науч. ст. – Ставрополь : Пятигор. гос. лингв. ун-т, 2003. – С. 26–40.
11. Русский язык. Школьный энциклопедический словарь / Под ред. С. В. Друговеико-Должанской, Д. Н. Чердакова. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2014. – 584 с.

SUMMARY

Angelika Avksenteva. Position of the modern media text among the terms «text-discourse-style».

The article discloses the correlation of such terms as «discourse» and «text», «discourse» and «functional style» and makes an attempt to define the position of the modern media text among the terms «text-discourse-style».

Key words: text, discourse, functional style, media.

Ананасова Анастасия

Научный руководитель – к. филол. н., доц. Белоконь С. А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

г. Донецк, ДНР

ПРОБЛЕМА ОДИНОЧЕСТВА ОДАРЕННЫХ ЛИЧНОСТЕЙ В РОМАНАХ ДИНЫ РУБИНОЙ (ЦИКЛ «ЛЮДИ ВОЗДУХА»)

Рассматривается проблематика романов Дины Рубиной, заключающаяся, главным образом, в вопросах дара и одиночества, проблемы талантливого творца и его месте в мире. Выявляются актуальные аспекты творчества писательницы. Интерпретируются ключевые темы, затрагиваемые Рубиной в цикле-трилогии «Люди воздуха», а также специфические черты реализации гениальной личности в условиях социума.

Ключевые слова: дар, талант, одиночество, двойничество, творчество.

Дина Рубина – одна из наиболее ярких представительниц современной женской прозы в русской литературе. Ее творчество является актуальным на сегодняшний день, поскольку раскрывает

различные аспекты жизни общества, а раскрытие проблематики романов «Почерк Леонардо», «Белая голубка Кордовы» и «Синдром Петрушки» дает более детальное и обширное представление о творчестве Дины Рубиной в целом. Актуальность работы обусловлена недостаточной освещенностью романов в современной критике.

Цель состоит в выявлении проблематики одаренной личности и одиночества в цикле «Люди воздуха».

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Раскрыть особенности понимания писательницей природы одаренной личности и ее отношения с обществом.

2. Выявить проблему неизбежности одиночества личности, наделенной настоящим талантом.

Изучением творчества Дины Рубиной занимались такие исследователи, как Сусанна Альперина, Давид Гарт, Татьяна Прохорова, Михаил Эдельштейн. Сама автор давала немало отзывов и оценок своим произведениям. Тем не менее, на сегодняшний день творчество Дины Рубиной исследовано недостаточно. Изучение проблемы одиночества одаренной личности в социуме не становилось предметом исследования, в связи с этим данная работа призвана заполнить существующий пробел в изучении творчества Дины Рубиной.

В конце 2000-х годов Дина Рубина пишет романы «Почерк Леонардо» (2008), «Белая голубка Кордовы» (2009), «Синдром Петрушки» (2010), которые составили трилогию «Люди воздуха». Рубина неоднократно признавалась в своих интервью, что работа над этим циклом была тяжелой и, в то же время, интересной для неё: *«Эти романы были для меня очень тяжелы. Не то, что переступаешь через себя – наступаешь на себя и топчешь ногами»* [4, 53]. Можем предположить, что это связано с внутренней драмой и характерами главных героев – людей творчески одаренных, неординарных и гордых. Симпатия Рубиной к своим персонажам и любовь к окружающей их реальности невозможно оспорить. Потому писательница столь тщательно прорабатывает профессиональный контекст любых действий героев, включая в произведения узкоспециальные термины, рассказ о профессиональной этике и хитростях по сути закрытых для рядового человека сообществ: музыкантов, циркачей, каскадеров (Семен, Владимир и Анна из «Почерка Леонардо»), живописцев (Захар Кордовин из «Белой голубки Кордовы»), кукольников (Петр Уксусов из «Синдрома Петрушки»).

Рубина не скрывает благоговения перед истинными творцами – мастерами своего дела. Писательница готова оправдать даже их специфическое отношение к общечеловеческой морали: презрение к традиционным формам брака и семьи, равнодушие ко всему, что

выходит за пределы их профессиональных интересов, творческую самореализацию любыми путями, даже через преступление.

По словам самой Дины Рубиной, темой трилогии «Люди воздуха» стала «двоящаяся реальность». Стоит отметить, что в романах двойится не только реальность, но также и сами герои, когда их профессиональные устремления вступают в конфликт с нравственными нормами, принятыми в социуме.

Одаренная личность у Рубиной неизбежно остается непонятой и, как следствие, – становится одинокой. Причем внешне кажется, что герой окружен коллегами, родными и друзьями, но при этом он может быть лишен общения с человеком понимающим, с человеком, равным ему по уровню таланта. Внутренняя драма героя рождается вследствие непонимания обществом истинного потенциала гения.

В центре романа «Синдром Петрушки» стоит Петр Уксусов – творческий человек, обладающий даром «общения» с куклами, помогающем ему в жизни, но в то же время создающий проблемы и препятствия для него [1, 258]. Петр полностью раскрывается перед читателем только в своей страстной любви к куклам. Внешне он молчалив, замкнут, *«герметичен в своих чувствах»* [3, 38], но внутренне Петр зачарован куклами, *«тиранически влюблен в ирреальное пространство кукольного мира»* [3, 45]. Любая кукла для него является средством самовыражения. Талант Петра оживлять кукол может оценить лишь Каземир Матвеевич, поскольку тот сам на протяжении многих лет был связан с кукольным театром, но даже он не в силах до конца принять поистине фанатическую увлеченность Петра.

Такой же гениальной и одновременно одинокой является и героиня романа «Почерк Леонардо» Анна, оставленная наедине со своим даром-проклятием – способностью предвидеть судьбы людей через поверхность зеркал. В первой половине романа в героине можно увидеть лишь молодую замужнюю женщину, искренне преданную любимой профессии. От подавляющего большинства Анну отличают лишь некоторые странности: боязнь зеркал, а иногда, напротив, любовь к ним, нехарактерная для женщин непритязательность в быту. Но по мере развития сюжета раскрывается степень одиночества героини. После нескольких смертей, предсказанных Анной, окружающие начинают сторониться и даже побаиваться её. Муж героини не мог не замечать её странности и считал, что Анну не понимали, поскольку она была *«свободная, дикая... другая!»* [2, 45]. И даже новый избранник Анны, музыкант Семен (казалось бы, музыкант – тоже творческая и увлеченная натура), не способен был понять ее до конца и оценить глубину ее Дара. Анна, в конце концов, и сама начинает сторониться людей.

Таким образом, вокруг обоих героев, Петра и Анны, возникает своеобразный вакуум непонимания, глухости людей к их Дару. Лишь избранные способны жить рядом с ними и хотя бы частично разделить тяжесть недоверия и настороженности со стороны окружающих. Именно дар становится главной причиной духовного одиночества Петра и Анны. С другой стороны, отчужденность от мира людей помогает им лучше сконцентрироваться на любимом деле и обрести счастье, реализуясь в профессии.

Захар Кордовин, главный герой романа «Белая голубка Кордовы» – талантливый художник, однако большинство его картин – это всего лишь фальсификация, копирование работ известных мастеров. Тем не менее, в тексте романа Дина Рубина не раз показывает, что картины Кордовина нельзя назвать копиями или подражаниями в полной мере, поскольку в каждую свою работу художник привносит собственное видение образов. Описания картин и скрупулезного процесса работы над ними показывают силу гения, которая живет в Захаре Кордовине, но не может найти самостоятельного выхода. В данном случае мы имеем дело с Даром, ищущим пути для выражения индивидуальности своего таланта, и – не находящим его.

Талант героев Дины Рубиной предполагает служение дару на протяжении всей жизни и необходимость жертвования ради искусства «обычным» и «нормальным» для других людей. При этом трагически окрашенный конфликт между художником и обществом остается на уровне только лишь внутренних противоречий. Непонимание между главными героями и другими персонажами цикла порождает состояние глубинного и перманентного одиночества, которое творец очень тяжело переживает. По мысли Дины Рубиной, одаренность и одиночество неотделимы друг от друга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пановица, В. Ю. Метафорическая модель «жизнь – это театр кукол» в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки» / В. Ю. Пановица // Вестник науки Сибири. – 2013. – № 1 (7). – С. 258.
2. Рубина, Д. И. Почерк Леонардо / Дина Рубина. – Москва : Эксмо, 2011. – 480 с.
3. Рубина, Д. И. Синдром Петрушки / Дина Рубина. – Москва : Эксмо, 2012. – 496 с.
4. Шафранская, Э. Ф. Роман Дины Рубиной «Синдром Петрушки»: урок по современной литературе в XI классе / Э. Ф. Шафранская // Русская словесность. – 2011. – № 3. – С. 49–53.

SUMMARY

Anastasia Anikanova. The problem of the solitude of gifted personalities in the novels of Dinah Rubina (cycle «People of the Air»).

The problem of Dinah Rubina's novels is considered, which consists mainly in the issues of gift and solitude, the problem of a talented creator and his place in the world. Topical aspects of the writer's creativity are revealed. Key topics touched upon by Rubina in the cycle-trilogy «People of the Air» are interpreted, as well as specific features of realization of genius personality in conditions of society.

Key words: gift, talent, loneliness, duality, creativity.

Бондарева Ольга

*Научный руководитель – к. филол. н., доц. Сенчина Л. Т.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР*

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЛИРИКИ А. П. СУМАРОКОВА

Рассмотрена проблематика и поэтика фольклорной песни и причитаний, раскрыта взаимосвязь жанра песни и элегии в творчестве А. Сумарокова с предшествующей традицией. Показан новаторский характер жанра песни и элегии в творчестве А. Сумарокова.

Ключевые слова: фольклорная песня, литературная песня, элегия, причитания, новаторство, традиции.

О творчестве А. Сумарокова написано много. Изучены основные вопросы, связанные с его ролью и значением в становлении русской литературы XVIII века, теоретические взгляды А. Сумарокова, его языковая программа. Однако вопрос об истоках формирования того или иного жанра в творчестве А. Сумарокова исследован недостаточно полно. В первую очередь требует дальнейшего прояснения и уточнения специфика возникновения в лирике А. Сумарокова жанра литературной песни и элегии.

В этой связи обращение к жанрам песни и элегии представляется нам весьма актуальным.

Цель работы заключается в том, чтобы выявить традиции и новаторство в лирике А. Сумарокова (на материале жанра песни и элегии).

В соответствии с целью решаются следующие задачи: 1. Рассмотреть проблематику и поэтику фольклорной песни и причитаний; 2. Раскрыть взаимосвязь жанра песни и элегии в творчестве А. Сумарокова с предшествующей традицией;

3. Показать новаторский характер жанра песни и элегии в творчестве А. Сумарокова.

А. Сумароков одним из первых осознал огромный потенциал фольклора. В частности, Сумароков при создании литературной песни активно опирался на опыт народной песни, а при обращении к жанрам элегии – на причитания.

Известно, что поэт, ощущая себя первопроходцем в создании литературной песни, теоретически обосновывает своё обращение к «низкому жанру». В «Эпистоле о стихотворстве» А. Сумароков утверждает законное и равное положение песни в классицистической иерархии лирических жанров, обличает, что стихотворство, которое «чистейшим изображением естества называться может», рождаться «чувствами непросвещёнными» и мыслями «единым чувством провождаемыми».

В собственной поэтической практике А. Сумароков создаёт образцы жанра литературной песни на основе как западноевропейской поэтической традиции, так и русской народной поэзии, на тот момент более совершенной, чем книжная лирика.

Целый ряд песен А. Сумарокова, в которых поэт сознательно обнажает фольклорный элемент: в «В роще девки гуляли», «Не грусти мой свет», «Прости меня любезная» и др. Поэт в этих песнях использует традиционные мотивы народной песни (ревнивый муж, безответная любовь и т. п.). А. Сумароков вводит народные обряды (встреча весны, гадание на венке в праздник Ивана Купалы). Переносит из народной песни в литературную припевы (в несколько изменённом виде): «Калина малина, И цветы срывали, И венки свивали, Калина малина». Например, в песни «В роще девки гуляли». В таком припеве уже закрепляется сложившееся настроение и определяет мелодические повторы.

А. Сумароков переносит в литературную песню мотив «любви до гроба», подчёркивая верность героини законами природы: постоянное течение реки – это символ постоянной верности в любви.

Отмечая близость народных и литературных песен в лирике, А. Сумароков подчёркивал и их различия. Прежде всего изображение многих человеческих чувств в песнях А. Сумарокова драматизируются. Поэт стремится «выделить партию» лирического героя и «хора»; поэт особо подчёркивает самоощущения «я» в мире как независимого: любовная тоска лирического героя становится вселенной, связанной с отсутствием гармонии в мире.

Существенные изменения происходят и в использовании стиховых форм в литературной песни А. Сумарокова. Поэт обращается чаще всего к хорею 4-х стопному, «песенного» типа, т. е. почти не встречаются спондии и пиррихии.

В своих исканиях А. Сумароков, бесспорно, опирается на образы подлинных народных песен. Но обращение к фольклору не носило характер подражания, стилизации, а было естественным поиском национальной формы нового лирического жанра.

Существенные изменения можно наблюдать и в жанре литературной элегии. В элегии у А. Сумарокова необходимо различать две жанровые разновидности: любовную и треническую. Как и следовало предполагать, тренический тип элегии явно испытывал на себе влияние народных причитаний: во многом сохраняет структуру, традиционные приёмы. Так, в треническом типе элегий Сумароков сохраняет традиционные лексические повторы: «...прости, любезный друг, прости, мой друг, навеки!...», «...простись с отторженным от драмы и от нас, простись с Волковым в последний раз!...». В любовном типе элегий Сумароков расширяет лексический состав, стремясь передать эмоциональную силу любви. Эта «чувствительность» в большей степени характерна для жанра элегии, а не для народных причитаний.

Таким образом, Сумароков расширяет возможности литературных жанров и переосмысляет фольклорные традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алисандрова, И. Б. Поэтическая теория и поэтическая практика стихотворцев XVIII века В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова: Дис. канд. филол. наук. 10.01.01/– М., 1995. – 219 с.
2. Сумароков, А. П. Полное собрание всех сочинений / А. П. Сумароков. – М., 1781.
3. Трубицына, В. В., Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений / В. В. Трубицына, А. П. Сумароков. – М., 1781.
4. Фризман, Л. Г. Жизнь лирического жанра : Русская элегия от Сумарокова до Некрасова / Л. Г. Фризман. – М., 1973.

SUMMARY

Olga Bondareva. Genre originality of A. P. Sumarokov's lyrics.

The problems and poetics of folk songs and lamentations are considered. The interrelation of the genre of song and Elegy in the work of A. Sumarokov with the previous tradition is revealed. The innovative character of the genre of song and Elegy in the works of A. Sumarokov is shown.

The aim of the work is to identify the traditions and innovation in the lyrics of A. Sumarokov (on the material of the genre of songs and elegies).

Key words: folk song, literary song, Elegy, lamentations, innovation, traditions.

Босак Евгения

*Научный руководитель – д. филол. н., доц. Шаталова О. В.
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический
университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского»,
г. Липецк, РФ*

ЛИТЕРАТУРНАЯ МИСТИФИКАЦИЯ КАК СРЕДСТВО САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

В статье делается попытка оценки литературной мистификации как средства самореализации личности автора. На примере И. П. Белкина и Б. Акунина определяется специфика включения ирреальных персоналий в культурный контекст определенной эпохи: цели, способы реализации литературных проектов.

Ключевые слова: *литературная мистификация, личность автора, самореализация, Б. Акунин, И. П. Белкин.*

Одним из наиболее интересных явлений литературного процесса вполне обоснованно считается мистификация. Однако в условиях современного образовательного и научного контента это явление часто незаслуженно остается вне сферы внимания исследователей – как факт истории литературы, а не активного творческого процесса. На наш взгляд, знакомство с фактами литературной мистификации способствует развитию филологической эрудиции и критического мышления.

Литературная мистификация – это эстетический / жизненный эксперимент, сообщение о котором является целью «фиктивного» автора. К такому виду эксперимента принято относить тексты, приписываемые вымышленным авторам, историческим лицам, которые в действительности авторами не являются, а также «фиктивные произведения безличного творчества». Соответственно, автор-мистификатор создает текст от имени другого (в большинстве случаев) вымышленного лица.

Литературная мистификация дает возможность уже состоявшим или начинающим авторам «опробовать перо» в разных жанрах, «примерить» новые образы. Это специфическая форма самореализации.

Русская литература знает достаточно много авторов-мистификаторов: Козьма Прутков, Черубина де Габриак, Михаил Агеев, Абрам Терц, Макс Фрай, Хольм ван Зайчик. В данной статье делается акцент на образах Ивана Петровича Белкина и Бориса Акунина и их создателей, поскольку они представляют наиболее отдаленные хронологически «точки на литературной карте

России» и в то же время знаменуют этапы определенного поворота литературного процесса, обусловленного социально-историческими и культурными изменениями действительности.

Интерес к этим персоналиям возникает в результате определения функционала писателя в конкретных исторических эпохах. А. С. Пушкин открывает феномен двойного авторства, испытывая интерес к тому, какой эффект он произведет, тем самым реализуется профессионально. Г. Чхартишвили, профессионально развиваясь, становится характерным «автором времени», создает во многом успешный проект «Авторы», получивший одобрение в читательской среде.

15 августа 1831 г. А. С. Пушкин отправляет своему другу П. А. Плетневу письмо вместе со «сказками» его приятеля И. П. Белкина, называя которого «славным малым», «другом» и «приятелем», явно указывает на существование реального человека, телесный образ которого возникает у Пушкина при каждом упоминании нового его [Белкина] произведения [5]. Тот факт, что ещё в декабре 1830 г. Пушкин открытым текстом признается Плетневу в том, что повести написаны лично им, Пушкиным [3, 137], вызывает вопрос: чем была вызвана необходимость использовать подставное лицо в качестве автора своих произведений?

Мотивировка данной литературной мистификации имеет, прежде всего, творческую подоплеку. Действительное название пушкинского творения «Повести покойного И. П. Белкина, изданные А. П.». В литературном мире того времени инициалы А. П. были достаточно известны, и, по всей видимости, автор не собирался скрывать подлинное имя. Ему важен был эффект двойного авторства.

Данный эффект подчеркивался не только полным заглавием произведения, но и финальной его ремаркой – «Конец повестям И. П. Белкина» – без традиционного завершения словом «конец» каждой из повестей в отдельности. Подчеркивался он и системой эпиграфов, где выбор первого (ко всему тексту) приписать самому Белкину никак невозможно, и смеховой тональностью предисловия «От издателя», контрастирующей с серьезностью сочинительских интенций самого Белкина, и глубоко не случайным расположением повестей, последовательность которых в книге существенно отличается от последовательности их написания [3, 140].

Прием подставного авторства уже использовался в литературе и до Пушкина, и будет использоваться после. Но если Рудый Панько у Н. В. Гоголя и Печорин у М. Ю. Лермонтова являются непосредственно масками своих авторов-создателей, то образ И. П. Белкина абсолютно отстранён от Пушкина. В итоге перед проницательным читателем, как замечает И. Л. Попова, открывается

возможность «видеть две версии изложенных событий, не только ту, о которой рассказал простодушный повествователь, но и ту, о которой умолчал автор» [4].

Любая фраза белкинских сочинений имеет две стороны, именно поэтому, недостаточно вникнув в смысл, читатель может прочесть только посредственные повести Белкина, а не философские миниатюры Пушкина. Там, где у Белкина стоит точка, для Пушкина начинается новый виток общего сюжета [3, 142]. Идея двойного авторства была беспрецедентной находкой А. С. Пушкина. Ф. М. Достоевский утверждал, что явиться миру «с Белкиным» значило «решительно появиться с гениальным новым словом, которого до тех пор совершенно не было нигде и никогда сказано» [2]. Приписывание авторства своих произведений реальному лицу, не имеющему к ним никакого отношения – крайне редкий способ литературной мистификации, органично вписывающийся и пронизывающий всё произведение борением живой жизни и литературных условностей [3, 142]. Можно предположить, что подобная форма подачи материала формировала предельно внимательное отношение читателя к тексту, содержала своеобразный «намек» реального автора на вторичные (и даже более многоуровневые) смыслы.

Через 168 лет в русской литературе XX в. выходят романы Б. Акунина «Турецкий Гамбит», «Левиафан», «Азазель» и «Смерть Ахиллеса», завоевавшие признание читающей публики увлекательным сюжетом. И вот на протяжении уже многих лет Б. Акунин лидирует по «апробации новых масскультурных стратегий» [7, 8].

Но за Акуниным так же, как когда-то и за Белкиным, стоит собственный автор-создатель – Г. Чхартишвили, который является кроме всего прочего прекрасным «контент-мейкером». Если А. С. Пушкину был важен эффект двойного авторства, то какую же цель преследовал Г. Чхартишвили, который в системе публичного представления, напротив, «материализуется» чаще именно как Борис Акунин? Признание самого автора таково: «Мне стало смертельно скучно. Многие в моей ситуации женятся на девушке, которая их на двадцать лет младше, а я поменял жанр литературы, начал писать детективы...» [1, 173]. Так и появляется на литературном рынке весьма успешный писатель Б. Акунин. У его автора-создателя появилось желание реализоваться в направлении, отличающемся от его основного рода деятельности, и, по счастью, этот эксперимент увенчался успехом. Литературная игра вскоре перерастает в слаженный производственный процесс [6]. При этом личная самореализация, а в дальнейшем желание удовлетворить читательский интерес, берут верх над идеалистическими концептуальными задачами литературы.

Детективы Акунина представляют собой «сплав» мотивов и цитат из произведений Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, А. К. Дойля, П. Зюскинда и др. Реализуя многие коды постмодернистского дискурса, Б. Акунин создаёт собственную стратегию «вторичного текста» [7, 8]. Использование интертекстуальности привлекает, заставляет мыслить опытного читателя, способного «прочесть» интертекстуальное «послание».

Отличительная особенность, которая и делает Г. Чхартишвили блестящим контент-мейкером, состоит в удовлетворении запросов своих читателей. Никаких «авторитетов», никаких жанровых, стилистических, мировоззренческих, религиозных и прочих границ и ограничений, кроме единственного, но непреложного – желаний ожиданий «публики» [1, 172].

Когда же у автора возникает желание реализовать новые идеи, а читатель их отвергает, так как они не укладываются в рамки акунинского текста, на помощь автору приходит мистификация и создаются новые «подставные лица» А. Борисова и А. Брусникин (те же характерные инициалы А. Б.). Выходят в свет их произведения: у Борисовой – романы «Vremena Goda», «Креативщик», а у Брусникина – «Девятый Спас» и «Герой иного времени». Выбор масок у Чхартишвили чётко продуман. Анна Борисова – желание побыть писательницей, желание попробовать силы в беллетристике. Анатолий Брусникин – желание написать исторический роман, отойдя от жанра детектива, желание изменить образ мыслей и «из западника стать славянофилом». Так создавался собственный маскарад Г. Чхартишвили, его проект «Авторы». Потребность в самореализации – это именно то, что испытывал Г. Чхартишвили, создавая подставных авторов в современной литературе. Таким образом, первичным фактором создания авторских персоналий является потребность личной объективации индивидуума во многих лицах. Текст в данном случае занимает вторичную позицию – становится средством интеллектуальной игры-ребуса с читателем по расшифровке и раскодированию компонентов существующего культурного контекста. Данный подход оказывается востребованным у нового поколения читателей.

Таким образом, рассмотренные нами способы авторской самореализации путем использования литературной мистификации, показывают, что данное литературное явление достаточно эффективно как для профессионального развития, так и для удовлетворения авторской потребности в новом жанре. Литературная мистификация на рассмотренных нами примерах помогает в создании нового художественного пространства или специфического писательского статуса в определенных исторических условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков, В. В. Борис Акунин в зеркале лингвокультурологии: секреты коммерческого успеха и лингвокультурный смысл псевдонима /В. В. Волков, С. Г. Янович // Язык и культура (Новосибирск). – Новосибирск, 2013. – № 6. – С. 168–176.
2. Достоевский, Ф. М. Об искусстве / Ф. М. Достоевский. – М., 1973. – С. 415.
3. Ипполитов, С. С. Мистификация Пушкина: кем был покойный «славный малый» Иван Петрович Белкин? / С. С. Ипполитов, В. И. Тюпа // Новый исторический вестник. – Москва, 2015. – № 4(46). – С. 129–148.
4. Попова, И. Л. Смех и слезы в «Повестях Белкина» / И. Л. Попова // Пушкин А. С. Повести Белкина. – М., 1999. – С. 481.
5. Пушкин, А. С. Повести Белкина / А. С. Пушкин. М., 1999. – С. 221.
6. Светова, З. Чужая слава. Почему авторы российских бестселлеров боятся раскрывать свое настоящее имя / З. Светова [Электронный ресурс] // Новые известия. – 04.04.2008. – Режим доступа: <http://www.newizv.ru/society/2008-04-04/87812-chuzhaja-slava.html>.
7. Черняк, М. А. «Маска, я тебя знаю», или проект Б. Акунина «Авторы» как эксперимент над читателем / М. А. Черняк // Библиотечное дело. – Санкт-Петербург, 2012. – № 18(180). – С. 8–13.

SUMMARY

Eugeniya Bosak. Literary mystification as a means of personal self-realization.

In this article the possibility of realization of the author's personality by means of literary hoax is considered. On the example of B. Akunin and I. P. Belkin, we consider the goals pursued by their authors-creators, as well as ways to implement their literary projects.

Key words: literary hoax, the identity of the author, self-realization, B. Akunin, I. P. Belkin.

Гришина Алина
Научный руководитель – д. филол. н., проф. Герасименко И. А.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЧАСТНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ В МЕДИА-ТЕКСТАХ ДОНБАССА

В XXI веке сложно представить печатную продукцию, телевизионные и радиопрограммы, которые не содержали бы рекламу. В наше время ей отводится значительное место на многочисленных сайтах. Особое значение приобретают бесплатные частные объявления, которые помогают людям купить или продать какой-либо товар, расширить клиентскую базу или привлечь новых работников в бизнес. Интернет-объявление призвано помочь продавцу/работодателю найти покупателя/сотрудника с соответствующими профессиональными качествами, а соискателю – приобрести необходимый товар или реализовать себя как специалиста.

Частное объявление направлено на то, чтобы проинформировать потенциального покупателя и побудить его к приобретению товара либо услуги. Для верного осуществления поставленной продавцом задачи он составляет правильное с точки зрения коммуникативной ценности сообщение, которое, как правило, состоит из двух групп элементов: невербальной (фотографии) и вербальной (заголовка, основного текста, адресных данных).

Цель нашей работы – исследовать структурные особенности частных объявлений в медиа-текстах Донбасса. Материалом исследования выступили частные объявления, размещенные на сайте olx.ua (местоположение – Донецкая область: Макеевка, Горловка, Енакиево, Дебальцево, Торез, Снежное, Шахтёрск, Ждановка, Докучаевск, Амвросиевка, Ясиноватая, Донецк, Харцызск, Кировское, Зугрэс, Новоазовск).

Рассматривая структуру частного объявления на сайте olx. ua, мы можем отметить, что такие объявления имеют 8 основных структурных частей.

Первой структурной частью объявления на olx.ua является собственно текст объявления и фотография. Эту структурную часть также можно назвать, вслед за В. Е. Чернявской [4, 65], поликодовым текстом, поскольку сообщение в ней закодировано невербальными компонентами. Фотография вносит дополнительный оттенок в содержание.

Следует отметить, что составление поликодового текста наступает с появления авторской идеи, замысла, которому потом придаётся

формальное проявление. Толкование содержания поликодового текста, напротив, наступает с восприятия читателем внешнего вида, который, во-первых, дает сведения о тексте как о поликодовой комбинации и, во-вторых, соотносит текст с конкретным типом текста. Таким образом, читатель вначале видит, какого рода перед ним текст (фото, коллаж), и только потом знакомится с его содержанием.

В лингвистике наряду с термином «поликодовый» используются термины-синонимы: «супертекст», «бимедиаальный», «полимодальный», «мультимедиаальный», «вербально-визуальный», «креолизованный» (см. работы А. Г. Лошакова, А. Г. Сониной, Ю. А. Сорокина) [1, 100; 2, 207; 3, 180]. На наш взгляд, наиболее точной является точка зрения В.Е. Чернявской, которая считает, что термин «поликодовый текст» более точно и ясно, чем другие, передает суть коммуникативного феномена: «С одной стороны, «поликодовый» фокусирует факт взаимодействия различных кодов, если понимать под кодом систему условных обозначений, символов, знаков и правил их комбинации между собой для передачи, обработки и хранения (запоминания) информации в наиболее приспособленном для этого виде. [...] С другой стороны, термин «поликодовый текст» обращает внимание на текстуальный характер обозначаемого явления, его содержательно-смысловую целостность, что уходит на задний план при использовании термина «коммуникат» [5, 90].

Второй структурной частью объявления является заголовок, в котором продавец кратко сообщает максимум информации о товаре, при этом указывает ключевые слова, по которым покупатель будет искать необходимый ему товар. Например, «продам диван», «стиральная машинка», «куртка зимняя», «щенки породы Джек-рассел-терьер», «продам 2-х комнатную квартиру» и т.д.

Третья структурная часть – это рубрики и подрубрики объявлений. На сайте olx.ua существует большое количество рубрик и подрубрик для того, чтобы покупателю было проще найти необходимый товар. Рассмотрим некоторые из них.

Детский мир: детская одежда (одежда для мальчиков; одежда для девочек; одежда для новорожденных); детская обувь; детские коляски; детские автокресла; детская мебель; игрушки; детский транспорт; товары для кормления; товары для школьников; прочие детские товары.

Недвижимость: квартиры, комнаты (долгосрочная аренда квартир, комнат; продажа квартир, комнат); дома (долгосрочная аренда домов; продажа домов); земля (аренда земли; продажа земли); коммерческая недвижимость (продажа коммерческой недвижимости; аренда коммерческой недвижимости); гаражи, парковки (аренда гаражей парковок; продажа гаражей, парковок); посуточная аренда

жилья (дома посуточно, почасово; квартиры посуточно, почасово; комнаты посуточно, почасово; отели, базы отдыха; хостелы, койко-места; предложения туроператоров); предложения от застройщиков (квартиры от застройщиков (новостройки); дома от застройщиков (коттеджные городки); недвижимость за рубежом.

Транспорт: легковые автомобили; автомобили из Польши; грузовые автомобили; автобусы; мото (мотеды/скутеры; квадроциклы; мотоциклы); спецтехника (бульдозеры/тракторы; коммунальная техника, погрузчики, самосвалы, строительная техника, экскаваторы, оборудование для спецтехники, прочая спецтехника); сельхозтехника; водный транспорт; воздушный транспорт; прицепы/дома на колесах; другой транспорт.

Запчасти для транспорта: автозапчасти и аксессуары (автозапчасти; аксессуары для авто; автозвук; GPS-навигаторы/авторегистраторы; транспорт на запчасти); шины, диски и колёса (автошины; мотошины; диски; колёса в сборе; колпаки); запчасти для спец/сельхозтехники; мотозапчасти и аксессуары (мотозапчасти; мотозкипировка; мото аксессуары); прочие запчасти.

Работа: розничная торговля/продажи/закупки (предлагаю; ищу); транспорт/логистика (предлагаю; ищу); строительство (предлагаю; ищу); телекоммуникации/связь (предлагаю работу; ищу работу); бары/рестораны (предлагаю; ищу); юриспруденция и бухгалтерия (предлагаю; ищу); управление персоналом/HR (предлагаю работу; ищу работу); охрана/безопасность (предлагаю; ищу); домашний персонал (предлагаю; ищу); красота/фитнес/спорт (предлагаю; ищу); туризм/отдых/развлечения (предлагаю; ищу); образование (предлагаю; ищу); культура/искусство (предлагаю; ищу); медицина/фармация (предлагаю; ищу); ИТ/телеком/компьютеры (предлагаю; ищу); банки/финансы/страхование (предлагаю работу; ищу работу); недвижимость (предлагаю работу; ищу работу); маркетинг/реклама/дизайн (предлагаю; ищу); производство/энергетика (предлагаю; ищу); сельское хозяйство/агробизнес/лесное хозяйство (предлагаю работу; ищу работу); секретариат/АХО (предлагаю; ищу); начало карьеры/студенты (предлагаю; ищу); сервис и быт (предлагаю; ищу); другие сферы знаний (предлагаю; ищу); работа за рубежом (предлагаю работу; ищу работу).

Животные: бесплатно (животные и вязка); собаки; кошки; аквариумистика; птицы; грызуны; рептилии; сельхоз животные; другие животные; зоотовары; вязка; бюро находок.

Дом и сад: канцтовары/расходные материалы; мебель (мебель для гостиной; мебель для спальни; мебель для прихожей; кухонная мебель; мебель для ванной комнаты; офисная мебель; мебель на заказ); продукты питания/напитки; сад/огород; предметы интерьера (светильники; текстиль; декор окон); строительство/ремонт

(вентиляция; сантехника; отопление; электрика; пиломатериалы; отделочные и облицовочные материалы; окна/двери/стекло/зеркала; лакокрасочные материалы; металлопрокат/арматура; элементы крепежа; кирпич/бетон/пеноблоки; прочие стройматериалы); инструменты (бензоинструмент; ручной инструмент); электроинструмент; пневмоинструмент; прочий инструмент); комнатные растения; посуда/кухонная утварь; садовый инвентарь; хозяйственный инвентарь/бытовая химия; прочие товары для дома.

Электроника: телефоны и аксессуары; компьютеры и комплектующие; фото/видео; тв/видеотехника; аудиотехника; игры и игровые приставки; планшеты/эл. книги и аксессуары; ноутбуки и аксессуары; техника для дома; техника для кухни; климатическое оборудование; индивидуальный уход; аксессуары и комплектующие; прочая электроника.

Бизнес и услуги: строительство/ремонт/уборка; финансовые услуги/партнерство; перевозки/аренда транспорта; реклама/полиграфия/маркетинг/интернет; няни/сиделки; сырьё/материалы; красота/здоровье; оборудование; образование/спорт; услуги для животных; продажа бизнеса; развлечения/искусство/фото/видео; туризм/иммиграция; услуги переводчиков/набор текста; авто/мото услуги; ремонт и обслуживание техники; сетевой маркетинг; юридические услуги; прокат товаров; прочие услуги.

Мода и стиль: одежда/обувь; для свадьбы; наручные часы; аксессуары; подарки; красота/здоровье; мода разное.

Хобби, отдых и спорт: антиквариат/коллекции; музыкальные инструменты; спорт/отдых; книги/журналы; CD/DVD/пластинки/кассеты; билеты; поиск попутчиков; поиск групп/музыкантов; другое.

Четвертой структурной частью является выбор параметра «частное лицо», если продавец предлагает собственный товар, или «бизнес», если человек представляет интернет-магазин, агентство, компанию.

Пятая структурная часть – описание, где продавец дает характеристику товару или описывает предлагаемую им услугу. Описание содержит в себе значимую для продавца информацию о товаре или услуге.

В шестой структурной части продавец указывает цену товара и валюту; если товар отдаётся бесплатно или продавец намерен его обменять, выбирается соответствующий параметр. Также есть параметр «торг», если продавец готов пересмотреть указанную им цену.

Седьмая структурная часть – местоположение. Регион, город, район указывается продавцом для того, чтобы покупателю или потребителю услуг было понятно, где находится продавец.

Восьмой структурной частью является E-mail и номер телефона для связи покупателя с продавцом.

Таким образом, любое объявление на olx.ua имеет общепринятую структуру. Вся необходимая и полезная информация о товаре либо услуге распределяется по этим структурным частям, языковые особенности которых будут рассмотрены в наших дальнейших работах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лошаков, А. Г. Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – Вып. № 66. – С. 100–109.
2. Сонин, А. Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. – М. : ИЯ РАН, 2005. – 219 с.
3. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция [Текст] / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия: кол. моногр. / отв. ред. Р. Г. Котов. – М. : Наука, 1990. – С. 180–186.
4. Чернявская, В. Е. Лингвистика в медиальной парадигме: к постановке вопроса / В. Е. Чернявская // Когниция, коммуникация, дискурс. Направление : Филология. – 2012. – № 4. – С. 63–71.
5. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. – М. : Либроком, 2009. – 248 с.

Димитренко М. А.

*Научный руководитель – д. филол. н., проф. Фёдоров В. В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНФЛИКТ В РОМАНЕ В СТИХАХ А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

В ходе данного исследования был изучен художественный конфликт в романе в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин», а также средства его отображения. Рассмотрены точки зрения различных исследователей. Исследованы проявления различных художественных методов в произведении.

Ключевые слова: «Евгений Онегин», А. С. Пушкин, художественный конфликт, реализм, романтизм.

Роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» – это одно из центральных произведений не только в творчестве его автора, но и в целом в русской литературе, которое оказало существенное влияние на этапы дальнейшего её становления. В. Г. Белинский в девятой статье из цикла «Сочинения Александра Пушкина» справедливо назвал «Евгения Онегина» «энциклопедией русской жизни» [2, 128]. Изображаемая эпоха (время действия романа – 1819-1825 гг.) представляется читателю в полной мере, этому способствуют детализация быта и широта охватываемых тем.

Такая масштабность позволила автору изобразить множество социальных явлений и личностных проблем, которые с ними связаны, а также выразить свои философские и эстетические взгляды, в том числе и через художественный конфликт в произведении.

Актуальность данного исследования заключается в том, что, несмотря на огромное количество написанных работ, единого мнения по поводу конфликта в романе в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» до сих пор нет.

Цель исследования: изучение художественного конфликта в романе в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин», средств его раскрытия и значения для произведения в целом.

В соответствии с поставленной целью решаются следующие задачи:

1. Изучение специфики художественного конфликта.
2. Выявление особенностей художественного конфликта в лиро-эпическом произведении.
3. Выявление художественного конфликта в исследуемом произведении.
4. Рассмотрение средств раскрытия художественного конфликта.
5. Анализ значения данного конфликта.

В ходе исследования нами было обнаружено, что рассмотрение вопроса о художественном конфликте является чрезвычайно актуальным, так как данное явление выступает во многих произведениях движущей силой для сюжета, его основой. В литературоведении художественный конфликт обычно трактуется как «противоположность», «противоборство» во взаимоотношениях героев произведения. Однако при более детальном изучении вопроса многие исследователи приходили к вполне обоснованному выводу: художественный конфликт не может быть приравнен к бытовому конфликту, перенесённому в художественное произведение. Он имеет совершенно другую, эстетическую природу, которая существенно преобразует его. «Поэтический образ – практическая форма разрешения какого-то фундаментального противоречия самого прозаического мира, и в усилии решить этот конфликт прозаический мир превозмогает себя и становится поэтическим»

[10, 130]. В связи с этим в последнее десятилетие данной проблеме всё чаще посвящаются научные труды [5], [7].

Изучив историю вопроса, мы выявили, что конфликт как основополагающая категория в «Евгении Онегине» рассматривается в различных работах уже долгое время. После публикации романа начали появляться критические статьи, освещающие данный вопрос. Среди них можно назвать публикации Баратынского [1], Киреевского [4] и др. В дальнейшем об этом писали такие литературные критики, как Белинский, Герцен, Добролюбов. Научные исследования проводились Цейтлином [11], Бочаровым [3], Лотманом [6], Пospelовым [8] и другими. В XXI столетии проблема конфликта чаще всего затрагивается в связи с изучением влияния творчества Пушкина и его романа в стихах на дальнейшее развитие русской литературы (работы Юхновой [14], Шиньева [13], Чудакова [12]).

Последовательное изучение и систематизация теоретического материала позволили основательно подойти к исследованию частных конфликтов в «Евгении Онегине». При помощи использования сопоставительного метода, а также метода целостного анализа произведения нами были выявлены три основных коллизии с участием главного героя: между Онегиным и обществом, между Онегиным и Ленским, между Онегиным и Татьяной.

Общественный конфликт произведения заключается в неспособности героя быть включённым в общих образ действий и мысли, отделение от привычной среды, но невозможность обрести новую. Этот конфликт сопряжён и с внутренним конфликтом героя, который испытывает душевную пустоту, и с философским, выражающим образ мыслей автора, его художественное видение мира.

Противопоставление в романе Онегина и Ленского, которое осуществляется при помощи различных антитез, употребления различных эпитетов и метафор, подчёркивающих их различия. Поведение Евгения и Владимира можно соотнести с поведением героев двух типов – реалистического и романтического соответственно. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что конфликт фабульный является проекцией столкновения двух художественных методов. Подобная ситуация наблюдается и в отношении любовного конфликта в романе в стихах, однако образ Татьяны гораздо более сложный, чем образ Ленского, в нём эти черты выражены не столь явно, поэтому данная сторона вопроса требует более детального изучения в дальнейшем.

Все названные конфликты можно именовать конфликтами лишь условно, так как прямого столкновения здесь нет, в связи с этим нужно учитывать, что в этот период творчества Пушкина переход

от одного художественного метода к другому не был завершён окончательно, эта перемена творческого сознания не была резкой. Несмотря на то, что ни один конфликт в романе так и не решается в ту или иную сторону, все они играют очень важную роль, являясь не только средством для продвижения сюжета, но и способом выражения отношения самого автора к обществу, жизненным ценностям, а также художественному методу, назначению поэзии и поэта.

Проводя исследование, мы пришли к выводу, что основные формальные конфликты содержат в себе глубинные философские и эстетические смыслы.

Художественный конфликт в романе в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин», несмотря на большое количество работ, посвящённых этой теме, до сих пор остаётся актуальным аспектом для исследований ввиду обширности данного вопроса и отсутствия единого мнения среди учёных-литературоведов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баратынский, Е. А. Стихотворения. Проза письма / Е. А. Баратынский; [сост. В. А. Расстригин, А. Е. Тархов]. – М. : Правда, 1983. – 352 с.
2. Белинский, В. Г. Статьи о классиках / В. Г. Белинский; [под ред. С. Красновой]. – М. : Художественная литература, 1970. – 605 с.
3. Бочаров, С. Г. Филологические сюжеты / С. Г. Бочаров. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 656 с.
4. Киреевский, И. В. Избранные статьи / И. В. Киреевский; [сост. В. А. Котельникова]. – М. : Современник, 1984. – 383 с.
5. Коваленко, А. Г. Антиномизм и бинарный архетип в структуре художественного конфликта / А. Г. Коваленко // Вестник РУДН. – 2003-2004. – С. 5 – 12.
6. Лотман, Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 1995. – 472 с.
7. Нагапетова, А. Г. К вопросу о теории художественного конфликта / А. Г. Нагапетова // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2008. – С. 6–8.
8. Поспелов, Г. Н. «Евгений Онегин» как реалистический роман / Г. Н. Поспелов // Пушкин. Сборник статей. – М. : ГИХЛ, 1941. – 579 с.
9. Пушкин, А. С. Евгений Онегин / А. С. Пушкин; [под ред. Л. Я. Тимошенко]. – СПб. : Астрель, 2004. – 192 с.
10. Фёдоров, В. В. Статьи разных лет / В. В. Фёдоров. – Донецк : Норд-Пресс, 2007. – 232 с.

11. Цейтлин, А. Г. «Евгений Онегин» и русская литература / А. Г. Цейтлин; [под ред. Д. Д. Благого]. – М. : АН СССР, 1984. – 107 с.
12. Чудаков, А. П. К проблеме тотального комментария «Евгения Онегина» / А. П. Чудаков // Пушкинский сборник. – М. : Три квадрата, 2005. – С. 210–236.
13. Шиньев, Е. П. Интермедальность как механизм межкультурной диффузии в литературе (на примере романов В. В. Набокова «Дар») / Е. П. Шиньев // Аналитика культурологии. – 2009. – С. 5–11.
14. Юхнова, И. С. «Онегинский» сюжет, «Онегинский» миф, «Онегинский» код / И. С. Юхнова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 4. – С. 181–186.

SUMMARY

Margarita Dimitrenko. Artistic conflict in the novel in verse by A. S. Pushkin «Eugene Onegin».

In the course of this study, we studied the artistic conflict in the novel in verse by A. S. Pushkin «Eugene Onegin», as well as the means of its display. The points of view of various researchers are considered. The manifestations of various artistic methods in the work are investigated.

Key words: «Eugene Onegin», A. S. Pushkin, artistic conflict, realism, romanticism.

Дмитриева Юлия

*к. филол. н., доц. кафедры общего языкознания и славянских языков
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

ОБРАЗ ОСЕНИ В ПОЭЗИИ С. ГОРОДЕЦКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА «ОСЕННИЙ ВИХРЬ»)

В статье рассматривается образ осени в произведениях цикла «Осенний вихрь» С. Городецкого. Автором описываются основные лексические единицы, эксплицирующие данный образ, а также грамматические средства, репрезентирующие образ осени как динамичный феномен онтологического мира.

Ключевые слова: образ, образный ландшафт, метафорическая модель, лингвокультура, средства экспликации.

Проблема манифестации авторской картины мира в языке его произведений обладает высоким исследовательским потенциалом

и в филологических исследованиях, выполненных в рамках антропологической лингвистики, становится всё более актуальной. Изучение образов, входящих в художественную картину мира писателей, и средств их экспликации позволяет описать особенности транслируемых культурных доминант. Одним из таких образов в поэтическом наследии многих авторов является осень, с которой связаны разнообразные представления (см. [5, 568–570]).

Образ осени как времени года, поры любви и свободы актуализирован в стихотворениях С. Городецкого, например, в цикле «Осенний вихрь», входящем в книгу «Дикая воля». Описание рассматриваемого образа квалифицируется нами как динамическое. Ср. значения вербальных знаков *вихрь*, *пожар*, *горящий лес*, *огонь*, *закат* и др., вынесенных в заголовки произведений цикла. Так, за словом *вихрь* закреплено значение «порывистое, стремительное круговое движение воздуха» (Здесь и далее выделено нами – прим. Ю.Д.) [2]. Лексема *пожар* употребляется для обозначения «распространения огня, сопровождающееся уничтожением имущества и всего того, что может сгореть» [2]. А словоформа *огонь* функционирует для номинирования «пламени или чего-либо *горящего*, *зажженного*» [2]. В языковом опыте этноса за лексической единицей *закат* закреплено значение «*время захода солнца*» [2]. Кроме того, данное слово обладает цветовой семантикой, поскольку указывает также на «огненно-красное освещение неба над горизонтом при заходе солнца» [2]. Наконец, значение словосочетания *горящий лес* выводим из его компонентов. *Лес* употребляется для обозначения «пространства, заросшего множеством деревьев» [2], а причастие *горящий* в данном контексте указывает на окраску кроны деревьев. Ср.: «Горящий – перен. *выделяющийся* своим ярким цветом, окраской» [2]. Итак, в каждом из данных вербальных знаков содержится сема «движение, процесс, деятельность».

Стихотворения цикла создают единый образ осени: её длительности и окончания. Что позволяет говорить не об образе осени, а об образном ландшафте (терминосочетание Б. М. Гаспарова).

Целью настоящего исследования является выделение и описание средств экспликации образа осени в произведениях С. Городецкого (на материале цикла «Осенний вихрь»).

Исследования, направленные на определение языковых средств, эксплицирующих базовые образы, или образные ландшафты, художественной картины мира писателя позволяют выявить и описать особенности интерпретации явлений среды, в которой человек проходит социализацию, формируется как личность и член этноса.

В тексте произведений С. Городецкого образ осени эксплицирован вербальными знаками *осень* (словоформа использована 5 раз в

текстах цикла), *осенний* (имя прилагательное употреблено 4 раза в стихотворениях цикла), синтаксической конструкцией *поздняя осень* и др.

Поэт описывает данную пору года как длящуюся и имеющую окончание. В поэзиях цикла нет ни одного упоминания о её начале. С. Городецкий констатирует уже наступившие изменения. Ср.: *Как взлетают эти листья / К небесам пустым; / Как себя роняют листья / Вихрем золотым* [1]; *Листья, сорванные вихрем, / Вихрем падают ко мне* [1]; *Только в лиственном багрянце...* [1]; *Выше, выше, выше в синь, / В синеву своих пустынь!* [1].

Отметим, что в «Россия. Большой лингвострановедческий словарь» выделяется несколько периодов осени. Это как календарное деление на три месяца: сентябрь, октябрь, ноябрь; так и распределение на раннюю, позднюю и глубокую осень. Ср.: «*Ранней осенью* считается сентябрь, *поздней осенью* – конец октября – ноябрь. Эти словосочетания имеют и другое значение. *Ранней* называют такую осень, когда уже в сентябре увядают растения, начинаются ночные заморозки и даже днем температура не поднимается выше + 10° С. *Поздней* называют такую осень, когда в октябре ночные температуры не опускаются ниже 0° С. Последние осенние дни, предзимье, называют *глубокой осенью* (с названиями других времен года прилагательное *глубокая* не употребляется) [4, 406]. В этот период крона лиственных деревьев изменяет пигментацию, а со временем опадает. В народном календаре этот процесс получил название *листопада*, т.е. «опадание листьев с растений осенью» [2]. Он эксплицирован в приведённых примерах словами и словосочетаниями *золотой, лиственный багрянец, ронять листья*, а также предикативной основой *листья падают*. Кроме того, рассматриваемый образ объективирован в произведениях цикла словами и словосочетаниями со значением цвета или оттенков, свойственных данному времени года: *желтизна, золотой, жёлтый, золотиться, розоветь, жёлто, рыже, буро, ало, лиственный багрянец, пламенный жар, бурые листья, омытый кровью* и др.

Кроме перечисленных признаков осени как наступившего времени года, зафиксированных в текстах С. Городецкого, в число примет рассматриваемой поры времени, отраженных в фольклорной культуре, относят «усиление ветров, дожди, слякоть и сырость, появление инея и первого снега» [5, 569]. Указанные изменения объективированы в текстах цикла «Осенний вихрь» словом *вихрь*, длительность которого вербализована глаголами *ронять, падать, взлетать* и др. Эти лексемы выражают представление о направлении движения объектов (в стихотворениях это листья), а также о времени совершения действия: в предложениях они употреблены в форме настоящего времени. Такое использование

глаголов подчёркивает, что процесс уже начался и протекает какое-то время, но ещё не завершается. Ср.: *Мчится вихрь в осеннем поле* [1]; *И далекие метели / В вихре огненном гудят* [1]. На это указывает и использование номинативных предложений, например: *Вихрь осенний!* [1].

Словосочетания *к небесам пустым* и *в синеву своих пустынь* выражают представление об осени как времени отлёта перелётных птиц в тёплые края. Ср.: «Пустой – ничем не наполненный или с ничтожным количеством чего-либо» [2], «Пустыня – простирающееся на большое расстояние безлюдное, необитаемое пространство» [2].

Значение «процессуальности, динамики» выражается автором и с помощью риторических вопросов, указывающих на предыдущее состояние описываемых объектов онтологического мира. Ср.: *Вон береза золотится, / Зеленела не она ль?* [1]; *Вон осина розовеет. / Не была ли зелена?* [1]; *Вон и клен, омытый кровью, / Уж не клен ли не зелен?* [1]. Использование глаголов со значением «приобретение / утрата цвета» (*золотиться, зеленеть, розоветь*), а также причастного оборота *омытый кровью*, т.е. ярко-красный, и составного именного сказуемого *зелен* создаёт антитезу: автор предлагает читателю сравнить цветовую гамму объектов реальности, а также акцентирует внимание на процессе быстрой смены цвета кроны деревьев, что характерно только для осени как поры увядания.

Отметим, что образ осени в сознании поэта тесно связан с образами огня и пожара. В текстах С. Городецкого вербализованы метафорические модели «осень → огонь», «осень → пожар». Данный перенос основан на тождестве цветовой гаммы лиственного покрова деревьев и пламени. Ср.: *С каждым часом нестерпимей / Леса пламенного жар* [1]; *Сковала / Огненным кольцом лесов* [1].

Следовательно, образ осени в произведениях С. Городецкого (в частности, цикле «Осенний вихрь») репрезентирован как прямыми номинациями *осень, осенний*, так и использованием лексем со значением цветов, свойственных данной поре года, грамматическими средствами, описывающими динамичность рассматриваемого образа. Индивидуально-авторское видение образа осени, отображённое в текстах цикла, основано на традиционных для русской лингвокультуры представлениях и требует дальнейшего детального изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Городецкий, С. М. Осенний вихрь // Избранные сочинения. Т. 1. Стихотворения [Электронный ресурс] / С. М. Городецкий. – М. : Художественная литература, 1987. – Режим доступа : <https://profilib.org/chtenie/26359/sergey-gorodetskiy-izbrannyye-proizvedeniya-tom-1-lib-29.php> (дата обращения: 20.11.2019).

2. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – Режим доступа : <https://www.efremova.info> (дата обращения: 20.11.2019).
3. Красных, В. В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2012. – № 3. – С. 67–73.
4. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / Под общ. ред. Ю. Е. Прохорова. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 736 с.
5. Славянские древности: Этнолингвистический словарь [в 5-ти т.] ; Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3: К (Круг)–П (Перепёлка). – М. : Международные отношения, 2004. – 693 с.

SUMMARY

Julia Dmitrieva. The image of autumn in poetry by S. Gorodetsky (based on the cycle «Autumn Swirl»).

The article considers the image of autumn in the works of the cycle «Autumn Swirl» by S. Gorodetsky. The author describes the main lexical units explicating this image, as well as grammatical means representing the image of autumn as a dynamic phenomenon of the ontological world.

Key words: image, imaginative landscape, metaphorical model, linguoculture, means of explication.

Дмитрова Екатерина

*Научный руководитель – к. филол. н., доц. Ярошенко Н. А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР*

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ АДЪЕКТИВНЫХ ГОДОНИМОВ ПЕТРОВСКОГО РАЙОНА ГОРОДА ДОНЕЦКА

В статье представлена структурно-семантическая классификация адъективных годонимов Петровского района города Донецка. Проанализированы основные модели образования наименований линейных объектов названного типа, установлена их частотность.

Ключевые слова: топоним, урбаноним, годоним, структурно-семантическая классификация, улица.

Комплексное изучение наименований городских объектов разных типов является одной из актуальных задач современной ономастики в целом и региональной ономастики в частности.

По определению Н. В. Подольской, урбанонимика (от лат. *urbanus* 'городской') – это одним из подразделов топонимики, изучающий имя собственное любого внутригородского топографического объекта, в том числе годонима, агоронима, хоронима, экклезионима, ойкодомонима [4, 139].

Т. В. Шмелёва в монографии «Ономастикон российского города» рассматривает урбанонимное пространство как полевую структуру и отмечает, что ядро городского ономастикона составляют его хоронимы, примыкают к этому ядру урбанонимы, образованные от ключевых топонимов природного ландшафта, а «вокруг этого ономастического ядра располагаются имена городского пространства – улиц и площадей, переулков и остановок общественного транспорта» [2, 26–27].

Таким образом, значимой видовой разновидностью урбанонимов являются годонимы. Годоним – это «название линейного объекта в городе, в том числе проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной» [5, 174]. В качестве терминов-классификаторов для годонимов могут выступать такие номенклатурные обозначения таких линейных адресных объектов, как улица, проспект, бульвар, переулок, линия, проезд, тупик, аллея, шоссе, микрорайон, квартал (см. обзор в [6; 7]).

Целью настоящей статьи является комплексный структурно-семантический анализ однокомпонентных адъективных годонимов Петровского района города Донецка.

При рассмотрении структурных параметров годонимов Петровского района города Донецка опираемся на классификации, предложенные в работах Н. Ю. Забелина [3] и Л. В. Егоровой [1; 2].

Объектом исследования выступает структура годонимов Петровского района города Донецка, в то время как **предмет анализа** составляют морфемные и словообразовательные особенности рассматриваемых годонимов, продуктивность моделей, по которым они образуются.

Материал исследования извлекался методом сплошной выборки годонимов из различных реестров наименований улиц Петровского района города Донецка. При формировании картотеки фактического материала также принимались во внимание данные справочников, интернет-сайтов и карты города. Авторская картотека охватывает 361 годоним, при этом на территории Петровского района реализуются годонимы с такими классификаторами, как улица (333 единицы), переулок (25 единиц), проспект (3 единицы). На территории Петровского района также представлены агоронимы, т. е. имена собственные, обозначающие площади (3 единицы).

Систематизация и анализ фактического материала исследования свидетельствуют о том, что среди годонимов Петровского района

города Донецка к однокомпонентным адъективным годонимам относятся 153 единицы, что составляет 42,4 % от общего числа рассматриваемых годонимов. В структурном и словообразовательном аспекте адъективные годонимы Петровского района г. Донецка реализуют четыре модели:

I. Наиболее частотной среди однокомпонентных адъективных годонимов Петровского района города Донецка является адъективная модель с суффиксами **-ск-**, **-овск-**, **-к-**, с помощью которой образованы разноплановые в семантическом плане годонимы (96 годонимов, или 62,7 % от общего числа анализируемых адъективных годонимов): ул. Автобазовская, ул. Аксайская, ул. Алеутская, ул. Амударьинская, ул. Байкальская, ул. Банковская, ул. Белоозерская, ул. Белореченская, ул. Березовская, ул. Валдайская, ул. Великоанадольская, ул. Веиенская, ул. Волочаевская, ул. Вятская, ул. Галичская, ул. Гималайская, ул. Гладковская, ул. Горская, ул. Григорьевская, ул. Дальнеуральская, ул. Донугольская, ул. Железноводская, ул. Закарпатская, ул. Знаменская, ул. Ижевская, ул. Ильменская, ул. Июльская, ул. Казатинская, ул. Калининградская, ул. Ингулецкая, ул. Катовицкая, ул. Карловская, ул. Каховская, ул. Кизильская, ул. Кировоградская, ул. Кирпичнозаводская, ул. Киселевская, ул. Комитетская, ул. Космическая, ул. Красногоровская, ул. Красносельская, ул. Кременчугская, ул. Львовская, ул. Люберецкая, ул. Марксистская, ул. Максимилиановская, ул. Медицинская, ул. Мелитопольская, ул. Мурманская, ул. Нарофоминская, ул. Нахимовская, ул. Невельская, ул. Нижневартовская, ул. Новотроицкая, ул. Обольская, ул. Ольховская, ул. Павловская, ул. Первоуральская, ул. Планерская, ул. Постройкомовская, ул. Приазовская, ул. Проходская, ул. Республиканская, ул. Рижская, ул. Ромодановская, ул. Роцинская, ул. Самарская, ул. Саранская, ул. Селидовская, ул. Семипалатинская, ул. Социалистическая, ул. Спасская, ул. Старогорняцкая, ул. Товарищеская, ул. Томская, ул. Туркменская, ул. Турунская, ул. Углегорская, ул. Ученическая, ул. Финская, ул. Херсонская, ул. Черногорская, ул. Чугуевская, ул. Чусовская, ул. Шепетовская, ул. Энергетическая, ул. Южношахтерская, ул. Юпитерская, ул. Ямская, пер. Валуйский, пер. Выборгский, пер. Горняцкий, пер. Кантемировский, пер. Тихоокеанский, пер. Феодосийский, пер. Червоноармейский.

II. В то время как второе место по частотности среди однокомпонентных адъективных годонимов Петровского района города Донецка занимает адъективная модель с суффиксами **-н/-енн-** **/-ивн-**, представленными в структуре 44 годонима (28,8 %), которые также разнообразны в семантическом отношении: ул. Популярная, ул. Прогрессивная, ул. Рыночная, ул. Свободная, ул. Триумфальная, ул. Удачная, ул. Узорная, ул. Урожайная,

ул. Финальная, ул. Федеративная, ул. Электровозная, ул. Электродная, ул. Эстафетная, пр. Центральный, ул. Автодорожная, ул. Безлесная, ул. Боржомная, ул. Брикетная, ул. Брусничная, ул. Былинная, ул. Водолечебная, ул. Возрождения, ул. Выборная, ул. Дальневосточная, ул. Дорожная, ул. Дружная, ул. Желанная, ул. Жилищная, ул. Житная, ул. Зональная, ул. Изумрудная, ул. Камвольная, ул. Карнавальная, ул. Культурная, ул. Курортная, ул. Летняя, ул. Литейная, ул. Магнитная, ул. Метеоритная, ул. Новолесная, ул. Окраинная, ул. Параллельная, ул. Парашютная, ул. Пехотная.

III. Незначительное число рассматриваемых годонимов реализует адъективную модель с суффиксами *-ов/-ев-* (11 единиц, или 7,2 %): ул. Березовая, ул. Ясеновая, ул. Васильковская, ул. Ивовая, ул. Кремневая, ул. Мостовая, ул. Новосадовая, ул. Першитравневая, ул. Родниковая, ул. Черемуховая, ул. Бойцовая.

IV. Первообразная адъективная модель среди однокомпонентных годонимов Петровского района города Донецка представлена всего двумя номинациями, что составляет 1,3 % от общего числа анализируемых адъективных годонимов: ул. Проезжая, ул. Малая.

При этом адъективные годонимы, содержащие в своей структуре суффикс *-н/-енн-*, *-ов/-ев-*, как и так называемые первообразные годонимы типа ул. Проезжая, ул. Малая, а также часть годонимов с суффиксом *-ск-* образованы с помощью онимизацииаппеллятивов, поскольку в качестве производящей основы для них выступают относительные прилагательные: ул. Банковская, ул. Березовская, ул. Июльская, ул. Комитетская и др. Происходит переход имени нарицательного в имя собственное и закрепление его в качестве годонима как одного из разрядов топонимов в целом и урбанонимов в частности.

Рассмотрим, какие семантические модели представлены среди однокомпонентных адъективных годонимов Петровского района города Донецка.

Так, годонимы с суффиксами *-ск-*, *-овск-*, *-к-* по преимуществу выражают сугубо топонимические отношения, но вместе с тем и другие семантические отношения:

1. Годонимы, соотносимые с названиями городов как региона, так и России и в целом постсоветского пространства: ул. Аксайская, ул. Амударьинская, ул. Белоозерская, ул. Белореченская, ул. Валдайская, ул. Вешенская, ул. Вятская, ул. Галичская, ул. Первоуральская, ул. Рижская, ул. Самарская, ул. Саранская, ул. Селидовская, ул. Семипалатинская, пер. Выборгский, ул. Гладковская и др. (всего 53 годонима, или 34,6 %).

2. Годонимы, соотносимые с названиями гидронимов: пер. Тихоокеанский, ул. Ингулецкая, ул. Байкальская (3 годонима, или 1,9 %).

3. Годонимы, соотносимые с названиями государств: ул. *Черногорская*, ул. *Финская*, ул. *Туркменская* (3 годонима, или 1,9 %).

4. Годонимы, соотносимые с названиями лесов: ул. *Великоанадольская*, ул. *Ильменская* (2 годонима, или 1,3 %).

5. Годонимы, соотносимые с природными объектами: ул. *Гималайская*, ул. *Березовская*, ул. *Горская*, ул. *Роцинская* и др. (6 годонимов, или 3,9 %).

6. Годонимы, соотносимые с названием нации: ул. *Алеутская* (1 годоним, или 0,7 %).

7. Годонимы, соотносимые с названиями исторических событий времён революции и СССР, а также годонимы, в целом реализующие социально-идеологический код: ул. *Социалистическая*, ул. *Ромодановская*, ул. *Постройкомовская*, ул. *Марксистская*, ул. *Комитетская*, ул. *Июльская* и др. (15 годонимов, или 9,8 %).

8. Годонимы, соотносимые с названиями должностей, профессий: ул. *Ученическая*, ул. *Товарищеская* (2 годонима, или 1,3 %).

9. Годонимы, соотносимые с названиями городских объектов и организаций: ул. *Автобазовская*, ул. *Донугольская*, ул. *Кирпичнозаводская* и др. (8 годонимов, или 5,2 %).

10. Годонимы, соотносимые с названиями лиц: ул. *Григорьевская* (1 годоним, или 0,7 %). Также можно этот годоним рассматривать и в группе годонимов, соотносимых с историческими названиями внутригородских объектов.

Годонимы с суффиксами *-н/-енн-*, как свидетельствует анализ, выражают следующие отношения:

1. Годонимы, характеризующие улицу по присущим или приписываемым ей свойствам и качествам: ул. *Возрождения*, ул. *Дружная*, ул. *Желанная*, ул. *Изумрудная*, ул. *Карнавальная*, ул. *Культурная*, ул. *Курортная*, ул. *Летняя* и др. (19 годонимов, или 12,4 %). При этом годонимы этого типа можно обозначить как эмоционально-характерологические названия-позитивы.

2. Годонимы, характеризующие природный ландшафт и расположение улицы в пределах города в аспекте локального и географического параметров: пр. *Центральный*, ул. *Финальная*, ул. *Рыночная*, ул. *Новолесная*, ул. *Окраинная*, ул. *Параллельная*, ул. *Безлесная* и др. (17 годонимов, или 11,1 %).

3. Годонимы, соотносимые с названиями природных ресурсов, материалов, с товарами промышленного производства: ул. *Электровозная*, ул. *Электродная*, ул. *Литейная*, ул. *Магнитная*, ул. *Брикетная* и др. (8 годонимов, или 5,2 %).

Годонимы с суффиксами *-ов/-ев-* главным образом являются средством репрезентации локально-географической ориентации.

В частности топонимы этого типа представлены флористическими названиями, которые в целом несут информацию о разнообразном растительном мире региона: ул. *Васильковая*, ул. *Ивовая*, ул. *Черемуховая*, ул. *Ясневая* (4 топонима, или 2,6 %). Также топонимы, реализующие данную адъективную модель, представляют собой названия, которые ориентируют на внутригородские объекты: ул. *Береговая*, ул. *Мостовая*, ул. *Новосадовая* (3 топонима, или 1,9 %). Также топонимы характеризующиеся природными ресурсами: ул. *Кремневая*, ул. *Родниковая* (2 топонима, или 1,3%). Топонимы, соотносимые с названиями политических событий: ул. *Першотравневая* (1 топоним, или 0,7 %). Топонимы, соотносимые с деятельностью человека: ул. *Бойцовая* (1 топоним, или 0,65%).

Первообразная адъективная модель, как уже отмечалось, среди рассматриваемых топонимов представлена всего двумя номинациями, которые выражают следующие семантические отношения: характеристика улицы в плане конфигурации: ул. *Малая*, ул. *Проезжая* (2 топонима, или 1,3 %).

Таким образом, адъективная модель в топонимике Петровского района города Донецка представлена разнообразными структурными и семантическими разновидностями. Топонимы этого типа главным образом являются средством репрезентации локально-географической ориентации и соотносятся с разными типами топонимов, а также с апеллятивами с соответствующими лексическими значениями. Вместе с тем рассматриваемые однокомпонентные адъективные топонимы выполняют не только дескриптивную, но и оценочную, идеологическую, отсылочную функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егорова, Л. В. Структурные типы топонимов Чувашской Республики / Л. В. Егорова // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 4. – С. 231–235.
2. Егорова, Л. В. Опыт сопоставительного исследования топонимиконных структур республик Поволжья (Чувашии и Марий Эл): Дис. ... канд. филол. наук / Людмила Владимировна Егорова. – Чебоксары, 2018. – 184 с.
3. Забелин, Н. Ю. Московская городская топонимия. Структурно-семантический анализ топонимической системы : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Ю. Забелин. – М., 2007. – 23 с.
4. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
5. Шмелёва, Т. В. Ономастикон русского города / Т. В. Шмелёва. – Saarbrücken : Lap Lambert Academic Publishing, 2014. – 137 с.

6. Ярошенко, Н. А. Культурные коды в урбанонимиконе Донбасса (на материале адъективных годонимов Центрально-Городского района г. Макеевки) / Н. А. Ярошенко, У. Л. Чабан // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – № 3–4. – Донецк : ДонНУ, 2018. – С. 59–66.
7. Ярошенко, Н. А. Антропоморфный код в урбанонимиконе Донбасса (на материале отапельлятивных годонимов г. Донецка) / Н. А. Ярошенко // Материалы IV Международ. науч. конф. «Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк, 31 октября 2019 г.); под общей ред. проф. С. В. Беспаловой. – Т. 4. Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело. – Ч. 2. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2019. – С. 128–132.

SUMMARY

Ekaterina Dmitrova. The structural types of adjective godonyms of Petrovsky district of Donetsk.

The article deals with the structural and semantic classification of the Petrovsky district of Donetsk godonyms. The basic models of the formation of the names of linear objects of the named type have been analyzed, their frequency have been established.

Key words: toponym, urbanonym, godonym, lexical and semantic classification, street.

Дудка Анастасия

Научный руководитель – к. филол. н., проф. Черниченко Л. В.

*ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко»,
г. Луганск, ЛНР*

УЧИТЕЛЬ КАК ГЕРОЙ ВРЕМЕНИ В РОМАНАХ «ГЕОГРАФ ГЛОБУС ПРОПИЛ» А. ИВАНОВА И «ПОСЛЕДНИЕ ДНИ» Ю. ПОЙМАНОВА

В данной статье рассматриваются два произведения о школе и учителе, созданные в период рубежа веков. Примечательно, что роман «Последние дни», написанный луганчанином, выпускником филологического факультета ЛНУ имени Тараса Шевченко Ю. Поймановым, является образцом современной литературы Донбасса и повествует о жизни учителей региона в 90-е годы. В статье анализируются особенности создания авторами образов учителей как выразителей времени рубежа тысячелетий.

Ключевые слова: герой-учитель, рубеж веков, литература Донбасса, современный литературный процесс.

Литература рубежа веков, находясь в поиске нового героя, трансформирует укоренившиеся в культуре типы персонажей, создавая героя времени, воплощающего переходный характер эпохи. Как правило, им становится герой-маргинал, аутсайдер. Однако в аутсайдера превращается интеллигент, художник, творец. В один ряд с ними в современной литературе встал и герой-учитель.

О. Лебёдушкина в статье «Возвращение лузера» пишет: «В современной словесности учитель – давно уже никакой не наставник, не гуру, не носитель истины, а маргинал, стоящий на самом краю общества, собственно, на дне» [3, 193]. По ее мнению, «в начале 1990-х русская литература публично покаялась в грехе учительства и отказалась кого-либо чему-либо учить» [3, 189]. О. Лебёдушкина считает, что «в зеркале современной прозы школа посттоталитарная и постсоветская оказалась страшнее школы тоталитарной и советской» [3, 196]. По ее мнению, происходит своеобразная девальвация профессии педагога, и учителем становится либо ненавидящий своих учеников тиран, либо маргинал, случайно попавший в школу ввиду отсутствия каких-либо иных перспектив. **Подобная** ситуация отражена в таких произведениях, как «Класс коррекции» (2007) Е. Мурашовой, «Лето по Даниилу Андреевичу» (2007) Н. Курчатовой, К. Венглинской, «Мультики» (2010) М. Елизарова. Однако эта тенденция присуща лишь произведениям, написанным в духе гиперреалистической прозы, одним из образцов которой является роман Е. Георгиевской «Место для шага вперед» (2007). В произведении повествуется о жизни Володи – выпускника педагогического университета, который «по благу» устроился работать учителем. Школа представлена заведением, переходным *«между цирком и дурдомом»* [1]. Учителя, склонного к алкоголизму (эта пагубная привычка присуща всем педагогам, упомянутым в данном произведении), ученики называют *«наш мудака»* [1]. В финале романа герой все же не выдерживает трудностей учительских будней и предпочитает школе работу в вино-водочном магазине.

И. Некрасова утверждает, что в современной литературе с образом учителя связано не только движение сюжета, но и воплощение представлений автора о герое. Исследователь полагает, что главным героем современной литературы можно назвать самого автора, так как в нынешней литературе «многочисленны примеры использования документальных, автобиографических и мемуарных стратегий в собственно художественной практике» [4, 226]. Данные стратегии мы видим в романах «Ёлка. Из школы с любовью, или Дневник учительницы» (2012) О. Камаевой, «Как дневник. Рассказы учительницы» (2012) М. Аромштам, «Географ глобус пропил» (1995) А. Иванова, «Последние дни» (1997–1998) луганского автора Ю. Пойманова. Мы подробно остановимся на двух последних произведениях.

Виктор Служкин, герой романа «Географ глобус пропил», абсолютно не ощущает себя педагогом. У него нет педагогического образования и даже малейших знаний в области географии: « – Ты, географ, хоть помнишь, кто открыл Северный полюс? – спросил Будкин. – Нансен... – неуверенно сказал Служкин. – Или Амундсен. А может, Андерсен. У меня не эта география, у меня экономическая» [2, 14]. Кажется, даже автор иронизирует над героем уже в самом названии романа, именуя Служкина Географом. Однако относительно школы и воспитания детей у Виктора сложилась своя точка зрения, не соответствующая общепринятой. Он полагает, что роль учителя – обучать, а не воспитывать: «Школа не воспитательный дом, а я учитель, а не нянька» [2, 25]. Е. Шаронова в своей статье, посвященной концепции героя в романе Иванова, подчеркивает предназначение Географа как наставника: «Он живет в мире, не вмешиваясь в него, не изменяя, не ломая. Но его позиция не пассивная, а созерцательная. Служкин активен только в тех пределах мира, где, действительно, может что-то создать, по-настоящему выступить в роли Творца. И эти пределы – пора детства. Он не может уже влиять на своих ровесников, но дети – тот благодарный и благодарный, гибкий и нежный материал, из которого можно вылепить идеального человека» [6, 148].

«Педагогическая программа» Географа состояла в том, чтобы научить школьников преодолевать преграды на своем пути, ведь приходящая новая эпоха требует от человека «стального» характера. Он выстраивает свою собственную концепцию: «Я знаю, что научить ничему нельзя. Можно стать примером, и тогда те, кому надо, научатся сами, подражая. Однако подражать лично мне не советую. А можно просто поставить в такие условия, где и без пояснений будет ясно, как и что делать. Конечно, я откачаю, если кто утонет, но вот захлебываться он будет по-настоящему» [2, 312]. И хотя Служкин не хотел ничему учить «отцов», в конце похода он осознал, что невольно учил их любви: «Я думал, что устроил этот поход из своей любви к Маше. А оказалось, что я устроил его просто из любви. И может, именно любви я и хотел научить отцов – хотя я ничему не хотел учить. Любви к земле, потому, что легко любить курорт, а дикое половодье, майские снегопады и речные буреломы любить трудно. Любви к людям, потому что легко любить литературу, а тех, кого ты встречаешь на обоих берегах реки, любить трудно. Любви к человеку, потому что легко любить херувима, а Географа, бивня, лавину любить трудно. Я не знаю, что у меня получилось. Во всяком случае, я, как мог, старался, чтобы отцы стали сильнее и добрее, не унижаясь и не унижая» [2, 312].

Роман «Последние дни», принадлежащий перу луганского автора, выпускника филологического факультета Ю. Пойманова, вышел в 2012 году. В произведении, написанном в конце 90-х, повествуется

о тяжелой жизни учителей Донбасса в период рубежа веков. В предисловии к роману автор пишет: *«Это повесть – о личности, блуждающей в лабиринте вечных вопросов, о дезориентированном обществе, о современной школе с ее хроническими проблемами, о грехах и подвигах современного учителя. И – о поколении, следящем за всем этим внимательными детскими глазами. То есть – о нашем настоящем и будущем»* [5, 4]. Главный герой романа – Игорь Бронников, учитель истории, очень схож с Географом А. Иванова. Он идет работать в школу, чтобы прокормить семью. Его жена, тоже педагог, зарабатывает ничтожно мало. Причиной их бедности стали не только тяжелые 90-е, но и профессия, приносящая героям массу трудностей.

Современные учителя ощущают себя бессильными перед новой эпохой, приносящей им только горечь разочарования в своей профессии. Им ничего не остается, как опускаться до взяточничества. *«Я человек двадцатого века, и работать за кусок хлеба для меня, простите, унижительно. <...> Я – ненормальность, поскольку хочу жить достойно. Как интеллигент, как европеец двадцатого столетия. <...> И вот за это желание вы меня наказываете! Меня, а не тех, кто опускает народ до уровня биомассы»* [5, 37], – говорит учитель химии Ольга Петровна, когда ее обвиняют в вымогательстве денег со школьников. Автором романа описана проблема времени, которое превратило большую часть огромной страны в бедняков и «отбросов». Герой произведения – человек, ощущающий свою ценность, но не находящий себе применения и должного признания в обществе. *«Совещаемся. Решаем! А ведь трупы мы. <...> Трупы!!! Отбросы!!!»* [34, 83], – заявила одна из преподавательниц на педсовете.

Игорь Бронников, как и Географ, не может привыкнуть к «новой жизни». Он не понимает, почему его профессию общество перестало воспринимать всерьез. Например, родители его жены уверены, что Игорь и Ирина – бездельники, ведь *«чем они на работе занимаются – непонятно, но денег она не дает, а время забирает»* [5, 183]. Игорь с горечью отмечает: *«Интеллигент и дурак для простого народа – одно и то же, и ларьки ему нужны больше, чем школы»* [5, 183]. Но в отличие от Географа он начинает борьбу за свои права, зарплату, человеческое достоинство: *«Я хочу сопротивления, борьбы, я не могу смириться с этим обидливым положением, в которое нас ставят. <...> Я не могу видеть оскверненным свой социальный статус, потому что убежден в его достоинстве и даже почетности»* [5, 183]. Именно с таким лозунгом герой идет на забастовку. Он уверен, что выражение своей позиции важно не только для учителей, но и для детей, которых они учат: *«Отдайте ребенка на воспитание рабу, и получите двух рабов. Забастовка нужна для*

детей. И прежде всего для них» [5, 185]. Однако разочарование в новом времени никак не отразилось на качестве работы Игоря Борисовича. После его уроков ученики уходили из класса не только со знаниями, но и с желанием жить. «В нем словно происходила ядерная реакция: он облучал верой в разум и в Человека, и доза была такой, что облученный на всю жизнь оставался с этой верой. Она заставляла быть человеком и жить по-человечески, потому что это велико, потому что это разумно, потому что это красиво» [5, 277], – пишет учителю в своем предсмертном письме выпускник П. Теплых. Прочитав его, Игорь заново осознал, насколько важна его профессия. Ведь ничто не может скрыться от зоркого детского взгляда: ни тоска в учительских глазах, ни сцепленные зубы, ни разница между словом и поступком. Они болезненно ощущают все перемены, принесенные временем. Их глазами на учителя смотрит будущее, перед которым он не может, не имеет права совершить ошибку. Призвание педагога – своей жизнью, поступками не давать ученикам усомниться в себе, как в примере для подражания. Учитель в ответе за каждого ребенка, ведь последствия его работы могут быть непоправимыми. И никакие деньги не смогут унять боль от совершенной ошибки. В финале романа герой раскаивается: «Как мало мы завещаем любви и как много ненависти! Всю жизнь мы в пылу борьбы источаем яд злобы, а после боимся старости – одинокого бессилия, потому что за нами – легионы безжалостных и сильных по молодости варваров, следивших за нами в детстве внимательными, запоминающими глазами <...> Единственный способ остановить этот ход – пресечь его на себе. Утвердить собой иной порядок, другой закон. Показать добро, претворить его из красивых слов в реальность. Через себя. Только через себя. Тогда увидят и поверят, что оно есть, что оно возможно» [34, 281].

Таким образом, в автобиографических произведениях, написанных педагогами, герой-учитель, сталкиваясь с суровыми реалиями постсоветской действительности, бездуховностью и безнравственностью общества, либо примиряется с ними, либо силой своего духа противостоит им. Примером подобной стойкости являются герои романов А. Иванова и Ю. Пойманова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Георгиевская, Е. Место для шага вперед [Электронный ресурс] / Е. Георгиевская // Волга–XXI век. – 2007. – № 11–12. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/volga21/2007/11/ge9.html>. – Загл. с экрана. – (Дата обращения: 12.11.2019).
2. Иванов, А. Географ глобус пропил / А. В. Иванов. – М. : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. – 448 с.

3. Лебедушкина, О. Возвращение лузера. О любимчиках и пасынках «нового производственного романа» – 2 / О. Лебедушкина // Дружба народов. – 2009. – № 11. – С. 188–197.
4. Некрасова, И. Документальность и автобиографизм как заметная сюжетообразовательная стратегия новейшей русской литературы / И. В. Некрасова // Литературный текст XX века: проблемы поэтики. – 2010. – С. 226–231.
5. Пойманов, Ю. Последние дни (С. «Линия жизни») / Ю. Пойманов. – Луганск : Издательство «Шико», 2012. – 284 с.
6. Шаронова, Е. Концепция героя в романе А. В. Иванова «Географ глобус пропил» / Е. А. Шаронова // Новая наука: от идеи к результату : Междунар. науч. период. изд-е по итогам Междунар. научно-практ. конф. : в 2 ч. Ч. 2. – Стерлитамак : АМИ, 2016. – С. 147–151.

SUMMARY

Anastasia Dudka. Teacher as a hero of the time in the novels «A Geographer Who Drank a Globe Away» by A. Ivanov and «The Last Days» by Y. Poimanov.

This article discusses two works about the school and the teacher, written during the turn of the century. It is noteworthy that the novel «The Last Days», written by Luhansk resident, a graduate of the philological faculty of the Taras Shevchenko LNU, Y. Poymanov, is a model of modern literature of the Donbass and tells about the life of teachers in this region in the 90s. The article analyzes the features of the creation by the authors of images of teachers as spokesmen for the time of the turn of the millennium.

Key words: hero-teacher, turn of the century, literature of Donbass, modern literary process.

Гореславская Ольга

*Научный руководитель – к. филол. н., доц. Дмитриева Ю. Л.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В ТЕКСТАХ ЕГОРА ВОРОНОВА

В работе дано определение понятиям «образ» и «языковой образ», описаны этапы формирования языкового образа. Автором проанализированы средства экспликации образа человека в текстах горловского публициста, а также описаны средства экспликации индивидуально-авторского осмысления рассматриваемого образа.

Ключевые слова: публицистика, образ, человек, тематическая группа, признак.

В лингвистических исследованиях начала XXI в. предпринимаются попытки системного описания функционирования понятия «образ». Его представляют и как категорию сознания и мышления, и как категорию текста, и как лексико-семантическую категорию. В ряде исследований образ совмещает несколько трактовок. Например, Е. А. Юрина предлагает разграничивать образ₁, т.е. первичный чувственный образ, и образ₂ – вторичный ассоциативный образ. Лингвист отмечает, что такое разграничение обусловлено традицией рассмотрения образа в философии и психологии, а также двуплановостью его категориального содержания.

Целью работы является выявление и описание средств вербализации образа человека в текстах горловского публициста Егора Воронова.

Отметим, что рассмотрению языковых образов посвящены работы Н. Ф. Алефиренко, Б. М. Гаспарова, В. В. Красных, В. Н. Телия, И. А. Стернина, З. Д. Поповой, Е. А. Юриной, Н. А. Илюхиной, М. Я. Розенфельд и др. Учёные квалифицируют языковой образ и как категорию языкового сознания, и компонент семантической структуры слова, и как часть более сложной ментальной единицы – концепта. Исследователи отмечают, что языковой образ проходит несколько этапов формирования. Первый этап связан с восприятием основных параметров объекта и их фиксацией в сознании. Образы на этом этапе предлагается называть перцептивными. Это «вербализованное зрительное восприятие предметного мира, фиксирующее форму, цвет, свет, объём и положение в пространстве поименованного предмета» [1, 115]. Второй этап предполагает формирование сложных структур, которые в лингвистической литературе определяются как метафорические образы. Е. А. Юрина

называет такие образы «образами воображения» и указывает, что они возникают «в процессе творческого мышления, в основе которого лежат симилиативные процессы – поиск аналогии между познаваемыми явлениями и их уподобление» [5, 16].

В языковом опыте этноса образ человека вербализирован, прежде всего, лексемой *человек*, за которой закреплено значение «живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда» [4]. Это слово и его производные актуализируют образ человека и в публицистике Егора Воронова. Ср.: *Выбор был и есть у человека всегда* [2, 14]; *И, вот, вкалывает человек, вкалывает, а ему на: „Быдло ты, необразованное!“ и он либо пьет, либо морду лезет бить»* [2, 66]; *Сказал человек, который устраивается на одну из шахт* [2, 76]; *Я даже не могу представить, что испытывает этот человек, когда в небе начинают свистеть «военные аргументы»* [2, 78]. Отметим, что рассматриваемая лексема объективирует обобщённое представление о человеке как о том, кто живёт на определённой территории, обладает возможностью выбора (*Выбор был и есть...*), трудится (*вкалывает человек, вкалывает...*), а также совокупностью чувств (...*испытывает этот человек...*). Однако в текстах горловского публициста репрезентирован и индивидуально-авторский образ человека: **Человек велик в своих высших проявлениях. В искусстве, в любви, в глупости, в ненависти, в эгоизме и даже в самопожертвовании** [2, 59]; **Человека человеком делают не поездки на матч «Украина-Англия» на Евро-2012, не чтение Кобзаря детям на ночь и не восторженность при виде львовской архитектуры. Человек – это тот, кто ценит человеческую жизнь. Не искусственно придуманную в рамках своего национального мифа, а во всех ее проявлениях и ошибках** [2, 60]. Вербальные знаки *искусство, любовь, глупость, ненависть, эгоизм, самопожертвование* объективируют признаки образа-эталона человека. Это те чувства и состояния, которые, по мнению автора текста, свойственны человеку, отличают его в лучшую сторону, поскольку репрезентируют способность не только говорить, мыслить и продуцировать предметы материальной культуры, но и соотносить себя с обществом (словосочетание *человека человеком делают*) и миром в целом (определение *Человек – это тот, кто...*, сочетание *во всех проявлениях и ошибках*).

Также ключевое слово *человек* употребляется Егором Вороновым в сочетании с именами прилагательными *простой, творческий* для выражения основных признаков анализируемого образа. Например: *В Донбассе быть творческим человеком – значит сражаться, не надеясь на победу. Конечно, это трудно* [2, 60]; *Именно поэтому простому человеку было достаточно прийти и написать заявление в исполком, чтобы ему перекрыли крышу, провели к поселку*

газопровод или выделили транспорт на переезд [2, 66]; Уже более 30 **простых горловчан** отдали свои жизни за скудоумие и нежелание телевизионных шутов ценить чужие жизни [2, 93]. Отметим, что в приведённых примерах образ человека объективирован также лексемой **горловчанин**, т.е. человек, проживающий в определённом населённом пункте.

Кроме того, образ человека автор анализируемых текстов вербализирует с помощью слов, называющих профессию индивидуума, или указывающих на него. Например: *Любопытный метод работы между разъединенной Никитовкой и Большой Горловкой нашли **таксисты*** [2, 164]; ***Педагоги** города, действительно, получили заработные платы – 1500 грн. перед Днем **учителя**. Продолжаются компенсационные выплаты и **врачам** (от 200 до 1000 грн.)* [2, 188]; *Государственный пожарно-спасательный отряд г. Горловка ведет набор сотрудников на вакансии: **водитель, водитель-спасатель спасательного отделения, пожарный-спасатель, спасатель спасательного отделения, фельдшер*** [2, 322].

Так, в примере **Я** – обычный **гражданин** своей страны, который *изо всех сил старается понять происходящее* [2, 20] анализируемый образ выражен с помощью местоимения я, указывающего не только на автора текста, но и на его читателя, а также словом **гражданин**. Отметим, что лексема **гражданин** в толковом словаре дается в нескольких значениях: «1) лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства, пользующееся всеми правами, обеспеченными законами этого государства, и исполняющее все установленные законами обязанности; 2) взрослый человек, мужчина, а также форма обращения к нему; 3) Человек, подчиняющий свои личные интересы общественным, служащий родине, народу (высок.); 4) Житель города; горожанин (устар.)» [4].

Наконец, в фрагменте текста **Я** *видел только уставших и убежденных в своей правоте **людей, донбассовцев. Людей, которые любят свою землю*** [2, 38] слово **донбассовец** квалифицируем как указание на человека – жителя определенной территории.

Итак, образ человека в публицистических произведениях Егора Воронова выражается преимущественно с помощью слов **человек, горловчанин, люди, донбассовец, гражданин, я**, а также лексем тематической группы «Название индивидуума по роду деятельности». Кроме того, анализ средств объективации позволяет говорить об индивидуально-авторском осмыслении образа человека Егором Вороновым. Для него человек – мыслящее, созидющее, в высшей степени индивидуальное существо, которое должно, в первую очередь, дорожить другой жизнью. Однако в работе образ человека описан не полно, что определяет перспективу дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта, 2010. – 288 с.
2. Воронов, Е. Быть горловчанином / Е. Воронов. – Горловка, 2017. – 640 с.
3. Гаспаров, Б. М. Лингвистика языкового существования. Язык, память, образ / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
4. Словарь русского языка : в 4-х т. [Электронный ресурс] ; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1999. – Режим доступа к словарю : <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (Дата обращения : 17.11.2019 г.).
5. Юрина, Е. А. Образный строй русского языка / Е. А. Юрина. – Томск, 2005. – 204 с.

SUMMARY

Olga Goreslavskaya. Human language image in the texts of Yegor Voronov.

The work defines the concepts of «image» and «language image», describes the stages of formation of a language image. The author analyzes the means of explication of the image of a person in the texts of the Gorlovka publicist, and also describes the means of explication of individual author's interpretation of the image in question.

Key words: journalism, image, person, thematic group, attribute.

Еретица Александра

*Научный руководитель – к. филол. н., доц. Ярошенко Н. А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР*

НАРРАТИВНЫЕ ПАРАДИГМЫ НОМИНАЦИЙ ЛИЦА В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «ЗЛОУМЫШЛЕННИК»

В статье на основе анализа рассказа А. П. Чехова «Злоумышленник» рассматривается использование нарративных парадигм номинаций лица. Установлено, что выбор средства повторной номинации раскрывает характер персонажей, помогают воспринимать и толковать художественный текст.

Ключевые слова: нарративная парадигма номинаций лица, первичная номинация, вторичная номинация лица.

Цель предлагаемой статьи заключается в том, чтобы на примере рассказа раннего периода творчества А. П. Чехова «Злоумышленник» рассмотреть типы и средства номинации лица в художественном тексте.

На достижение данной цели направлено решение следующих **задач**: 1) определить состав номинаций персонажей в рассматриваемом рассказе, смоделировав так называемые нарративные парадигмы номинаций лица; 2) определить особенности номинативных рядов как совокупностей всех номинаций, называющих и характеризующих главных героев литературного произведения; 3) установить первичные и повторные номинации; 4) определить и сопоставить через использование различных типов номинаций лица взгляды главных персонажей, выявить позицию автора/рассказчика; 5) определить наиболее значимые номинации как характеристики главных героев; 6) обосновать соотнесенность выбора и неоднородности номинаций лица в рассказе А. П. Чехова «Злоумышленник» с общим построением художественного текста, с характером повествования.

Номинации лица наряду с другими средствами помогают воспринимать и интерпретировать художественный текст (см. [4]).

В лингвистике текста термином *нарративная парадигма имён лица* обозначается явление, которое заключается в том, что для номинации одного и того же персонажа обычно используются разные номинации (см. [2]). Нарративные парадигмы номинаций лица используются в частности для того, чтобы избежать повторов и однообразности, чтобы раскрыть характер персонажей и смысл произведения.

Ранние короткие рассказы А. П. Чехова – это беспощадная критика пороков общества, это борьба с пошлостью во всех ее проявлениях. Это рассказы юмористические, но сюжеты из реальной жизни, и порой нам не до смеха, тем более что в современном обществе находим почти все, над чем смеялся А. П. Чехов. И рассказ «Злоумышленник» в этом плане не является исключением.

Само заглавие рассказа «Злоумышленник» помогает нам в восприятии текста. По мнению Н. А. Николиной, важнейшими свойствами заглавия являются его многозначность, динамичность, связь со всем содержанием текста, взаимодействие в нем конкретности и генерализации [3, 169]. Исследовательница обращает внимание на то, что заглавие художественного произведения соотносит сам текст с его художественным миром: главными героями, временем действия, основными пространственными координатами и т. д. [3].

Согласно лексикографическим источникам слово *злоумышленник* в русском языке имеет значение ‘лицо, замыслившее преступление; преступник’ [1, 366].

Примечательно, что в самом тексте рассказа А. П. Чехов не использует слово *злоумышленник* как номинацию главных героев, оно больше не встречается читателю. То есть неизвестно, кого именно называет автор *злоумышленником* – следователя или мужика.

Мужика, Дениса Григорьева, автор при первоначальной характеристике описывает очень подробно: *«Перед судебным следователем стоит маленький, чрезвычайно тощий мужичонко в пестрядиной рубаше и латаных портах. Его обросшее волосами и изъеденное рябинами лицо и глаза, едва видные из-за густых, нависших бровей, имеют выражение угрюмой суровости. На голове целая шапка давно уже нечесанных, путаных волос, что придает ему еще большую, паучью суровость. Он бос»*. Этот обычный «мужичонко» совершенно не понимает своей вины. В его действиях – только безысходность, так как нужно чем-то питаться.

Следует отметить, что при первичной номинации Дениса Григорьева автор воспроизводит ситуацию визуального восприятия с человеком, очень подробно описывая его внешность, при этом первичная номинация-существительное *мужичонко* не только конкретизирует пол, но и за счёт уменьшительного суффикса обозначает жизненную ситуацию героя.

У следователя же нет конкретной характеристики. Он нетерпеливый и очень торопливый, оценивающий только фактическую сторону дела, не заботясь об обвиняемых и вынося приговор без сочувствия. Образ следователя – собирательный образ из социального слоя чиновничества.

Композиция рассказа цельная, здесь нет определённого начала и конца: мы с первых слов оказываемся на судебном разбирательстве, об итогах которого читатель предполагает самостоятельно. Поэтому, анализируя текст рассказа, мы не делим его на условные части.

Однако двигаясь вперед по сюжету, мы можем заметить, как меняется характер номинаций лица. Действующие лица и к друг другу, и к самим себе начинают обращаться по-другому.

Методом сплошной выборки нами установлено, что в тексте рассказа «Злоумышленник» использовано 65 лексических номинаций главных героев (с учётом местоименных замен).

Так, следователь в тексте анализируемого рассказа обозначается с помощью 25 лексических номинаций: *судебный следователь* (авторская речь; 1), *следователь* (авторская речь; 6), *Ваше благородие* (Денис; 5), *Вы* (Денис; 7), *вы-с* (Денис; 1), *господин хороший* (Денис; 1), *образованные* (Денис; 1), *я* (о себе; 1), *милостивцы наши* (Денис; 1), *чиновник* (авторская речь; 1), *вам, судьям* (Денис; 1).

Для обозначения мужичонки Дениса Григорьева в тексте рассказа представлено 40 лексических номинаций: *маленький, чрезвычайно тощий мужичонко* (авторская речь; 1), *Денис Григорьев* (следователь; 1), *Денис* (авторская речь; 9), *мы* (о себе; 5), *мы, народ* (о себе; 1), *климовские мужики* (о себе; 1), *братец* (следователь; 1), *ты* (следователь; 8), *глупая голова* (следователь; 1), *я* (о себе; 3), *тебя* (следователь; 4), *мы люди темные* (о себе; 1), *я, Денис Григорьев* (о себе; 1), *ты, Денис* (о себе; 1).

Наиболее частотными для обозначения двух главных героев рассматриваемого рассказа оказались местоименные замены третьего лица. Для следователя самым употребляемым является местоимение второго лица множественного лица (так к нему обращается Денис Григорьев). Для разнообразия номинаций Дениса Григорьева чаще всего использовалось в обращении к самому себя местоимение первого лица множественного числа и в обращении следователя к мужичонке – местоимение второго лица единственного числа.

Для обозначения следователя используются следующие нарративные парадигмы (приводим здесь все номинации в форме именительного падежа): *судебный следователь – следователь – ваше благородие – вы – ваше благородие – господин хороший – вы-с – следователь – следователь – вы – вы – я – милостивцы наши – ваше благородие – вы – следователь – вы – чиновник – ваше благородие – вы – следователь*.

Как уже отмечалось, образ следователя – собирательный образ. Это видно по тому, что у следователя нет собственного имени. Денис Григорьев обращается к нему на протяжении всего рассказа с помощью местоимения второго лица множественного числа – уважительной формы. В авторской речи чаще всего звучит первичная номинация *следователь* и уже в конце используется единичная номинация *чиновник*. И в конце рассказа Денис Григорьев обращается к следователю во множественном числе *милостивцы наши* как бы обобщенно.

Для первичной номинации Дениса Григорьева Чехов использует развернутую номинацию, указывающую на его внешность и социальное положение: *маленький, чрезвычайно тощий мужичонко – он бос – Денис Григорьев – ты – ты – мы – мы, народ – климовские мужики – братец – Денис – ты – мы – ты – ты – ты – глупая голова – ты – мы – Денис – я – мы – мы – ты – ты – я – я – ты – ты – ты – ты – Денис переминается с ноги на ногу – мы люди темные – Денис перестает мигать – Денис – я, Денис, – бормочет Денис – ты, Денис, – бормочет Денис – Денис*.

Интересно проследить, как Денис Григорьев называет самого себе. В начале произведения он говорит о себе не в первом лице, но во множественном лице, Чехов не отделяет его от народа, употребляя в тексте номинации *климовские мужики* и уточнение *мы, народ*, подчеркивая неразрывную связь с народом. С развитием сюжета образ мужичонка словно обособляется – появляются местоимения первого лица в единственном числе, сам автор подчеркивает это, постоянно повторяя имя собственное *Денис*. Сам мужичок указывает на то, кто он, уточняющими конструкциями *я, Денис* и *ты, Денис*.

В конце судебного процесса Денис не понимает и не принимает своей вины. Если в начале он говорил от имени всего народа,

который живет точно так же, как и он, пытаясь любым способом прокормить свои семьи, то в конце он уже должен говорить только от своего имени.

Если же Денис Григорьев обращается к следователю в уважительной форме, используя обращения-сочетания *Ваше благородие, господин хороший, милостивые наши*, то сам следователь, не переставая, использует местоимения второго лица единственного числа и эмоционально окрашенные *братец* и *глупая голова*.

Личные местоимения по отношению к Денису Григорьеву (26) используются намного чаще, чем по отношению к следователю (9), что снова подчеркивает собирательность образа чиновника, поскольку таких безразличных к проблемам простого народа государственных деятелей много.

А. П. Чехов всеми художественными средствами, использованными в рассказе, задаёт читателю вопрос о том, так кто же все-таки *злоумышленник*: крестьянин, который пытается выжить, или следователь, которому никакого дела нет до этого, который видит преступление по факту и поступает по закону, ему не хочется в чем-то разбираться.

Таким образом, номинации лица, использованные в рассказе «Злоумышленник», связаны с общим художественным замыслом произведения, с его композиционной и речевой организацией, с внутренней логикой развития образов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / РАН, Ин-т лингвистических исследований ; сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Гусева, С. С. Средства первичной и повторной номинации персонажа (на материале текстов А. П. Чехова) / С. С. Гусева // Мир русского слова. – 2015. – № 3. – С. 71–78.
3. Николина, Н. А. Филологический анализ текста : учеб. пособ. для студ. высш. пед. учеб. заведений / Н. А. Николина. – 3-е изд. – М. : Академия, 2008. – 272 с.
4. Ярошенко, Н. А. Типы и средства номинации лица в художественном тексте (на материале рассказа А. П. Чехова «Попрыгунья») / Н. А. Ярошенко // Сталинградская гвоздика : Сб. материалов междунар. конф. / Под ред. И. А. Прихожан и В. И. Супруна. – Вып. 3. – Волгоград : Фортесс, 2018. – С. 249–260.

SUMMARY

Aleksandra Yeretina. The narrative paradigms of persons' nominations in the short story «A Malefactor» by A. P. Chekhov.

The article examines the use of narrative paradigms of persons' nominations based on the analysis of the story by A. P. Chekhov «A Malefactor». The article confirms that the choice of means of repeated persons' nominations reveals personalities of the characters, helps to perceive and interpret the literary text.

Key words: narrative paradigm of persons' nominations, first persons' nominations, repeated persons' nominations.

Захарова Мария

*Научный руководитель – к. филол. н., доц. Ярошенко Н. А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР*

АПЕЛЛЯТИВНЫЕ НОМИНАЦИИ ЛИЦА ЖЕНСКОГО ПОЛА В СОСТАВЕ ФИЛЬМОНИМОВ ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В статье на материале названий русскоязычных фильмов и сериалов детективного жанра 1992–2019 годов выявляются структурные и лексико-семантические типы апеллятивных номинаций лица женского пола в составе фильмонимов. Фильмонимы систематизируются по формальным и содержательным параметрам.

Ключевые слова: *оним, идеоним, фильмоним, номинация лица.*

Для современной ономастики в числе прочего характерна активизация исследований периферийных разрядов имён собственных, среди которых одним из малоизученных классов являются названия фильмов. Для обозначения названий кинофильмов в отечественной лингвистике принято использовать термин *фильмоним* (см. [1; 4 и др.]).

При этом, как известно, фильмонимы представляют собой одну из видовых разновидностей идеонимов, т. е. имён собственных объектов, связанных с духовной сферой деятельности человека [3, 61].

В «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской к идеонимам отнесены артионимы, библионимы, геортонимы, гемеронимы, документонимы, поэтонимы и хрононимы [3].

По мнению К. В. Першиной, видовыми разновидностями идеонимов являются следующие: библионимы (заглавия литературных произведений), артионимы (названия произведений живописи), фильмонимы (названия фильмов и спектаклей), мелонимы (названия музыкальных произведений), гемеронимы (названия СМИ, теле- и радиопрограмм), ойкодомонимы (названия произведений ваяния и зодчества), документонимы (названия различных документов) [2, 18].

Объектом проводимого нами исследования являются названия русскоязычных фильмов и сериалов детективного жанра. **Материал исследования** извлекался методом сплошной выборки фильмонимов детективного жанра с сайтов www.kinopoisk.ru и www.kino-teatr.ru. **Временной диапазон выборки** охватывает названия российских и совместных русскоязычных детективных фильмов и сериалов, которые снимались в период с 1992 по 2019 год включительно. **Авторская картотека фактического материала** включает 1106 разноплановых в структурном, семантическом и ономазиологическом плане киноназваний русскоязычных фильмов и сериалов детективного жанра.

Выборка, результаты анализа которой представлены в настоящей статье, включает 35 фильмонимов детективного жанра, в состав которых входят апеллятивные номинации лица женского пола.

Цель статьи – осуществить структурно-семантическую классификацию фильмонимов детективного жанра, в составе которых представлены апеллятивные номинации лица женского пола.

Объектом анализа являются фильмонимы указанного типа, в то время как **предмет исследования** составляют их структурно-семантические параметры.

Прежде всего следует отметить, что рассматриваемые фильмонимы построены по модели простого односоставного (номинативного) предложения и реализуют при этом две разновидности этой модели:

1. Модель нераспространенного номинативного предложения: *Актриса* (2017), *Бешеная* (2007), *Гадалка* (2019), *Дачница* (2008), *Защитница* (2012), *Исчезнувшая* (2017), *Любовница* (2005), *Мама-детектив* (2013), *Напарницы* (2016), *Отличница* (2017), *Провинциалка* (2008), *Секретарша* (2017), *Стервы* (2012), *Сумасбродка* (2005), *Телохранительница* (2008), *Участковая* (2009), *Чокнутая* (2011), *Шаманка* (2014), *Шифровальщицы* (2019), *Ясновидящая* (2009).

2. Модель распространенного/осложненного номинативного предложения: *Агент в мини-юбке* (2000), *Богини правосудия* (2010), *Генеральская внучка* (2008), *Генеральская внучка-2* (2009), *Жена егеря* (2014), *Жена полицейского* (2017), *Женицина в зеркале* (2018), *Женицины*

на грани (2013-2014), *Королева при исполнении* (2017), *Леди босс* (2001), *Нырлящица за жемчугом* (2018), *Обычная женищина* (2018), *Пират и пиратка* (2009), *Русская наследница* (2011), *Своя чужая* (2015).

В свою очередь апеллятивные номинации лица женского пола, которые выступили в качестве производящих баз однокомпонентных фильмонимов или входят в состав фильмонимов, построенных по модели распространенного/ осложненного номинативного предложения, относятся к следующим структурным подтипам:

1. Непроизводные номинации лица женского пола: *агент, актриса, гадалка, леди, жена, женищина, стерва (стервы)*.

2. Простые суффиксальные номинации лица женского пола, образованные на базе номинаций лица мужского пола: *богиня, внучка, дачница, защитница, королева, любовница, наследница, отличница, пиратка, провинциалка, секретарша, шаманка, шифровальщица (шифровальщицы)*.

3. Сложные номинации лица женского пола юкстапозитного и композитного типа, в том числе сложно-суффиксальные дериваты: *мама-детектив, сумасбродка, телохранительница*.

4. Номинации-субстантивы женского пола: *бешеная, исчезающая, участковая, чокнутая, чужая, ясновидящая*.

Апеллятивные номинации лица женского пола, представленные в составе анализируемых фильмонимов, можно классифицировать по таким лексико-семантическим подгруппам:

1. Номинации лица по профессии и роду деятельности: *агент, актриса, гадалка, пиратка, секретарша, телохранительница, шаманка, шифровальщица (шифровальщицы), участковая, ясновидящая*.

2. Оценочные характеристики лица по особенностям характера, манеры поведения, душевного состояния: *бешеная, богиня, королева, стерва (стервы), сумасбродка, чокнутая*.

3. Номинации лица по семейным и родственным отношениям разного типа родства: *внучка, жена, любовница*.

4. Номинации лица по месту жительства и способу жизни: *дачница, провинциалка*.

5. Общая номинация лица по половой принадлежности или по социальной роли: *женищина, леди*.

6. Номинации лица по выполняемому действию или же по результату определённого действия: *защитница, исчезающая*.

7. Номинация лица и по родовым отношениям, и по характеру деятельности одновременно: *мама-детектив*.

8. Номинация лица по имущественным отношениям: *наследница*.

9. Номинация лица по социальной роли: *отличница*.

10. Номинация лица по впечатлению, производимому на окружающих: *чужая*.

Таким образом, проанализированные апеллятивные номинации лица женского пола в составе фильмонимов детективного жанра неоднородны в структурно-семантическом отношении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кныш, Е. В. Наименование кинофильмов как объект ономастики / Е. В. Кныш // Актуальные вопросы русской ономастики : Сб. науч. тр. – Киев, 1988. – С. 106–111.
2. Першина, К. В. Основы ономастики. Часть I : учебно-методич. пособ. по спецкурсу «Основы ономастики» для студентов направления 45.03.01 «Филология» (профиль «Русский язык и литература») / К. В. Першина. – Донецк : ДонНУ, 2018. – 68 с.
3. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
4. Подымова, Ю. Н. Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Н. Подымова. – Майкоп, 2006. – 26 с.
5. Ярошенко, Н. А. Сложные номинации лица в структуре фильмонимов: состав и основные модели (на материале названий русскоязычных фильмов и сериалов 1992–2019 годов) / Н. А. Ярошенко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2019. – № 1. – С. 69 – 79.

SUMMARY

Mariya Zaharova. The appellative nominations of female face persons in the structure of detective genre filmonyms in Modern Russian: structural and semantic peculiarities.

The article is devoted to the analysis of structural, lexical and semantic appellative nominations of female face persons in the composition of filmonyms. The article deals with detective genre Russian films and serials titles of 1992–2019 years. The filmonyms had been classified according to formal and informative parameters.

Key words: onym, ideonym, filmonym, nomination of person.

ДЕЙКСИС В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Тезисы отражают специфику дейксиса как маркера языковой ориентации индивидуума, рассматриваются основные дефиниции дейксиса, приводятся различные классификации, категории и подходы к изучению этой языковой модели.

Ключевые слова: *дейксис, шифтер, маркер, адресант, адресат.*

Одним из аспектов речевого поведения коммуникантов является языковая ориентация – способность индивидуума осознавать свою позицию во взаимосвязи объектов [4]. Другими словами, языковая ориентация отображает познавательную способность индивидуума и сообщает особенности пропозиционального содержания, отображающего компоненты коммуникативной ситуации как фрагмента окружающей действительности.

К ряду дейктических маркеров «ориентации» говорящего в ситуативном контексте относят: личностный дейксис, локационный, темпоральный, дискурсивный дейксис, а также социально-ориентированный и эмотивный дейксис.

Необходимо подчеркнуть, что в научной литературе сформировано достаточно четкое представление о дейксисе, однако существуют различные его интерпретации. Это обусловлено тем, что ученые исследуют это явление, используя разные концептуальные подходы. Данный феномен находит свое отображение в работах К. Бюлера, Р. О. Якобсона, С. И. Левинсона, С. Д. Кацнельсона, Е. В. Падучевой, Э. Бенвениста.

Вслед за В.В. Виноградовым под дейксисом мы понимаем функцию языковой единицы, выражаемую лексическими и грамматическими средствами, служащую для актуализации компонентов ситуации речи и компонентов денотативного содержания высказывания, что соответствует определению, принятому в современной лингвистике.

По мнению С. Д. Кацнельсона, для дейктических слов характерны:

- ситуативность – смысловая зависимость от ситуации речи;
- эгоцентризм – постоянная отнесенность к субъекту речи;
- субъективность – внешний объект выделяется по совершенно случайному для него признаку соотносительности с говорящим лицом [5, 92].

Дейктическими принято называть слова, которые соотносятся со своими обозначаемыми не непосредственно, а в процессе коммуникации. Явление дейксиса состоит в том, что слово соотносится со своим обозначаемым через указание на речевой акт [6, 23].

Совершенно новый подход, который определил дальнейшее развитие теории дейксиса, предложил Р. О. Якобсон [7, 65], рассматривая дейктические знаки как «шифтеры», из-за особенностей их референтной соотнесенности.

В свою очередь, в ходе интерпретации дейксиса Ю. Д. Апресян использует три ключевых понятия:

- 1) наблюдателя, мыслимого говорящим;
- 2) пространства, в котором говорящий в момент речи мыслит себя или наблюдателя;
- 3) времени, в котором говорящий в момент речи мыслит себя или наблюдателя. На основе этого формулируется основное свойство всякого дейксиса – это «либо совпадение (для я-дейксиса), либо несовпадение (для других разновидностей дейксиса) пространственно-временных координат описываемого факта с пространственно-временной координацией говорящего или мыслимого им наблюдателя» [1, 33].

Профессор К. Бюлер определил дейксис как «указательное поле», которое является пространственно-временной системой координат, которая построена относительно субъекта восприятия: «я» – «здесь» – «сейчас» [6, 86–88]. Эти дейктические языковые знаки К. Бюлер характеризует как основные в сфере дейксиса, которые служат точкой отсчета семантики дейктических единиц в системе дейксиса и указывают, соответственно, на говорящего «я» (персональный дейксис), на местонахождение говорящего «здесь» (пространственный дейксис) и на время высказывания «сейчас» (темпоральный дейксис).

Так, персональный дейксис, в сущности, представляет собой частный случай более широкого явления – предметного дейксиса. Немаркированными средствами выражения предметного дейксиса являются жесты, указывающие на предмет ситуации, путем третьего лица. Причем он может реализовываться и без помощи жестов, если употребляются специализированные дейктические средства (местоимения 1, 2, 3-го лица).

Личные местоимения, как известно, являются основным средством реализации данной категории и представляют собой находящиеся во времени и пространстве персональные точки предметного дейксиса – адресанта, адресата, объекта речи, которые могут являться центром координации в том или ином речевой деятельности [2, 19].

Временные характеристики более свойственны для дейксиса, нежели качества пространственные. Дейктические временные качества получают формальное выражение в грамматических категориях времени и вида. Это обстоятельство связано с существенный расхождением времени и места при коммуникации: адресант и адресат, по большей части, существуют в одном и том же времени, но при этом они находятся в разных местах, которые могут объединяться или же противопоставляться одно другому. Адресат может включаться в пространство адресанта или же выключаться из него; иными словами, пространство адресата может объединяться с пространством адресанта (*здесь*) или же противопоставляться ему (*там*). Следовательно, временные характеристики непосредственно связаны с адресантом и всегда имеют к нему отношение, в случае пространственных характеристик может иметься в виду либо его точка зрения, либо противопоставленная ему точка зрения адресата. Поэтому ориентация на адресата возможна лишь при пространственном дейксисе и не может иметь место при дейксисе временном.

Что насчет эмотивного дейксиса, то он указывает на вербализованные эмоции как в письменной, так и в устной речи, направленные по большей части на личность. Эмотивный дейксис объясняет употребление тех или иных дейктиков как итог аффекта адресанта или его негативного отношения к сообщаемому. Следовательно, представителями эмотивов-символов являются аффективы: междометия, эмоционально-оценочные прилагательные; единицы из ряда ненормативной лексики; усилительные наречия, выступающие в сочетании с прилагательными, для увеличения экспрессивности; инверсия, повтор одной и той же фразы с разными интонационными характеристиками также маркирует эмоциональность [3, 70].

Дискурсивный дейксис связан с формальными звеньями дискурса – лексическими или грамматическими, отсылающими к какому-либо разделу информационно-смыслового поля (*к примеру, выражения «выше», «ниже», «далее»*). Этот дейксис соотносится с пространственно-временным континуумом дискурса в целом.

Социальный дейксис, в свою очередь, своеобразно кодирует социальные отношения в коммуникативном контексте. Абсолютивная и релятивная разновидности социального дейксиса отображают специфику социальной роли и уровень социально-коммуникативных отношений.

Дальнейшее исследование дейксиса целесообразно проводить с учётом жанровых особенностей дискурса художественной и нехудожественной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Ю. Д. Некоторые соображения о дейксисе в связи с понятием наивной модели мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика. – М. : Школа Языки русской культуры, 1986. – Вып. 28. – С. 5 – 33.
2. Гармажапова, Л. А. Выражение персонального дейксиса личными местоимениями русского и бурятского языков / Л. А. Гармажапова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – Вып. 10. – С. 19–23.
3. Исхакова, З. З. Дейксис и его тесная связь с эмотивностью / З. З. Исхакова // Вестник Челябинского государственного университета. – № 51. – 2011. – С. 70–78.
4. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tapemark.narod.ru/les/index.html>.
5. Сусов, И. П. Лингвистическая прагматика / И. П. Сусов. – Винница : Нова Книга, 2009. – С. 329.
6. Успенский, Б. А. Дейксис и вторичный семиозис в тексте / Б. А. Успенский // Вопросы языкознания. – № 2. – 2011. – С. 3–30.
7. Якобсон, Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972. – С. 95–113.

SUMMARY

Valeriya Zholomko. Deixis in the context of modern linguistic research.

The abstracts highlight specifics of deixis which symbolize identification by pointing. The focus of this research is primarily on the categorial and classification essence of this lingual phenomenon. Peculiarities of different views are singled out to consider deictic terms as contextual markers of identification.

Key words: deixis, shifter, marker, addresser, addressee.

Жуков Юрий

*Научный руководитель – д. филол. н., проф. Герасименко И. А.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ ТЕРМИНОСФЕРЫ «ЗАКОН»

Терминосфера закон занимает существенное место в языковых картинах мира представителей русской, немецкой и украинской лингвокультур. Лексикографическое исследование языковых единиц,

входящих в данную терминосферу закон. поможет в исследовании её лингвокультурных особенностей.

Ключевые слова: *терминосфера, лексема, синоним, закон.*

В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» определяет лексему *закон* как «предел, постановленный свободе воли или действий; неминуемое начало, основание; правило, постановление высшей власти. Закон Божий, откровение, составляющее сущность веры; закон христианский, христианская вера. Закон природы или естественный закон, которому неизбежно следует вся вещественная природа. Законы гражданские, установленные гражданскою, государственною властью, для обеспечения быта граждан, противопоставляются законам духовным, т.е., относящимся до дел веры, или же до духовного мира, духовной жизни; противопоставляются также законам военным, уголовным. Брак.» [2].

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова под редакцией Н. Ю. Шведовой, лексема «*закон*» понимается следующим образом: «1. Не зависящая ни от чьей воли, объективно наличествующая непреложность, заданность, сложившаяся в процессе существования данного явления, его связей и отношений с окружающим миром; 2. Постановление государственной власти, нормативный акт, принятый государственной властью; установленные государственной властью общеобязательные правила; 3. Общеобязательное и непреложное правило; 4. Общее название основных принципов и идей религиозного вероучения, свод правил какой-н. религии» [3, 169–170].

Рассматривая данные определения, мы можем сделать вывод о том, что полисемант *закон* вербализует как светские, так и религиозные нормы, процедуры, таинства.

Идентичная семантика лексемы *закон* реализована также в толковых словарях украинского и немецкого языков. Ср. Закон – це «об'єктивно існуючий, постійний і необхідний взаємозв'язок між предметами, явищами або процесами, що впливає з їх внутрішньої природи, сутності; закономірність (у 2 знач.); загальноприйняте, усталене правило співжиття, норма поведінки; сукупність догм (основних положень) якої-небудь релігії, віровчення.» [6]; das Gesetz ist «einer Sache innewohnendes Ordnungsprinzip; unveränderlicher Zusammenhang zwischen bestimmten Dingen und Erscheinungen in der Natur; vom Staat festgesetzte, rechtlich bindende Vorschrift; feste Regel, Richtlinie, Richtschnur» [7]. Закон – это внутренне обусловленный принцип, порядок, неизменная взаимосвязь между определенными предметами и явлениями в природе; установленное государством предписание, связанное с системой права; четко определенное

правило, направление, директива. Такое сходство в семах ключевой лексемы «закон» (рус.), «закон» (укр.) и «Gesetz» (нем.) объясняется сходством социального опыта, развития человеческого общества.

Еще одной важной семей слова *закон* является закон Божий, т.е. свод норм и правил, регулирующих жизнедеятельность людей в соответствии с канонами религии. Эти нормы также являются почитаемыми и универсальными в русской, украинской и немецкой лингвокультурах. Отмеченная универсальность объясняется наличием в памяти народа общепринятых норм морали, правил, устоев. Исходя из того, что все исследуемые нами лингвокультуры принадлежат к европейским, этим может объясняться сходство норм морали и религии – христианства. Закон как общеобязательное и непреложное правило рассматривается в аспекте норм религии и морали в повседневной жизни. Именно в этом аспекте значения закон приобретает наибольшее влияние на поведение и деятельность представителей определенной лингвокультуры.

В настоящее время важнейшей, популярной и, как следствие, употребляемой в речи, выступает лексема «закон», обозначающая постановление государственной власти. Этот компонент значения вызывает большое количество споров и обсуждений, так как государственные законы на сегодняшний день оказывают большее влияние на жизнедеятельность человека, чем нормы религии и морали. Современная система законов – законодательство, оно чрезвычайно развито и разветвлено, что вызывает интерес к возникновению, имплементации и функционированию законов. В современной лексической системе зафиксированы языковые знаки, вербализующие понятия из сферы закона. К ним принадлежат:

а) производные от русской ключевой лексемы *закон* слова: *законодательство, законотворчество, законный, законопроект, законность*; производными от украинского слова *закон* являются *законодавство, законотворчість, законопроект, законний, законність*; соответственно, производными от немецкого слова *Gesetz* выступают: *Gesetzgebung, Gesetzgeber, gesetzlich, Gesetzentwurf, Gesetzmäßigkeit, Schulgesetz*.

б) слова, входящие в терминосферу «Закон»: *легитимность, справедливость, суд, парламент* и др. Нужно сказать, что рассмотрение терминосферы «Закон» представляет интерес для лингвистики. Данные единицы языка требуют детального рассмотрения, так как различные черты присутствуют в языковом сознании носителей разных лингвокультур, поэтому требуют детального анализа. Именно языковые аспекты могут дать ответ на вопрос о лингвокультурном наполнении исследуемой терминосферы в полном объеме, так как именно в языке как в системе закрепляются национально-культурные представления народа.

Согласно данным из «Словаря синонимов русского языка» под редакцией З. Е. Александровой синонимами русской лексики *закон* выступают слова *правило* и *закономерность* [1, 133]. В круг семантически близких к данным синонимам входят адъективы *легальный*, *легитимный*, *обоснованный*. Стоит отметить, что перечисленные слова будут семантически близки только к тем компонентам лексического значения слова *закон*, которые связаны с вербализацией государственных норм, предписаний, явлений объективного мира, подвергшихся научному анализу, исследованию. Синонимом слова *законодательство* выступает лексема *право*; синонимом слова *законодатель* является устаревшее на данный момент слово *законодавец*, которое в несколько измененном виде *законодавец* употребляется в современном украинском языке [1, 133].

В «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой структура лексического значения полисеманта *закон* представлена следующими семами: 1) нормативный акт высшего органа государственной власти, принятый в установленном порядке и обладающий высшей юридической силой; 2) строгое, непрекращаемое предписание, веление; 3) общепринятое правило, обычай; 4) основные положения в каком-либо деле, обусловленные его сущностью; 5) объективно существующая необходимая связь между явлениями, внутренняя существенная связь между причиной и следствием; 6) устар. религиозное учение, религия» [4, 529–530].

Согласно данным этого словаря, к однокоренным лексемам принадлежат слова *законник*, *законный*, *законнорожденный*, *законность*, *законоведение*, *законодатель*, *законодательный*, *законодательство*, *закономерный*, *закономерность*, *законопроект*, *законоположение*, *законоучитель* [4, 529–530].

В «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова лексема *закон* представлена следующим словообразовательным гнездом: закон-н(ый) → законн-о → не-законно, законн-ость → незаконн-ость; незаконн-н(ый) → незаконн-о → незаконн-ость; без-законн-н(ый) → беззаконн-о, беззаконн-ость, беззаконн-н [j-э]; против-законн-н(ый) → противозаконн-о, противозаконн-ость; у-законн-и-ть → узаконить-ся → узаконивать-ся; узаконн-ива-ть → узаконивать-ся, узаконива-ни[j-э]; законн-о-да-тельн-ый; законн-о-да-тель | ств-о; заонн-о-проект [6, 200].

Группа лексем с корневой морфемой *-закон-* в большей степени функционирует для вербализации как государственных норм, предписаний, правил. Широкий состав однокоренных лексем свидетельствует о необходимости в номинациях, связанных с обозначением функционирования законов (*узаконивать*), имплементированности законов в процессы государственной и общественной деятельности (*законный*, *незаконный*, *законотворчество*, *законопроект* и др.).

Вышеприведенные результаты исследования позволяют дать представление о структуре терминосферы «Закон». Описание терминосферы с точки зрения лексикографических источников может помочь в исследовании строения, внутренних и внешних связей компонентов данной терминосферы, степени её значимости для определенной языковой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов. – 11-е изд., перераб. и доп. / З. Е. Александрова. – М. : Рус. яз., 2001. – 568 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Режим доступа к ресурсу : <http://slovardalja.net/word.php?wordid=8884>.
3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : Ок. 57 000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1988. – 750 с.
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; Под ред А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1985–1988. – Т. I. А-Й. – 1985. – 696 с.
5. Словник української мови. В 11 т. [Электронный ресурс] // Київ : Наукова думка, 1970-1980. – Режим доступа к ресурсу: <http://sum.in.ua/s/zakon>.
6. Тихонов, А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным / А. Н. Тихонов. – Москва : АСТ, 2014. – 639, [1] с.
7. Duden : Deutsches Universalwörterbuch / [Bearb. Prof. Dr. Günther Drosdoski]. – 2. völlig neu bearbeitete und stark erweiterte Auflage. – Mannheim / Wien / Zürich: Dudenverlag, 1989. – 1816 S.

SUMMARY

Iurii Zhukov. To the question about the lexicographic description of the terminosphere «law».

The terminosphere law occupies a significant place in the linguistic pictures of the world of representatives of Russian, German and Ukrainian linguistic cultures. Lexicographic study of tokens in this area will help in the study of linguistic and cultural features of this area.

Key words: terminology, lexem, synonym, law.

Загорнюк Алина

*Научный руководитель – д. филол. н., проф. Калинин В. М.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-ГРАММАТИКИ КОММЕНТАРИЕВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ INSTAGRAM

Общаясь в Интернете, человек обычно не задумывается о том, как грамматически и лексически правильно выразить свою мысль. Режим реального общения в Интернете не дает возможности обдумать то, что хочется сказать. В Донецкой Народной Республике также возрастает исследовательский интерес к языковым особенностям общения в Интернете. Ученые дали основные характеристики Интернет-общения, описали языковую личность автора и языковые средства выражения информации в Интернет-пространстве.

Ключевые слова: Интернет-коммуникация, комментарий, общение, жанр, социальная сеть.

Настоящее исследование посвящено рассмотрению Интернет-грамматики комментариев в социальной сети Instagram. Двадцать первый век признан веком информационных технологий, тесно связывая жизнь современного человека с Интернетом. Благодаря развитию технологий и широкому распространению Интернета появились практически безграничные возможности для человека. Не выходя из дома можно созвониться с друзьями, живущими в другой стране, оплатить счета, посмотреть фильмы, прочитать различные научные статьи и даже сходить в галерею. Важной частью жизни современного человека стало постоянное общение в социальных сетях. Изучение Интернет-грамматики речи началось с Дэвида Кристала, который описал основные особенности языка в Интернете, придав особую значимость лексическому аспекту. В Донецкой Народной Республике также возрастает исследовательский интерес к языковым особенностям общения в Интернете. Ученые дали основные характеристики Интернет-общения, описали языковую личность автора и языковые средства выражения информации в Интернет-пространстве. Исследователями были определены основные формы и способы общения в Интернете и даны их характеристики. Однако грамматические особенности Интернет-коммуникации до сих пор не систематизированы. Такая социальная сеть как Instagram еще не была изучена в аспекте грамматических особенностей, что обуславливает актуальность данного исследования. Общаясь в Интернете, человек обычно

не задумывается о том, как грамматически и лексически правильно выразить свою мысль. Режим реального общения в Интернете не дает возможности обдумать то, что хочется сказать. На первое место вырвалась скорость общения и передачи информации, а не правильное написанного. Удивительно то, что ни адресат, ни адресант не придают большого значения ошибкам при передаче информации в виртуальном пространстве. Общение в Интернете не ограничено никакими языковыми рамками, именно поэтому Интернет-среда пестрит разнообразием ошибок, которые претендуют на то, чтобы сменить свой статус «ошибок» на «особенности речевой грамматики Интернет-коммуникации». Грамматика имеет свои отличительные особенности, которые выражены через нетипичный синтаксис и морфологию и усматриваются в структуре предложений, порядке слов, флексии и многом другом. Этот аспект Интернет-коммуникации необходимо изучать в школе, ведь именно школьники и студенты составляют основную часть активных пользователей социальных сетей и принимают модели общения.

В подходах к определению понятия «Интернет-коммуникация» нет однозначного толкования, полностью описывающего данный процесс. Ряд авторов называет её компьютерно-опосредованной коммуникацией, другие обозначают данный вид общения как виртуальный дискурс или как электронное общение.

Одно из самых полных определений Интернет-коммуникации было предложено Л. Ю. Щипициной, которая считает, что Интернет-коммуникация «представляет собой один из исторических этапов в развитии коммуникационных средств и существует наряду с непосредственным (устным) общением, общением, опосредованным бумажными носителями (рукописным и печатным, включающим неперiodические издания (книга) и периодические (газеты, журналы), а также общением, опосредованным электронными приборами (факс, радио, телевидение)».

В Интернете пользователи оставляют свои комментарии. Они могут быть как негативными, так и позитивными.

Существуют следующие типы комментариев:

- традиционный комментарий, используемый в Интернет-коммуникации без каких-либо изменений;
- трансформированный комментарий, который расширяет сферу своего существования, получает дополнительные возможности в процессе Интернет-коммуникации;
- комментарий, сформировавшийся в процессе Интернет-коммуникации.

Интернет-комментарии ассоциируются с пользовательскими комментариями, выражающими мнения относительно того или иного события.

Отмечая сложность передачи эмоционального компонента общения, Е. А. Бирюкова выделяет особенности компенсации невербальных компонентов общения:

- своеобразная пунктуация, используемая для передачи интонации. Эмоциональный компонент общения вживую передается, в первую очередь, через интонацию, в то время как в виртуальном общении это происходит через знаки препинания.

- передача мимики и жестов с помощью графических знаков. На некоторых современных Интернет-платформах есть возможность использовать фото- и видеоматериалы для передачи мимики и жестов, но традиционные формы, такие как смайлики, не менее популярны.

- передача высоты голоса. Е. А. Бирюкова отмечает, что для передачи высоты голоса или наиболее значимой для адресата информации используются заглавные буквы.

На данный момент самым популярным интернет-ресурсом является социальная сеть – Instagram. Созданный в 2010 году, Instagram стремительно набрал популярность. С лингвистической точки зрения Instagram является недостаточно изученной социальной сетью. Одни из ранних работ по изучению Instagram как нового жанра общения датируются 2014 годом. Предметом исследования были социально-психологические аспекты общения в Instagram, жанровое своеобразие данной социальной сети, особенности общения посредством комментариев в Instagram.

Основной жанр коммуникации в Instagram – это пост, представляющий собой фотографию или видеозапись с определенной подписью, что, в свою очередь, побуждает остальных пользователей прокомментировать данный пост и оценить его, поставив «лайк». Пост в Instagram – это всегда вторичный, комплексный (комбинированный) гипержанр, включающий в себя совокупность речевых жанров, организованных нелинейно (подпись к фотографии, сообщение о месте, об отмеченных на фотографии лицах). В свою очередь, подпись к фотографии может включать субжанры (речевые жанры другого уровня, аналогичные первичным жанрам бытового общения): советы, просьбы, комплименты, поздравление, благодарности, информационные сообщения, запросы информации, шутки и т.п. Комментарии, которые могут сопровождать пост автора аккаунта, также представляют субжанры. Важная особенность Instagram – это то, что общение как таковое отходит на второй план, главная информация передается визуально. Однако в Instagram активно функционирует общение через комментарии, которые позволяют пользователям выразить свое отношение к публикуемым фотографиям. Комментарии в Instagram – это средство дополнительной выразительности.

Скорость общения пользователей через комментарии появляется с момента публикации фотографии и продолжает активно поступать до тех пор, пока фотография находится в профиле пользователя, что свидетельствует об асинхронности коммуникации в пределах данного жанра [1].

Выделяя жанровое своеобразие Instagram, Ю. В. Щурина пишет о трех его основных особенностях: креолизованный характер, использование хэштегов и интерактивность.

Рассмотрим каждую из этих особенностей:

- креолизованность

Несмотря на то, что Instagram создавался как платформа для публикации фотографии, он быстро превратился в площадку для вербальной коммуникации. Соединяя в себе графическое и письменное общение, Instagram стал креолизованной социальной сетью, в которой соединяются вербальные и визуальные речевые жанры, где центром коммуникации является фотография с подписью автора и соответствующими комментариями;

- хэштег

Хэштег (англ. Hash – символ «#» + tag – бирка, ярлык, этикетка, метка) – это слова или фразы, начинающиеся с символа «#», за которым следует любое сочетание разрешённых непробельных символов. Хэштеги позволяют пользователям группировать фотографии по темам или типу. Кроме того, хэштеги стали новой формой самовыражения. Так, например, некоторые пользователи придумывают свой хэштег, который может стать популярным. Несмотря на то, что хэштег создавался как способ группировки публикуемых фотографий, сейчас это способ общения, передачи настроения и эмоций;

- интерактивность

Еще одной характерной чертой социальной сети Instagram стала интерактивность. Выкладывая фотографии, автор получает определенную реакцию со стороны своих подписчиков. Оценивая фотографии друг друга, пользователи Instagram дают понять, какие фотографии им нравятся больше, и что они хотят видеть в своей новостной ленте. Интерактивность проявляется в том, что подписчики могут влиять на содержание своей ленты и ее тематической направленности;

- синхронность

Отличительной чертой социальной сети Instagram является возможность одновременного или почти одновременного создания сообщения и ответной реплики на него. Публикуя фотографии, автор моментально получает на них реакцию в виде «лайков» и комментариев;

- гипертекстуальность

Гипертекст – связь между отдельными текстами, которые осуществляются в единой среде. Именно благодаря гипертекстуальности, пользователи социальной сети Instagram могут находить и общаться с новыми людьми, объединенными определенной гиперссылкой;

- интертекстуальность

Интертекстуальность – общее свойство текстов, выражающееся в наличии между ними связей, благодаря которым тексты могут разными способами ссылаться друг на друга. В Instagram это проявляется через наличие ссылок на любые ресурсы Интернета, а также через кросспостинг сообщений из других социальных сетей.

Проанализировав теоретические основы данной проблематики, нами был сделан вывод о том, что понятие «Интернет-коммуникация» в научной литературе трактуется неоднозначно.

В данной работе под понятием «Интернет-коммуникация» мы понимаем особый вид общения, который строится на основе определенных компьютерных технологий и совмещает особенности устной, письменной и графической форм коммуникации. Интернет-коммуникация имеет свои особенности и характеристики. Компьютерная коммуникация является опосредованной, имеет интерактивный характер и может быть как краткой, так и неограниченной во времени, не разделяя участников коммуникации на социальные классы. В процессе Интернет-коммуникации участники не ограничены нормами языка и в выборе языковых средств. Комментарий как новый речевой жанр в пространстве Интернет является недостаточно изученной формой общения. Комментариями в Интернете являются сообщения собеседников, относительно каких-либо актуальных новостей. Как особому речевому жанру Интернет-комментарии характерны языковая краткость, использование эмоционального синтаксиса и невербальных средств общения, проявление разговорного стиля общения и упрощение синтаксических структур. Instagram как платформа, на основе которой будет проводиться исследование, представляет собой социальную сеть, в которой насчитывается уже более ста миллионов активных пользователей, общающихся между собой с помощью фотографий, видео и комментариев к ним. Проанализировав данную социальную сеть, нами были определены её основные особенности, такие как интерактивность, синхронность, креолизованность, гипер- и интертекстуальность, использование хэштегов, а также зрительный формат общения [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов, Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : Издательство ИКАР, 2009.

2. Аникина, Т. В. Языковые особенности комментариев в социальной сети «Инстаграм» // Научные исследования: от теории к практике : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. / редкол. : О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – С. 233–236.
3. Бирюкова, Е. А. Интернет-коммуникация как средство межкультурного общения: жанровые и языковые особенности /Е. А. Бирюкова// Язык. Словесность. Культура. – 2014. – № 6. – С. 75–98.
4. Горошко, Е. И. Интернет-коммуникация : настоящее и будущее // О некоторых чертах цивилизации будущего. Научное издание по материалам Международного Форума к 90-летию со дня рождения академика РАН Н. Н. Моисеева. Под редакцией А. Т. Никитина и С. А. Степанова. – М. : Изд-во МНЭПУ, 2008. – 502 с.

SUMMARY

Alina Zagornyuk. Lexical and grammatical features of Internet grammar comments in the social network Instagram.

Communicating on the Internet, people usually do not think about how to grammatically and lexically correctly express their thoughts. The mode of real communication on the Internet does not allow you to think about what you want to say. In the Donetsk People's Republic, research interest in language features of communication on the Internet is also increasing. The scientists gave the main characteristics of Internet communication, described the linguistic personality of the author and the language means of expressing information in the Internet space.

Key words: Internet communication, comment, communication, genre, social network.

Зайберт Елена
Научный руководитель – д. филол. н., проф. Теркулов В. И.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ КЛАССЫ АББРЕВИАТУРНОЙ ГРУППЫ «ГИДРО»

*Статья посвящена исследованию ономаσιологических классов аббревиатурной группы **гидро**. В результате исследования были определены особенности ономаσιологического подхода, позволяющие увидеть то, каким образом осуществляется акт номинации, как соотносятся сложносокращенные единицы и обозначаемые ими реалии. Такой подход позволяет проследить, каким образом классифицируются реалии, обозначенные аббревиатурами, в языке.*

Ключевые слова: аббревиатурная группа, ономаσιологические классы, ономаσιологические модели.

В современном русском языке существует множество многословных наименований, обозначающих предметы и их свойства, явления и т.д. Особенность аббревиации заключается в том, что сокращение именований, возникновение на базе словосочетаний слов способствует экономии языковых средств. Лаборатория ЭЛИТА (Экспериментальная лаборатория исследования тенденций аббревиации) осуществляет составление нового Толково-эквивалентностного словаря сложносокращённых слов русского языка, в процессе работы над которым разрабатываются новые методики описания сложносокращенных слов (далее ССС). Описание ономаσιологических моделей может быть использовано как материал для создания методик ономаσιологического прогнозирования эквивалентностных отношений для указанного словаря.

Целью исследования является описание ономаσιологических классов аббревиатурной группы (далее АГ) *гидро*. Для этого необходимо уточнить понятие ономаσιологической модели; определить принципы описания моделей образования ССС; описать модели образования слов, входящие в ономаσιологический класс.

По мнению В. И. Теркулова, модель образования сложносокращенных слов представляет собой «модель механизма сочленения компонентов словосочетания в конструкторы композита, то есть, собственно, модель универбализации» [1, 297]. Как отмечает ученый, «описание моделей образования сложносокращенных

слов универбализационного типа – это описание моделей именно формального преобразования словосочетания в слово, семантика исходного словосочетания и аббревиатуры здесь абсолютно идентична и не участвует как изменяемая сущность в процессе универбализации» [1, 294].

Для универбализационных композитов ономаσιологическая модель, в сущности, показывает отношения между компонентами исходного словосочетания. Структура ономаσιологической модели здесь двучленна – она включает ономаσιологический базис, эквивалентный архисеме главного компонента исходной конструкции, и ономаσιологический признак (признаки), эквивалентный семантическому множителю главного компонента исходной конструкции, актуализированному в ее зависимом компоненте [1, 147]. Мы используем для классификации ономаσιологических моделей представление об ономаσιологических структурах, предложенное в работах М. Докулила, Е. С. Кубряковой, Е. А. Селивановой, В. И. Теркулова и других.

Объектом исследования в данной работе выступает аббревиатурная группа, объединяющая ССС с препозитивным абброконструктом *гидро*: *гидродинамика*, *гидроагрегат*, *гидровелосипед*, *гидростанция*, *гидроустройство*, *гидробалансировка*, *гидромеханика*, *гидрокаскад*, *гидроканал* и др.

Предметом исследования являются ономаσιологические модели сложносокращенных слов, входящих в ономаσιологический класс АГ *гидро*.

Классификация ономаσιологических моделей представляет собой описание ономаσιологической структуры значения ССС и его эквивалента, которая включает: а) ономаσιологический базис, указывающий на определенный понятийный класс – родовое понятие, к которому отнесено наименование; б) ономаσιологический признак, который указывает на видовую характеристику, определяющую референт внутри класса (например, для названий действий – направление, производитель, статус и т. п.) [5, 146]. Ономаσιологическая модель складывается из «1) общего смысла ономаσιологического базиса (формантной структуры); 2) конкретного содержания двух или более ономаσιологических признаков (отсылочной части); 3) их валентного потенциала и смысловой связи; 4) типа отношений между базисом и признаком» [2, 20]. Считается, что все типы ССС, входящие в лексико-семантическое поле, имеют одинаковую структуру ономаσιологической модели: «ономаσιологический базис + ономаσιологический признак, реализующий семантику зависимого компонента». Ономаσιологический базис несет в себе общую семантику ономаσιологического подкласса.

Для рассматриваемого лексико-семантического поля отмечается, например, ономаσιологический базис «протяженное во времени действие», являющееся фокусом номинации: *образование гидратов – гидратообразование*. Типы ономаσιологических признаков определяются нами на основе «аргументов диктума», предложенных Е. А. Селивановой для деривационных номинативных моделей, которые определяются на основе так называемых семантических или ономаσιологических падежей [4].

Определение моделей ономаσιологического класса АГ гидро **Подкласс «процесс»**

1. Процесс + посессив. *Гидрофильтр – фильтр гидравлики: **Фильтр гидравлики** – это элемент, предназначенный для очистки жидкости от всевозможных загрязнений и примесей. Для того чтобы минимизировать риск возникновения пожара и удалить продукты сгорания, выделяемые в воздух, на кухнях дополнительно устанавливают **гидрофильтры** – аппараты для охлаждения и очищения воздуха.*

2. Процесс + трангрессив. *Балансировка гидравлики – гидробалансировка: Но почему же **балансировка гидравлики** (наладка) систем отопления, вентиляции, кондиционирования и водоснабжения до сих пор не считается необходимым делом? [<http://www.rissert.com/balancing.html>] – Они нужны для проведения необходимой **гидробалансировки** системы [<http://www.mastergrad.com/forums/t217529-individualnoe-otoplenie-oshibka-shemy/>].*

3. Процесс + медиатив. *Гидравлический удар – гидроудар: Такой дефект, как гидроудар двигателя, обычно происходит на всевозможных покатушках... [<https://znanieavto.ru/dvs/gidroudardvigatelya.html>] – Такой же исход, предполагающий замену цилиндров, ожидает автомобиль, прошедший некоторое, порой весьма значительное расстояние после гидравлического удара. [<https://ufa-zapchasti.ru/zamena/gidravlicheskiy-udar-dvigatelya-prichiny-priznaki-i-posledstviya.html>], и 3 квазикомпозита (гидроуборка, гидрообогащение), например, Гидродобыча – добыча при помощи воды: метод подземной добычи твёрдого полезного ископаемого, основанный на разрушении и доставке его к скважинам водой и выдачи в виде гидросмеси на поверхность [БЭС].*

4. Процесс + способ реализации. *Гидравлическая подача – гидроподача: При использовании **гидравлической подачи** необходимо выключить механизм ручного продольного перемещения. [<https://www.ngpedia.ru/id272276p1.html>] – Основными подвидами пульпопроводов являются береговой и плавучий пульпопровод. Посредством пульпопроводов осуществляется **гидроподача** гравийно-песчаной смеси в гидромеханизации. [<https://www.sibmashpolymer.ru/activities/plastikovye-truby/rezinovie-trubi/>]. Отмечаются две трехкомпонентные модели с доминантным*

признаком «способ реализации». Первая из них реализует комплекс ономастических признаков «способ + объект» (1 универбализационный композит): гидравлическое удаление золы – гидрозолоудаление, например Системы **гидравлического удаления золы** и шлама на ТЭС, где топливом служит мазут, отсутствуют – К сожалению, еще в 1987 году только третья часть от общего числа систем **гидрозолоудаления** (ГЗУ) имела обратное значение [www.bestreferat.com.ua/.../detail-37467.html], гидромеханический (способ) добычи – гидродобыча (гидромехдобыча): **Гидромеханическая добыча** – раздельный, давно везде применяется, у нас он тоже раньше был, но потом о нем забыли. [<http://www.mkkras.ru/news/print/id-2404/>] – Второй способ это **гидромеханическая добыча** кварцевого песка из водоемов и рек. [<http://gk-armada.ru/dobycha-kvarceвого-peska.php/>] – При скважинной **гидродобыче** технологические процессы разрушения горной массы... [<https://zolotodb.ru/article/10534>]

Подкласс «мероприятие»

1. Мероприятие + медиатив. Гидродинамическая планшетная терапия – гидротерапия: Согласно определению В. Винтерница (1899 г.), «**гидротерапия** – это методическое применение воды в ее различных температурных и агрегатных состояниях с эстетическими, профилактическими и терапевтическими целями». [<https://sankurtur.ru/methods/372>]. Так в детском санатории им. Н. Крупской, по инициативе главного врача Александра Креслова было создано отделение водных процедур, в котором сегодня успешно применяется новое направление в восстановительной медицине – **гидродинамическая планшетная терапия**, которая сначала заявила о себе, как оздоровительная методика. [<http://restin.crimea.ua/article.php?id=53593>].

2. Мероприятие + отрасль. Гидроиспытание – гидравлическое испытание: Для выявления «слабых мест» трубопровода чаще всего проводят комплексные **гидравлические испытания**. **Гидроиспытания** технической трубы, проведенные вовремя, а также в строгом соответствии со СНиП и другими технологическими нормативами, позволяют своевременно выявить проблемные моменты и предотвратить серьезные аварии. [http://www.geo-allianz.ru/documentation/gidravlicheskie_ispytaniya_truboprovodov/].

Подкласс «отрасль»

1. Совокупность объектов + отрасль. Гидравлическая система – гидросистема, например, **Гидравлические системы** любой сложности состоят из одних и тех же базовых компонентов... [<https://firing-hydra.ru/index.php?request=full&id=132>] – **Гидросистемы** мобильных строительных и дорожных машин

периодически усовершенствуются заводами-изготовителями. [https://studopedia.net/13_51006_primeri-gidravlicheskih-shem-.html]

2. Отрасль + медиатив. *Гидротранспорт – гидравлический транспорт: Принцип действия гидравлических транспортных установок заключается в передаче энергии движущейся воды частицам сыпного груза и перемещении их с большой скоростью.* [https://studopedia.su/18_156439_gidrotransport-shemi-printsip-rabotiosnovnie-mehanizmi-pulponasosi.html] – *Перемещать пылящие материалы надо с применением пневмо- и гидротранспорта или других закрытых транспортных устройств* [<https://www.chem21.info/info/329775/>] – *Гидравлический транспорт – способ перемещения твёрдых материалов потоком воды.* [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/79085/Гидравлический>]

Подкласс «состояние»

1. Состояние + медиатив. *Гидравлическая защита – гидрозащита, например: Модульная гидрозащита производства «Новомет-Пермь» (ГЗНМ) – это прежде всего надежность и экономичность при эксплуатации.* [<http://www.novomet.ru/rus/products/protector/module/>] – *Самая быстрая в отрасли система гидравлической защиты от перегрузки.* [<https://www.aida-global.com/russian/stamping-press-technology/hydraulic-overload-protection-holp.cfm>].

Подкласс «действие»

1. Действие + производитель. *Гидравлический редуктор – гидроредуктор: Наладка гидроредуктора заключается в установке нужного давления с помощью регулировки пружины.* [<https://www.ttaars.ru/about/stati/gidravlicheskiy-reduktor/>] – *Используется гидравлический редуктор с той же целью, что и механические – для уменьшения передаваемой энергии или частоты вращения* [<https://swapmotor.ru/transmissiya/reduktor.html>].

2. Действие + медиатив. *Гидроразрыв – гидравлический разрыв: Гидравлический разрыв пласта ГРП (основная технологическая составляющая метода Фрекинга) – один из способов интенсификации работы нефтяных и газовых скважин и увеличения приёмистости нагнетательных скважин.* [<https://neftegaz.ru/tech-library/tekhnologii/141812-gidravlicheskiy-razryv-plasta-grp/>] – *Современной отрасли нефтедобычи гидроразрыв пласта (ГРП) представляет собой эффективный метод воздействия на призабойную область скважины.* [<http://snkoil.com/press-tsentr/polezno-pochitat/gidrorazryv-plasta-tekhnologiya-provedeniya-grp/>].

3. Приспособление + производитель. *Гидроаккумулятор – гидравлический аккумулятор: Гидроаккумулятор (он же гидробак) – важное звено системы водоснабжения.* [http://www.ermangizer.ru/gidroakkumulyator_dlya_sistemy_vodosnabzheniya_

chastnogo_doma] – *Современные гидравлические аккумуляторы встречаются практически в любой гидравлической системе...* [<https://www.hydac.com.ua/ru/chem-zaryadit-accumulator.html>].

Для аббревиатур, входящих в данные ономаσιологические классы, обнаружены следующие регулярные ономаσιологические признаки: квалификатив (*гидропосев – гидравлический посев*), посессив (*гидростанция – станция гидротехники*), посессив (*гидробаза – база гидравлики*), инструменталис (*гидробур – гидравлический бур*), локатив (*гидроаэродром – гидравлический аэродром*), фактитив (*гидродобыча – гидравлическая добыча*).

Текстовые корреляты, входящие в одно гнездо эквивалентности, по-разному интерпретируют семантику аббревиатуры.

Презентативные дешифровальные стимулы, выраженные адъективно, формируют обобщенную, квалификативную трактовку значения текстового эквивалента. Таковыми являются, например, корреляты *гидропосев – гидравлический посев*; *гидронасос – гидравлический насос*; *гидрожидкость – гидравлическая жидкость*; *гидросепаратор – гидравлический сепаратор и под*. Во всех случаях реализуется обобщенная семантика «имеющий отношение к гидравлике (гидравлической)».

Релятивные дешифровальные стимулы указывают на актантно-числовые характеристики обозначенного аббревиатурным референтом в пределах номинации, например, *гидростанция – станция гидротехники* (посессив), *станция для гидротехники* (дестинатив) и т.д.

Модификационные интерпретативные дешифровальные стимулы гиперонимически или гипонимически специализируют семантику аббревиатуры, например, *гидромашина – гидравлический механизм*, в которых осуществляется передача энергии от потока жидкой среды к движущемуся твердому телу; *гидронасос – преобразование энергии потока жидкости в механическую энергию, насос гидротаран, насос гидротехнический* и т.д.

Итак, рассматриваемые в работе ономаσιологические классы аббревиатурной группы *гидро* было выделено 5 подклассов («процесс», «мероприятие», «отрасль», «состояние», «действие», также ономаσιологические признаки: «финитив», «объект», «дистрибутив», «медиатив», «способ действия», «производитель действия», «локатив», «отрасль», «направление», «контрагент», «каузатив», «темпоратив», «пациентив», «качество» и «дестинатив». На основе указанных ономаσιологических базисов и признаков более подробно раскрываются особенности употребления сложносокращенных слов АГ **гидро** (текстовых эквивалентов в рамках одного контекста).

ЛИТЕРАТУРА

1. Теркулов, В. И. Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте : дисс. ... докт. филол. наук : 10.02.02 / Теркулов Вячеслав Исаевич. – Горловка, 2008. – 472 с.
2. Бровец, А. И. Интерпретативный дешифровальный стимул аббревиатуры: источники, псевдоунивербализационная синекдоха, внутриранговая альтернатива / А. И. Бровец // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум / Отв. ред. Е. Я. Титаренко : сб. науч. статей. В 2-х т. – Т. 2. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 166–173.
3. Акулич, Е. А. Аббревиатурная группа вело: общая характеристика / Е. А. Акулич, // Вестник Московского университета: науч.-метод. журн. – 2017. – № 6. – С. 117–124.
4. Селиванова, Е. А. Когнитивно-ономаσιологический аспект фразеологического семиозиса / Е. А. Селиванова // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме: Четвертые Жуковские чтения: материалы Международного научного симпозиума (Великий Новгород, 4-6 мая 2009 г.) / [отв. ред. В. И. Макаров]. – Великий Новгород; НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. – С. 69–72.
5. Соснина, Л. В. Адъективные композиты русского языка: структурный и ономаσιологический аспекты : дисс. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / Соснина Людмила Васильевна. – Донецк, 2017. – 472 с.

SUMMARY

Elena Zeibert. Onomasiological classes of the abbreviation group «hydro».

The article is devoted to the study of the onomasiological classes of the abbreviation hydro group. As a result of the study, the features of the onomasiological approach were identified, which made it possible to see how the act of nomination is carried out, how the complex units and the realities denoted by them are related. This approach allows us to trace how the realities indicated by abbreviations in the language are classified.

Key words: abbreviation group, onomasiological classes, onomasiological models.

Илларионова Анастасия
*Научный руководитель – д. филол. н., доц. Балко М. В.
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и
государственной службы при Главе ДНР»,
г. Донецк, ДНР*

ДИСГРАФИЯ И ДИЗОРФОГРАФИЯ КАК ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ШКОЛЕ

Орфография является тем разделом языкознания, изучению которого в школе уделяется особое внимание. Для многих учащихся проблема орфографической и графической безграмотности так и остается неразрешенной. Преодоление дисграфии и дизорфографии – важная задача современной методики преподавания русского языка.

Ключевые слова: *орфография, графика, дисграфия, дизорфография.*

Формирование орфографических навыков относится к практическим целям обучения. Они играют скромную роль «помощников» и «ступенек» при переходе на более высокий уровень овладения языком. Однако, формирование навыков грамотного письма из-за их психофизиологических характеристик часто требует больше времени и усилий, чем формирование многих компетенций. Совершенствовать орфографические навыки учащимся приходится на протяжении всего периода обучения в школе.

Анализ современной психолого-педагогической литературы позволяет утверждать, что в настоящее время до 30 % учащихся в общеобразовательной школе имеют стойкие нарушения письменной речи, получившие наименования «дисграфия» и «дизорфография» [1]. В то же время, как отмечают исследователи, стойкие нарушения письма могут возникать у детей с нормальным интеллектом, с полноценным зрением и слухом, у которых несформированность частных психических процессов, которые ни в чем не проявляются в повседневной жизни, создают серьезные препятствия для овладения орфографическими навыками. Большинство учителей в своей практике сталкиваются с тем, что при изучении правописания учащиеся могут легко освоить теорию и правила, могут вступать в развивающий диалог и полилог, выполняют задания творческого характера и в то же время допускают огромное количество ошибок в письменных работах. Орфографические ошибки по изучаемым правилам, искаженный облик букв, опечатки, замена акустически и оптически близких букв, перестановка, пропуск и добавление лишних букв и слогов

в соответствии с текущими стандартами приводят к негативным оценкам за письменные работы, снижению мотивации, а далее – школьной и социальной дезадаптации. В связи с этим поиск оптимальных способов предотвращения и исправления этих недостатков является теоретически и практически значимой проблемой методики преподавания русского языка на современном этапе ее развития.

Как отмечают исследователи, отсутствие специально организованной коррекционной работы способствует закреплению и усложнению симптоматики дизорфографии. Учителю необходимо знать основы психологии, коррекционной педагогики, логопедии, педагогики начальной школы, чтобы индивидуализировать и дифференцировать обучение правописанию в классе. Особое значение имеет проблема интеграции методики преподавания русского языка с указанными дисциплинами во все более «разветвляющейся» инклюзивной образовательной среде, которая требует от учителя специальных навыков и готовности сопровождать индивидуальную образовательную программу каждого обучающегося.

В качестве основных причин, приводящих к дисграфии, ученые называют «дефицит произвольной концентрации внимания, переключения и распределения внимания, нарушение слухоречевой памяти» [2].

Ю. С. Вохмина разработала систему коррекционно-развивающих упражнений для учащихся с целью устранения ошибочного написания в сильной фонетической позиции, которая состояла из упражнений, направленных на преодоление графических замен, трудностей дифференциации звуков, нарушения языкового анализа и синтеза.

Система упражнений включает:

- осложненное списывание искаженных текстов, в которых были пропущены «проблемные» для конкретного обучающегося буквы;
- списывание текста, насыщенного «проблемными» буквами;
- составление предложений и текстов, в которых было бы как можно больше слов с такими буквами;
- упражнения на основе зрительной, слуховой, речедвигательной и рукодвигательной памяти (различные типы подготовленных и предупредительных диктантов, диктантов с самоконтролем, списывание с правильного текста, комментированное письмо);
- различные фонематические игры (ребусы, шарады, метаграммы, анаграммы, логогрифы) [1].

Коррекционно-развивающая работа была положительно отражена в результатах текущих проверочных работ и итогового контрольного диктанта, который показал отсутствие опечаток и графических недостатков при значительном снижении количества орфографических ошибок.

Методисты и педагоги отмечают следующие основные причины неграмотности правописания:

1) лингвистическая некомпетентность обучающихся и недостаточное развитие навыков языкового анализа;

2) слабое развитие у детей сложных психических процессов речи, различных видов памяти, внимания, мышления, обусловленных соматическими причинами;

3) плохие навыки чтения из-за низкой читательской активности учащихся;

4) эклектика знаний;

5) слабая мотивация.

Очевидно, что существует связь между причинами орфографической безграмотности и методами, формами и приемами работы по ее преодолению.

1. Недостаток лингвистической компетентности обучающихся приводит к механизации процесса письма, не может гарантировать высокую грамотность у большинства школьников, кроме случаев, когда у них хорошо развита способность запоминать графический, звуковой и моторный облик слова. Эта способность, квалифицированная некоторыми педагогами как «феномен врожденной грамотности». И все же природные способности не гарантируют учащимся полностью грамотное письмо даже в рамках школьной программы: рано или поздно они сталкиваются с необходимостью решить орфографическую задачу. Устранение пробелов в языковой подготовке часто осуществляется посредством индивидуальной работы на уроке или дополнительных занятий с отстающими учениками.

2. Неполноценное развитие у школьников сложных психических процессов (речь, память, внимание, мышление) требует постоянной коррекционно-развивающей работы для устранения этих недостатков. В ходе такой работы возрастает роль орфографического проговаривания, а также упражнений, направленных на предотвращение орфографических ошибок (подготовленные, предупредительные, свободные диктанты, самодиктанты, письмо по памяти, неосложненное списывание, распределительное письмо на недеформированных дидактических материалах).

3. Успешному развитию орфографических навыков также препятствует низкая читательская активность и, как следствие, слабые навыки чтения у большинства современных школьников. Для компенсации подобных пробелов можно предложить учащимся систему орфографических заданий, основанную на связных текстах: поиск слов в тексте по конкретной орфограмме и ее графическое обозначение, распространение текста словами к определенной орфограмме, написание подготовленных диктантов на основе связных текстов.

4. Отсутствие концентрации и долговременной памяти у современных школьников объясняется многими исследователями переходом от линейной системы мышления к сетевой, основанной на визуальных, быстро сменяющих друг друга образах. Отсюда и отвлечение внимания, невнимательность при письме, часто ведущая к необратимым последствиям. Влияние речедвигательной и моторной памяти настолько велико, что ошибка, сделанная из-за невнимательности, будет «тянуться» за обучающимся в течение нескольких лет.

Широкие возможности для оптимизации обучения орфографии, на этапе первичного закрепления изученного правила, дает дифференциация упражнений на основе ведущего сенсорного канала (зрительно-двигательного, зрительно-слухового и двигательного-слухового). При их выполнении учащиеся делают значительно меньше (до 20 %) описок и ошибок; в контрольном диктанте их количество снижается до 15 %, если система обучающих заданий построена с учетом ведущих каналов восприятия информации.

Такая дифференциация дидактического материала и учеников не является традиционной для современной методики преподавания русского языка. Разделение на группы, общепринятое в педагогике, ориентировано больше на количественные характеристики, а не на качественные (с точки зрения успеваемости, результатов тестирования и интересов) и поэтому часто носит формальный характер. Новые варианты дифференциации обучения правописанию приближают методику преподавания русского языка к коррекционной педагогикой, которая учитывает, прежде всего, индивидуально-психологические особенности учеников.

5. Мотивация познавательной деятельности как ведущего фактора саморазвития и самообразования в действующей образовательной программе по учебному предмету «Русский язык» [2] включена в перечень личностных результатов, которые не поддаются количественным и качественным измерениям и являются одной из главных проблем современной методики.

Основополагающими факторами личностно ориентированного обучения являются индивидуализация и дифференциация обучения. Для преодоления психологических барьеров у учащихся и предоставления им индивидуальной образовательной траектории Ю. С. Вохминой была разработана система индивидуальной, групповой и общеклассной работы над ошибками, которая способствовала более эффективной обратной связи, выявлению динамики в развитии орфографических навыков учеников и помогала в оценке и самооценке их деятельности. Отводилось наиболее важно место в этой системе развивающему контролю, который позволял обучающимся осмысленно исправлять свои ошибки по схеме:

1) локализация затруднений, выявление и группировка учителем ошибок, допущенных в диктанте;

2) выполнение заданий развивающего характера с целью повторения усвоенных правил перед этапом самопроверки;

3) самопроверка, сравнивающая работу с исходным текстом-стандартом для осмысленного исправления ошибок.

Возможность получить две отметки за контрольную работу (одну – на основе результатов диктанта, а другую – за работу над ошибками) способствовала высокой концентрации внимания учащихся на всех этапах урока, развитию их навыков самоконтроля и дала стимул для дальнейшего изучения языка [1].

Таким образом, новации при обучении правописанию в современной школе необходимы. Интеграция методики преподавания русского языка и таких научных направлений, как психология, специальная (коррекционная) педагогика, логопедия будет способствовать выработке у школьников устойчивых навыков правописания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вохмина, Ю. С. О традиции и новаторстве в обучении правописанию учащихся средних классов общеобразовательной школы / Ю. С. Вохмина // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 5. – С. 93–98.
2. Примерная основная образовательная программа по учебному предмету «Русский язык. 5-9 кл.» / сост. И. Н. Данилова, Л. В. Мельникова, М. В. Болгаров, Л. П. Бескоровайная, Т. А. Лутова, Л. Н. Плыс. – 5-е изд., перераб. и доп. – ГОУ ДПО «ДонРИДПО». – Донецк : Истоки, 2019. – 160 с.
3. Пятница, Т. В. Логопедия в таблицах, схемах, цифрах / Т. В. Пятница. – Ростов н/Д : Феникс, 2012. – 174 с.

SUMMARY

Anastasia Illarionova. Dysgraphy and dysorhography as problems of the method of teaching the Russian language at school.

Orthography is that section of linguistics, the study of which is given special attention at school. For many students, the problem of orthographic and graphic illiteracy remains unresolved. Overcoming dysgraphics and dysorhography is an important task of the modern methodology of teaching the Russian language.

Key words: orthography, graphics, dysgraphics, dysorhography.

Ильина Елена
Научный руководитель – к. филол. н., доц. Сенчина Л. Т.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
г. Донецк, ДНР

ЖАНР РОМАНА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII В.

Статья посвящена проблеме формирования жанра романа в русской литературе XVIII века. Утверждается, что первый русский социально-бытовой роман принадлежит М. Чулкову. Автору романа «Пригожая повариха» удалось преодолеть риторический канон и создать романский жанр в русской литературе, который способствовал развитию русской прозы в целом.

Ключевые слова: роман, проза, произведение, жанр.

За последние годы появилось немало литературоведческих работ, связанных с изучением русского романа XVIII в. К числу таких исследований можно отнести монографию О.Л. Калашниковой «"Сей род сочинений пленителен": О русской прозе XVIII в.», Т.Е. Автухович, «Риторика, жизнь, литература. Исследование по истории русской литературы XVIII в.», и «Риторика и русский роман XVIII века.»

Актуальность исследования обусловлена слабой изученностью жанра романа в русской литературе XVIII в. в период его становления, в частности, произведение М. Чулкова «Пригожая повариха».

Целью нашей работы является рассмотрение романа «Пригожая повариха» М. Чулкова как этапного произведения в русской литературе, осмысление значимости этого романа для развития всей русской прозы XVIII столетия.

Однако при всей изученности этой проблемы остается малоизученным вопрос об историческом формировании бытового романа на русской почве, это обстоятельство и обусловило наш интерес к творчеству М. Чулкова, который по праву считается первым романистом, создавшим бытовой роман «Пригожая повариха», бесспорно, этапное произведение XVIII столетия, которое открывает путь (в определенной степени) и способствует развитию русской прозы XIX века. Этот факт и определил наш интерес к исследованию романного творчества М. Чулкова.

Русская проза XVIII в. формировалась под влиянием многих факторов. Зарождаясь в риторическую эпоху, русская проза сумела преодолеть ее ограничительные «каноны» и к концу XVIII столетия заняла ведущее место в литературном процессе.

Особое внимание в этой связи следует обратить на эволюцию русской прозы. Произведения этого типа прошли длинный путь от

рукописных повестей Петровского времени и первых переводных западноевропейских романов до «экспериментов» с романом Ф. Эмина, которые осваивали идеально-эмоциональную сферу и произведений М. Чулкова, выразившего достоверно-бытовую жизнь русского человека.

Роман М. Чулкова «Пригожая повариха» – это новый этап в развитии русской прозы XVIII века, т. к. изменяется общая картина мира, общее представление о творчестве, в результате автор становится не «носителем вечных истин», а творцом.

В романе «Пригожая повариха» М. Чулков «вычленяет» социально-бытовой аспект, исследуя социальную природу явлений, характеров и судеб героев. Ставшая новаторской для русского романа концепция героя как продукта социально-бытовых обстоятельств его жизни, определившая тип конфликта, хронотоп и формы повествования в романе, специфику героя – это и обусловило новаторский характер романа.

«Пригожая повариха» Чулкова – это произведение конкретно и исторично (муж героини погибает в Полтавском сражении; определяется место действия, определен социальный статус героини). Следовательно, текст произведения опирается на эмпирическую реальность.

В романе М. Чулкова «Пригожая повариха» можно наблюдать «дублирование» авторской точки зрения «голосом» героя. Многие функции автора передаются рассказчику. Вводится и временная дистанция (время рассказчика и время героя).

В произведении «Пригожая повариха» усиливается интерес к бытовой стороне жизни, автор обогащает роман реалистической в своей основе концепцией человека как продукта социальной среды. Данное новшество оказалось продуктивным для последующего развития русской литературы.

М. Чулков является, бесспорно, первым русским романистом, а его произведение «Пригожая повариха» свидетельствует о появлении такой разновидности жанра романа, как социально-бытовой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автухович, Т. Е. Риторика и русский роман XVIII века / Т. Е. Автухович. – Гродно, 1995. – 187 с.
2. Автухович, Т. В. Риторика, жизнь, литература. Исследование по истории русской литературы XVIII века / Т. В. Автухович. – Минск : Лимариус, 2015. – 412 с.
3. Калашникова, О. Л. «Сей род сочинений пленителен» : О русской прозе XVIII в. / О. Л. Калашникова – Днепропетровск : Новая идеология, 2013. – 344 с.

SUMMARY

Elena Iljina. Novel genre in the Russian literature of the XVIIIth century.

The article is devoted to the problem of the formation of the novel genre in the Russian literature of the XVIIIth century. It is claimed that the first Russian social and everyday novel belong to M. Chulkov. The author of the roman «The Cooking Woman» managed to overcome the rhetorical canon and create a novel genre in the Russian literature, which contributed to the development of the Russian prose on the whole.

Key words: novel, prose, penetrating, genre.

Ильяшевич Виктор

*Научный руководитель – д. филол. н., проф. Федоров В. В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
г. Донецк, ДНР*

САТИРИЧЕСКОЕ И ЛИРИЧЕСКОЕ НАЧАЛА В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

В ходе данной работы рассмотрены сатирическое и лирическое начала в поэме «Мертвые души», затронуты проблемы, которые являются актуальными на сегодняшний день, а также выявлено значение названия поэмы.

Ключевые слова: поэма, сатира, лирика.

Поэма «Мертвые души» является одним из самых замечательных произведений русской литературы. Великий писатель Николай Васильевич Гоголь показал всю современную Россию, сатирически изобразив поместное дворянство. Но если присмотреться, жалкие черты гоголевских персонажей не изжиты до сих пор и ярко проявляются и сегодня.

Центральное место в поэме занимают главы, повествующие о разных типах помещиков в тогдашней России. Картины упадка хозяйства, деградации личности приводят читателя к мысли, что именно эти «хозяева жизни» и есть «мертвые души».

Относительно «Мёртвых душ» известно, что Пушкин (тут уже во второй раз, после «Ревизора») сыграл важную, решающую роль в жизни Гоголя. Первый раз он подсказал Гоголю нехитрый и увлекательный для сатирика сюжет. Во второй раз дело было сложнее. Внешняя завязка была в устах Пушкина столь же бесхитростна. Однако, по словам Гоголя, Пушкин привёл ему пример Сервантеса и «Дон-Кихота», иначе говоря, поставил перед младшим другом задачу обширного повествования: эпоса, вмещающего в себя картину целой эпохи.

Не однажды перед романистами девятнадцатого века вставал Рыцарь Печального Образа и его автор. Диккенс в начале работы над первым своим большим романом, задумывая фигуру мистера Пиквика, вспоминал смешные и горестные приключения героя великой книги. Достоевский ставил в прямую связь князя Мышкина с Рыцарем Бедным, с потрясающим воздействием на читателей сервантесовского героя.

Творчество Гоголя на удивление близко соприкасается с проблемами наших дней. Его образы позволяют яснее понять современных беззастенчивых дельцов, стяжателей. Консерватизм, застой вызывают у писателя протест, ибо они рождают страх перед любыми переменами в мире.

В наши дни мы наблюдаем всплески агрессивного консерватизма в странах Америки и Западной Европы. Современным реакционерам также свойственно представление, что жизнь подвластна только им, что власть и деньги решают все. В поэме Гоголя накопительство приобретает облик того явления, которое сейчас называют вещизмом. Конечно, современные «вещисты» не собирают ненужный хлам, а приобретают дорогие, престижные вещи. Анализ произведения выявляет следующие интересные особенности. «Вся Русь явится в нем» – тезис Гоголя, который подчеркнул масштабность замысла «Мертвых душ».

На вершине пирамиды персонажей оказывается Плюшкин, «прореха на человечестве», «мертвая душа». Вещи для него дороже людей, которые «мрут, как мухи» или ударяются в бег. Другой образ «живого мертвеца» олицетворяет собой Ноздрев. Мы ярко видим развращающий характер крепостного права.

В образе Павла Ивановича Чичикова Гоголь вывел на всеобщее обозрение черты «рыцаря копейки». Это совершенно новый герой, представитель зарождающегося класса «приобретателей». Говоря с чиновниками, Чичиков «очень умел польстить каждому». Поэтому он быстро завоевывает в городе необходимую репутацию.

Поскольку жанр поэмы предполагает равноправие лирического и эпического начал, без авторского слова обойтись в этом произведении невозможно. Лирическое начало в поэме «Мёртвые души» реализуется именно в авторских отступлениях.

Не являясь героем поэмы, автор «Мёртвых душ» выступает в ней как лирический герой. Представление о лирическом герое читатель получает, анализируя литературные взгляды и размышления Гоголя об избранности писателя, о двух типах писателей, о двух типах портретов, о языке художественного произведения, о выборе главного героя.

Работая над поэмой «Мертвые души», Н. В. Гоголь стремился создать резко обличительное произведение и для этого пользовался средствами сатиры. Сатира – резко отрицательное отношение

автора к изображенным характерам, злое высмеивание прежде всего социальных типов. В поэме социальная сатира сочетается с «высоким лирическим движением» авторской мысли.

Ирония – характерный элемент гоголевской сатиры. Мало кто из русских писателей XIX века пользовался этим оружием так искусно и изобретательно, как Гоголь. Правда, она создавала для читателей известные трудности в уяснении позиции автора, его взгляда на изображенный предмет. «Всякому, – писал Белинский, – легче понять идею, прямо и положительно выговариваемую, нежели идею, которая заключает в себе смысл, противоположный тому, который выражает слова ее».

В иронии всегда сшибаются прямой смысл речи и скрытый, который именно и оказывается истинным. Ирония – это замаскированная усмешка, выраженная в повествовании, восторженном по форме и издевательском по существу. «В приемах своих господин имел что-то солидное и высморкался чрезвычайно громко», – читаем мы о Чичикове в самом начале поэмы и уже не верим в чичиковское притязание на значительность.

В развитии реализма ирония сыграла огромную роль, во-первых, довершив освобождение литературы от свойственной эпигонам романтизма риторики, от ложной многозначительности и приподнятости, а во-вторых, став художественным средством критического анализа действительности. Гоголь считал иронию характерной особенностью русской литературы. «У нас у всех много иронии, – писал он. – Она видна в наших пословицах и песнях и, что всего изумительней, часто там, где видимо страдает душа и не расположена вовсе к веселости». Сатирическая ирония Гоголя помогала обнажать объективные противоречия действительности. В этом ее коренное отличие от романтической иронии, основанной на субъективных ассоциациях и произвольной игре ума, не вскрывавшей внутренних неурядиц жизни и нередко искажавшей ее.

Гоголь, как в зеркале, отразил всю омерзительную сущность дворянско-бюрократического строя с его дикими полицейскими порядками, моралью крепостников и помещичьим произволом. Миру «мертвых душ» в поэме противопоставлен лирический образ народной России, о которой Гоголь пишет с любовью и восхищением. Реализм Гоголя в большей степени насыщен обличительной, бичующей силой – это отличает его от предшественников и современников.

Это произведение, в «котором явилась вся Русь», ее красота ее бескрайность, глубина души, доброта и жестокость, все те черты, которые присущи и сегодняшнему миру.

Поэма и сегодня актуальна для России, потому что изменились внешние черты жизни, но остались и основные проблемы, и

психологические типы, выведенные Гоголем. Эта поэма о прошлом, отражающая в себе и нынешнюю реальность. Я считаю, что поэма актуальна в наше время, потому что проблемы, которые несет она, затрагивают и наше общество. Всего лишь веры для того, чтобы душа была жива, недостаточно! Живой ее делают движения духа, которые выливаются в деяния, поступки, соответствующие этому духу. Для этого есть способ исцеления: «Подумайте не о мертвых душах, а о своей живой душе, да и с Богом на другую сторону!»

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксюта, Р. А. Творчество русских классиков / Р. А. Аксюта. – СПб. : Питер, 2005. – 592 с.
2. Алябьев, Т. И. Русская филология / Т. И. Алябьев. – Мн. : БГУ, 2003. – 596 с.
3. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений: в 10 т. / В. Г. Белинский. – М. : Академия наук СССР, 1981.
4. Гоголь, Н. В. Избранное / Н. В. Гоголь. – М. : Просвещение, 1988. – С.58.
5. Гоголь, Н. В. Избранное / Н. В. Гоголь. – СПб. : Питер, 2000. – 653 с.
6. Гоголь, Н. В. Мертвые души. Ревизор. Повести / Н. В. Гоголь. – М. : Просвещение, 1982. – 976 с.
7. Заслонов, В. А. Николай Гоголь. Опыт духовной биографии / В. А. Заслонов. – М. : Просвещение, 1980. – 120 с.
8. Лотман, Ю. В школе поэтического слова : Пушкин, Лермонтов, Гоголь / Ю. Лотман. – М. : Просвещение, 1982. – 352 с.
9. Шанский, Н. М. Художественный текст под лингвистическим микроскопом / Н. М. Шанский. – М. : Просвещение, 1986. – 157 с.

SUMMARY

Viktor Pyashevich. Satirical and lyrical beginning in the poem N. V. Gogol's «Dead Souls».

In the course of this work, the satirical and lyrical principles in the poem «Dead Souls» are considered, problems that are relevant today are touched upon, and the meaning of the name of the poem is revealed.

Key words: poem, satire, lyrics.

Ковальчук Вадим
Научный руководитель – Ткачев В. И.,
учитель иностранных языков
МОУ г. Горловки «Лицей № 47 «Старт»
г. Горловка, ДНР

БЛОГОСФЕРА И СЕТЕВАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДОНБАССА

Сетевая литература занимает исключительное место в современном литературном пространстве Донбасса как совокупность различных литературных произведений. Большинство произведений современной донбасской блогосферы условно возможно отнести к постреализму.

Ключевые слова: сетература, блог, постреализм.

Сетевая литература – понятие, предлагаемое многими публицистами и современными литературоведами для обозначения совокупности литературных произведений, которые были написаны для публикации только в сети интернет [2].

Началом русскоязычной сетевой литературы принято считать гипертекстовый проект «Роман», опубликованный в Сети писателем Романом Лейбовым 10 октября 1995 года [5].

Литература разделилась на традиционную бумажную форму и на ту, которая развивается в сетевом формате. На начальных этапах существования интернета тексты переводились в электронный вид, что позволяло расширять технологические возможности работы с ними. Для этого использовались гиперссылки и общедоступность этих текстов. Сетевая литература в большей части представляет собою творчество начинающих писателей и авторов-любителей, чьи произведения достигают не очень высокого уровня. Но сетевая литература даёт возможность каждому заявить о своих возможностях и найти свою аудиторию.

Уникальной частью сетевой литературы является блог-литература. Блогерство, следует отметить, занимает важное место в современном литературном пространстве Донбасса. Блогом следует считать веб-сайт, на котором автор регулярно добавляет какие-либо записи, мультимедиа и разные инкарнации своего творчества. Блог-литература всегда подразумевает сетевое общение автора с читателем.

Блоги имеют очень много функций. Основными являются коммуникативная, психотерапевтическая, развлекательная и многие другие. Самое главное, что благодаря блогам человек может легко делиться своим творчеством с другими людьми, литература становится общедоступной [4; 48].

Блог – это основа сетевой литературы. В литературном пространстве Донбасса блогерство занимает особое место и является составляющей частью, своеобразным проявлением литературы модернизма. Ярким примером сетературы является творчество горловского блогера и журналиста Егора Воронова, которые публикуют свое творчество в социальных сетях. Ранее Егор работал в Донецких газетах, позже, стал работать в Горловке, а сейчас просто занимается своим любимым делом.

Творчество Егора Воронова можно отнести к постреализму. В своих произведениях он обращается к условности, нарочитой литературности в создаваемых произведениях, сочетают стилистику разных жанров и литературных эпох.

В основе постреализма Воронова лежит универсально понимаемый принцип относительности, диалогического постижения непрерывно меняющегося мира и открытости авторской позиции по отношению к нему. Постреализм, по определению Н. Л. Лейдермана и М. Н. Липовецкого, – определенная система художественного мышления, логика которого стала распространяться и на мэтра, и на дебютанта, набирающее силу литературное направление со своими стилевыми и жанровыми предпочтениями. В постреализме реальность воспринимается как объективная данность, совокупность множества обстоятельств, влияющих на человеческую судьбу. В первых постреалистических произведениях донбасских блогеров отмечался демонстративный отход от социального пафоса, писатели обращались к частной жизни человека, к его философскому осмыслению мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. От книги до Интернета : Журналистика и литература на рубеже нового тысячелетия / Отв. ред. : Я. Н. Засурский, Е. Л. Вартанова. – М. : МГУ, 2000. – 256 с.
2. Зарипова, А. «Сетература» становится популярней обычных книг // Российская газета. 2011.06.03 [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.rg.ru/2011/06/03/seteratura.html>.
3. Янс, Г. Дорогу великой русской сетературе // Московский комсомолец. 2011.07.26. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mk.ru/culture/article/2011/07/26/608994-dorogu-velikoy-russkoy-seterature.html>.
4. Современная русская литература конца XX – начала XXI века // Под ред. С. И. Тиминой. – М. : Изд. центр «Академия», 2011. – 382 с.
5. Горбачев, А. «Роман» Романа Лейбова и введение в гипертекст // Афиша [Электронный ресурс]. – URL: <http://internet.afisha.ru/roman/>.
6. Сетевая словесность [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.netslova.ru/>.

БИБЛЕЙСКИЕ ИСТОКИ ОБРАЗА ИУДУШКИ

В статье выявлены и рассмотрены библейские истоки образа Иудушки в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы». Автор приходит к выводу, что образ Иудушки связан с библейским сюжетом, в первую очередь, с Иудой Искарриотом, историей братьев Каина и Авеля, притчей о блудном сыне.

Ключевые слова: *Иуда, библейский образ, библейский сюжет.*

«Господа Головлёвы» – роман М. Е. Салтыкова-Щедрина, написанный в 1875–1880 годах. Этому произведению посвящены многие исследования, но в основном литературоведы рассматривают поэтику романа [5], особенности психологизма в произведении [7] или библейские сюжеты и мотивы во всем творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина [4, 6]. Актуальность нашей работы обусловлена тем, что мы ставим цель выявить библейские сюжеты, мотивы, образы, которые помогают раскрыть характер Иудушки Головлева – одного из главных героев романа «Господа Головлёвы».

Порфирий Владимирович – средний сын помещицы Арины Петровны Головлевой – уже на первых же страницах «аттестован» как «Иудушка», «кровопивушка», «откровенный мальчик», любящий «приласкаться к маменьке и слегка понаушничать». Именно с «понаушничества» возникает мотив предательства в романе, который восходит к библейскому сюжету об Иуде Искарриоте – предателе Христа.

Иудушка-кровопивушка, Иуда, Иуда-предатель – такие прозвища даёт Щедрин своему главному персонажу и на протяжении всего романа разоблачает двуличие, двоедушие Иудушки. Прозвище подчёркивает суть образа жизни Порфирия Головлева, ассоциируется, как мы уже отмечали, с-- апостолом Иудой Искарриотом и состоит из двух слов – «Иуда» и «Душка. Снаружи Порфирий ласков и добр, другими словами – душка, а внутри – жадный и злой Иуда. Двойственность, присущая этому персонажу, проявляется и в прозвищах Порфирия, и в его речи, и в самом образе героя: внешняя оболочка (все, что за суффиксами «ушк» – ласковость, лесть, наигранная доброта и духовность, якобы праведность) и внутренняя оболочка (все, что стоит за словами Иуда, то есть подлинная сущность героя: бесчеловечность, бездушие, обрядовая «духовность»). «Вот эта двойственность, двуплановость героя и составляет его внутренний стержень», – указывает Д. Николаев [3, 90].

К библейскому сюжету восходит и мотив наживы, также связанный с предательством. Как Иуда предал Спасителя за деньги, так и Порфирий предаёт своих родных за собственность. «Именно она [собственность] определила его облик и поведение. <...> Иудушка, как и Арина Петровна, служит призраку собственности. Вся жизнь его, все его устремления подчинены одному – обогащению» [3, 98].

В отношениях с матерью Иудушка полностью оправдывает своё прозвище. В библейских писаниях Иуда предал Христа поцелуем, таким же образом и Порфирий Владимирович ласково, с поцелуями предаёт мать, жадно и целенаправленно разоряя её. Не случайно Арина Петровна не раз отмечает, что он «целует друга своего маменьку, а сам петлю на шею закидывает».

Желание быть хозяином всего головлёвского имущества преобладает у него над сыновними чувствами и, нащупав слабую струнку в душе матери, как паук, плетёт вокруг неё сети, выуживая деньги.

Разорив мать, Иудушка наносит ей последний удар, требуя годовой отчётности. Ограбленной и выгнанной из дому матери Иудушка кричит вслед: «Маменька... Так вы, голубушка, не забываете нас... попросту, знаете, без затей! Мы к вам, вы к нам... по-родственному!»

И снова всё делается с именем Бога на устах.

При помощи лести, заискивания Иудушка втирается в доверие матери, а затем, опутав паутиной лжи, подхалимства, еще при ее жизни завладел всем богатством: подговаривает мать передать ему Головлево в наследство, а сам выгоняет ее к брату в имение.

В отношениях между Порфирием Владимировичем и его братьями трансформируется библейский сюжет о братьях Каине и Авеле. Порфирий делает последние минуты жизни своих братьев невыносимыми и практически убивает их.

Он пристально следит за тем, как Павел убивается в запое, и, выбрав удобный момент, приезжает к умирающему брату в Дубровино. У постели брата Павла Иудушка появляется не со словами сочувствия, а чтобы опутать липкой словесной паутиной еще одну жертву и присвоить себе его имение. Любезно, «по-родственному» доводит брата до беспамятства и покидает его тогда, когда убеждается, что Павел еще не успел распорядиться своими деньгами и они, следовательно, достаются ему вместе с Дубровиным.

Но, если Каин убивает Авеля из-за зависти, то причиной Иудушкиного братоубийства является жадность.

В романе М. Е. Салтыкова-Щедрина трансформируются и события библейской притчи о блудном сыне, они показаны здесь с точностью до наоборот. Жестокость Иудушки к своим детям такая же, как и к другим родственникам. Он обрекает своих детей

на смерть, не протянув руку помощи в трудную минуту и не дав прощения. Он хладнокровно доводит до самоубийства Владимира. Отказ в помощи старшему сыну автор расценивает как нарушение наставления Христа не класть в протянутую руку камня вместо хлеба.

Иудушка обрекает и другого сына – Петра на позор и смерть в тюрьме: «...во-первых, у меня нет денег для покрытия твоих дрянных дел, а во-вторых – и потому, что вообще это до меня не касается. Сам напутал – сам и выпутывайся. Любишь кататься – люби и саночки возить. Так-то, друг».

Чтобы скрыть свой грех прелюбодеяния, он приказывает увести новорожденного сына, находя для этого благопристойное оправдание: «пользы для него никакой дома не будет... А мне хочется, чтоб всё у нас хорошохонько было. Чтоб из него... со временем настоящий человек вышел...».

Притча о блудном сыне трансформируется не только в образе сыновей Порфирия Владимировича, все дети и внуки Головлёвых – блудные дети, и они на каком-то этапе своей жизни возвращаются домой.

Так настойчиво, методически проводя ограбление родных, Иудушка Головлёв доводит до гибели всю семью: мать, братьев, сыновей, племянниц. Настанет день, и сам Порфирий Владимирович, как блудный сын, соберётся в дорогу, чтобы умереть на могиле матери.

Иудушка присваивает себе миссию учителя, а сам беззастенчиво захватывает жизненное пространство. И все свое хищничество Иудушка лицемерно маскирует авторитетом библейского слова. Внешне создаётся впечатление, что Порфирий Владимирович очень набожный человек. Но его набожность проявляется только на словах и в соблюдении ритуалов. В его поступках нет благих намерений, напротив, они нарушают главные постулаты христианства. Даже Богу Иудушка молится не из любви к нему, а из страха чёрта: «Но он молился не потому, что любил Бога,... а потому, что боялся чёрта и надеялся, что Бог избавит его от лукавого. Он знал множество молитв, и в особенности отлично изучил технику молитвенного стояния. То есть знал, когда нужно шевелить губами и закатывать глаза, когда следует складывать руки ладонями внутрь и когда держать их воздетыми... Но молитва не обновляла его, не просветляла его чувства... Он мог молиться и проделывать все нужные телодвижения – и в то же время смотреть в окно и замечать, не идёт ли кто без спросу в погреб и т.д.». «Герой Салтыкова-Щедрина Иудушка Головлёв в маске «истинного христианина» делает нехристианское дело, разрушая тем самым христианство, – пишет А. П. Ауэр [1, 39].

В ненасытной душе Иудушки царствует лицемерие, пустословие, равнодушие, хитрость, жадность. Этот грех толкает его на преступление заповедей:

– Почитай отца твоего и мать твою.

– Не желай дома ближнего твоего.

– Не убивай.

«Добровольная смерть головлевского барина не несёт примирения с ним, как и самоубийство Иуды не служит ему прощением за предательство Иисуса. Но смерть эта всё-таки возвращает Иудушку человеческому роду; отсюда скорбная интонация авторского голоса в финале, выражающая жалость к герою, погубившему себя несчастному человеку», – отмечает В. Кривонос [2].

Этот персонаж зовётся Иудушкой, а не Иудой, поскольку это не персонаж высокой евангельской легенды, а сниженный вариант его, слишком приземлены его страсти. Он личность во всех отношениях мелкая, ничтожная, хотя и держит в страхе окружающих.

Но чем ближе к развязке, тем реже автор именует своего героя Иудушкой, исчезают из его речи уменьшительно-ласкательные слова, предложения становятся более конкретными и короткими, изменяется отношение к племяннице Анниньке, пробуждается сострадание к другому человеку. Иудушка уже не вызывает такого отвращения, как раньше; он говорит о том, что уму нужно прощение, а, следовательно, он понял, что виноват. Автор решает показать трагедию пробуждения совести в душевно мёртвом герое. М. Е. Салтыков-Щедрин бьётся над одной из фраз финала:

1. «Совесь проснулась, но примирения не дала».

2. «Совесь проснулась, но умиротворения не дала!»

3. «Совесь проснулась, но бесплодно».

Автор останавливается на третьем варианте, поскольку отказывает герою в праве на возрождение, но даёт право на трагедию. Эта трагедия снова связана с библейским мотивом. Совесть начинает мучить Порфирия в конце недели, с пятницы на субботу, в эти же дни происходит распятие Христа.

И всё же не параллель предсмертных страданий Иудушки и Христа, а именно параллель предательства Иуды и несостоявшегося покаяния Иудушки в «Господах Головлёвых» «осуществлена до конца. Щедринский Иудушка, подобно библейскому Иуде, покончил жизнь самоубийством» [1, 16].

Таким образом, мы приходим к выводу, что смысловым и характерообразующим началом образа Иудушки в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» являются библейские сюжеты, мотивы и образы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ауэр, А. П. Салтыков-Щедрин и поэтика русской литературы второй половины XIX века / А. П. Ауэр. – Коломна : Из-во Коломенского пединститута, 1993. – 113 с.
2. Кривонос, В. О символической образности в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы» [Электронный ресурс] / В. Кривонос // Литература. – 2001. – № 13. – Режим доступа: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200101304>.
3. Николаев, Д. П. Смех Щедрина: Очерки сатирич. поэтики / Д. П. Николаев. – М. : Сов. писатель, 1988. – 397 с.
4. Омельницкая, Е. Ю. Трансформация библейских мотивов в романах М. Е. Салтыкова-Щедрина // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 2. – Т. I (Гуманитарные науки). – С. 210–213.
5. Полякова, Т. А. Поэтика романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы» : Система символов и мотивов : дис. ... канд. филол. наук. – Елец, 2002. – 166 с.
6. Ремпель Елена Александровна. Библейские речения, сюжеты и мотивы в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина («История одного города», «Господа Головлёвы», «Пошехонская старина») : дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2004. – 143 с.
7. Росабаль, Г. М. Особенности психологизма в романе «Господа Головлёвы» Салтыкова-Щедрина : дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1984. – 188 с.

SUMMARY

Alina Kogteva. The biblical origins of the image of Judas.

The biblical sources of the image of Judas in the novel by M. E. Saltykov-Shchedrin «Lord Golovlev». The author concludes that the image of Judas is connected with the biblical plot, primarily with Judas Iscariot, the story of the brothers Cain and Abel, the parable of the prodigal son.

Key words: Judah, biblical image, biblical plot.

Коновалова Диана
Научный руководитель – к. филол. н., доц. *Першина К. В.*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР

УСТОЙЧИВЫЕ РЕЧЕВЫЕ ОБОРОТЫ С ФАУНИСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЛЮДИ»)

Объектом анализа в данной работе являются устойчивые речевые обороты, содержащие в своем составе лексические единицы, связанные с концептуальной областью «фауна». Характеризуются обороты, входящие в семантическое поле «люди».

Ключевые слова: *устойчивый речевой оборот, фаунистический лексический компонент, семантическое поле.*

В настоящее время в рамках антропоцентрической парадигмы активно исследуется связь языка и культуры народа. Утвердилось представление о том, что язык представляет собой культурный национальный код. Все разнообразие культурной информации, накопленной многими поколениями, находит свое отражение в языке. По словам В. А. Масловой, «отзвук канувший в летах, пережив века, сохраняется на сегодняшний день в метафорах, пословицах, фразеологизмах, поговорках и символах культуры» [3, 3].

Культурную информацию хранит любой текст, в том числе и минимальный, который аккумулирует ту или иную ее разновидность. К числу таких минимальных текстов относятся и разнообразные устойчивые сочетания слов различных типов, прежде всего фразеологизмы, поговорки, устойчивые сравнения, крылатые выражения.

Ещё Ф. И. Буслаев утверждал, что фразеологизмы – это своеобразные микромиры, которые содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [2, 37]. Данное утверждение справедливо и по отношению к другим видам устойчивых речевых оборотов.

Фразеологизмы (в широком понимании) отражают в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы [3, 82]. Эти языковые единицы всегда обращены на человека; они не столько описывают мир, сколько показывают, как этот мир в разнообразных его проявлениях следует интерпретировать, оценивать, выражать свое отношение к нему. В силу этого данные номинативные единицы

являются важной и неотъемлемой частью национальной языковой картины мира. В. Н. Телия отмечает, что фразеологический фонд языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [5, 9]. Через фразеологизмы носителям языка (последующим поколениям) как бы навязывается угол зрения на мир, его свойства, ситуации, количественные характеристики и пр., сформированный предыдущими поколениями носителей данного языка и данной культуры.

Семантика фразеологических единиц содержит общечеловеческое и национально-специфическое, последнее в них превалирует. Национально-специфическое проявляется во внутренней форме фразеологизмов (*сбоку припеку, без сучка и задоринки*), в денотативной отнесенности их лексических компонентов (*щи лаптем хлебать, попасть впросак*), характере образности (*семь верст до небес и всё лесом*), их связи с национальной мифологией и фольклором (*избушка на курьих ножках*), историей (*как мамай прошел*, религией (*соль земли, козел отпущения*), литературой (*у разбитого корыта, человек в футляре, демьянова уха*), традициями, обычаями, суевериями (*вот тебе, бабушка, и Юрьев день; выносить сор из избы, в сорочке родиться*) и т.д.

По мнению В. Н. Телия, наибольшую сложность описания объектов фразеологического состава языка представляет номинативно-семантический аспект, «поскольку онтологически существенное свойство фразеологизмов-идиом состоит в сращенности лексической и синтаксической семантики» [6, 19–20]. Для культурологического аспекта их анализа первостепенное значение имеет лексическая семантика. В связи с этим анализ значения устойчивых оборотов представляет собой необходимый этап их лингвокультурологического описания.

Свое место во фразеологическом фонде русского языка занимают устойчивые обороты, содержащие фаунистический лексический компонент. Такими компонентами являются названия:

а) разнообразных представителей фауны: животных, птиц, насекомых, рыб, пресмыкающихся, земноводных и т.д.: *волк в овечьей шкуре, за морем и телушка – полушка, да дорог перевоз, слон в посудной лавке, брать быка за рога, стреляный воробей, как с гуся вода, первая ласточка, когда рак свистнет, как рыба в воде, змея подколотная, комар носа не подточит* и др.;

б) частей тела живых существ: *коготок увяз – всей птичке пропасть, лапки кверху, гладить по шерстке, кожа да кости, рожки да ножки, хвост прижать, хвост трубой, держать уши на макушке, делить шкуру неубитого медведя* и др.;

в) действий, совершаемых живыми существами: *вертеться как белка в колесе, ходить гоголем, кот наплакал, ни мычит ни телится, ходить(стоять) на задних лапках* и др.;

г) звуков, издаваемых животным: *реветь белугой, хоть волком вой, соловьём разливаются*.

Возникновение данного класса устойчивых оборотов связано в первую очередь с тем, что животные, птицы и другие живые существа всегда жили и продолжают жить рядом с человеком. Вследствие социальной значимости многие представители фауны приобрели культурную функцию выступать манифестаторами человеческих качеств – как физических, так и нравственных. Поведенческие особенности животных, характерные черты внешнего облика, издаваемые звуки, способ передвижения и т.д. становились основой для метафорической характеристики людей.

Фразеологические единицы с фаунистическим лексическим компонентом, входящие в состав обширного семантического поля «люди», отражают различные стороны психологических и социальных особенностей человека, его интеллектуальные способности, отношение к другим людям и к работе, особенности физического состояния, внешнего облика и др. Во многих таких оборотах коннотативная окраска отражает идею ‘таким не следует быть’.

Особенности социального поведения личности обозначаются с помощью оборотов:

– *волк в овечьей шкуре* – лицемерный человек, под маской доброжелательности скрывающий злые намерения; *подколотная змея* – коварный, злонамеренный человек; *заблудшая овца* – человек, который порвал отношения с той средой, к которой ранее принадлежал, или который сбился с правильного жизненного пути; *белая ворона* – человек, не вписывающийся в привычные социальные стандарты; *беден как церковная мышь* – очень бедный человек; *брать за жабры* – полностью подчинять себе кого-либо, лишая его свободы действий; *гнуть в бараний рог* – принуждать, подавлять, подчинять своей воле кого-либо; *быть в когтях (лапах)* – находиться в зависимости; *вызволить из лап* – освобождать кого-либо от зависимости; *собака на сене* – ни себе ни другим; *как с цепи сорваться* – вести себя злобно, агрессивно; *как кошка с собакой* – жить, враждуя с кем-либо; *ворон ворону глаз не выклюнет* – о групповой социальной солидарности; *морской волк* – бывалый, опытный человек; *желторотый птенец* – молодой, неопытный человек; *как рыба в воде* – свободно, непринужденно чувствовать (вести) себя в какой-либо среде; *стрелять из пушек по воробьям* – прилагать значительные усилия для совершения чего-то незначительного и др.

Не меньшим разнообразием характеризуются обороты, обозначающие психологические и интеллектуальные состояния людей: *кошки скребут на душе* – о том, кто волнуется, находится в состоянии тревоги, беспокойства; *побитая собака* – осознающий свою вину, *знает кошка, чьё мясо съела* – о понимающем свою провинность; *упрямый как осел* – упрямый, проявляющий неоправданное упорство; *мухи (комара) не обидит* – о человеке кроткого, доброго характера, который не способен причинить никому зла; *как баран на новые ворота* – о плохо соображающем человеке; *ни пава ни ворона, ни тпру ни ну* – человек с невнятной позицией, взглядами; *мокрая курица* – жалкий, забитый, безвольный человек; *бред сивой кобылы* – бессмыслица, вздор, нелепица, произносимая человеком; *как свинья в апельсинах* – о человеке, плохо разбирающемся в чем-либо, *собаку съел* – о человеке, приобретшем основательные познания в какой-либо области и др.

Описанные две группы устойчивых оборотов составляют большинство в общей массе фразеологических единиц с фаунистическим компонентом. В совокупности они отражают детальную семантическую нюансировку проявлений человеческой природы и ее оценку. Несколько меньше в рассматриваемой группе единиц, связанных с характеристикой внешнего вида, трудолюбия и праздности, семейного устройства. В этой группе доминируют паремии. Ср.: *ворона в павлиньих перьях, как пчелка, люблю сивка за обычай: кряхтит, да везет, муравей не велик, а горы копает, работа не волк, кляча воду возит, а козел бородой потряхивает, пошел бы журавль в мерцки, так не берут, а в молотильщики не хочется, свить гнездо, лебединая верность*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – 2-е изд., стер. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с. – (Фундаментальные словари).
2. Буслаев, Ф. И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные / Ф. И. Буслаев. – М., 1954.
3. Маслова, В. А. Лингвокультурология : Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – 2-е изд., стереотип. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.
4. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология: Учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.». – 2-е изд., испр. и доп. / В. М. Мокиенко. – М. : Высшая школа, 1989. – 287 с.
5. Телия, В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

6. Телия, В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1981. – 268 с.

SUMMARY

Diana Konovalova. Stable speech turns with a faunistic lexical component in the Russian language (semantic field «people»).

The article highlights steady speech turns of the Russian language, containing lexemes of the conceptual field «fauna» and related to the stemantic field «people».

Key words: steady speech, faunistic lexical component, semantic field.

Конейко Оксана

*Научный руководитель – к. филол. н., доц. Ярошенко Н. А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР*

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ГОДОНИМОВ ПГТ. КОНТАРНОЕ И ПГТ. МОСКОВСКОЕ ШАХТЁРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

В статье представлена структурно-семантическая классификация топонимов посёлков городского типа Контарное и Московское Шахтёрской администрации. Проанализирована продуктивность основных словообразовательных типов. Выявлены наиболее распространенные модели наименований линейных объектов.

Ключевые слова: топоним, урбаноним, годоним, улица, структурный тип.

Цель предлагаемой статьи заключается в том, чтобы определить и проанализировать структурные типы топонимов посёлков городского типа Контарное и Московское, которые находятся в подчинении Шахтёрской администрации, а также установить модели образования топонимов и выявить степень их продуктивности.

Актуальность работы в первую очередь обусловлена пристальным вниманием региональной ономастики к изучению языкового ландшафта города во всех его разновидностях и проявлениях.

В работе придерживаемся позиции, согласно которой топоним трактуется в качестве видовой разновидности урбанонима и понимается как «название линейного объекта в городе, в том числе проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара,

набережной» [4, 174]. В то время как урбаноним, согласно определению, предложенному Н. В. Подольской, представляет собой имя собственное любого внутригородского топографического объекта, в том числе годонима, агоронима, хоронима, экклезионима, ойкодомонима [4, 139]. В. И. Супрун, уточняя дефиницию термина *урбаноним*, предложенную Н. В. Подольской, отмечает, что «под урбанонимом мы понимаем название внутригородского объекта, способное выполнять адресную функцию, имеющее официальную фиксацию в городских документах и указывающее на объект, содержащий на своей территории отдельные строения с номерами» [5, 107]. Таким образом, к годонимам относятся наименования таких линейных адресных объектов, как улица, проспект, бульвар, переулок, линия, проезд, тупик, аллея, шоссе, микрорайон, квартал (см. обзор в [6; 7]).

Важнейшим условием осуществления топонимических исследований является структурно-типологическая классификация (см. [1, 231]).

При рассмотрении структурных параметров годонимов посёлков городского типа Контарное и Московское опираемся на классификации, предложенные в работах Н. Ю. Забелина [3] и Л. В. Егоровой [1; 2].

Объектом исследования выступает структура рассматриваемых годонимов посёлков городского типа Контарное и Московское, в то время как **предмет анализа** составляют морфемные и словообразовательные особенности названных годонимов, продуктивность моделей, по которым они образуются.

Материал исследования извлекался из Приложения 2 к распоряжению главы администрации города Шахтёрска Донецкой Народной Республики № 52р от 17.02.2017 г. «О Перечне наименований микрорайонов, улиц, переулков, площадей, нумерации жилых домов и других объектов недвижимости, расположенных на территории, подконтрольной администрации города Шахтёрска и её территориальным органам».

Выборка охватывает 28 годонимов: 16 годонимов пгт Контарное и 12 годонимов пгт Московское. В названных населённых пунктах реализованы годонимы только с таким термином-классификатором, как улица.

Как свидетельствует анализ, среди годонимов посёлков городского типа Контарное и Московское в первую очередь можно выделить следующие структурные типы:

1. Однословные годонимы, которые наиболее многочисленны (25 единиц, или 89,3 %): ул. *Артёма*, ул. *Вокзальная*, ул. *Гагарина*, ул. *Гоголя*, ул. *Горького*, ул. *Заречная*, ул. *Зеленая*, ул. *Калинина*, ул. *Кирова*, ул. *Комарова*, ул. *Ленина*, ул. *Лесная*, ул. *Мира*,

ул. *Нагорная*, ул. *Октябрьская*, ул. *Пушкина*, ул. *Первомайская*, ул. *Театральная*, ул. *Чапаева*, ул. *Чкалова*, ул. *Шахтная*, ул. *Шевченко*, ул. *Школьная*, ул. *Щорса*, ул. *Центральная*.

2. Двухсловные годонимы (2 единицы, или 7,1 %): ул. *3. Космодемьянской*, ул. *О. Кошевого*.

3. Трёхсловные годонимы (1 единица, или 3,6 %): ул. *50 лет Октября*.

Как видно из примеров, двухсоставные названия представлены двумя разновидностями такой модели, как «Существительное в форме Р. п. ед. числа + существительное Р. п. ед. числа»:

а) первый компонент – официальное мужское личное имя в форме Р. п. ед. числа, а второй компонент – мужская фамилия в форме Р. п. ед. числа (ул. *О. Кошевого*);

б) первый компонент – женское личное имя в форме Р. п. ед. числа, а второй компонент – женская фамилия в форме Р. п. ед. числа (ул. *3. Космодемьянской*).

Трёхсловный годоним ул. *50 лет Октября* представляет собой сочетание количественного числительного и двух существительных в форме Р. П. мн. И ед. числа. Как понятно, в состав годонима ул. *50 лет Октября* входит хрононим *Октябрь* как имя собственное исторически важного временного отрезка (ср. годоним ул. *Октябрьская*). Годонимы такого типа выполняют мемориальную и идеологическую функции, реализуя при этом социально-идеологический культурный код.

В числе анализируемых однословных годонимов представлены как годонимы, образованные на базе имён собственных (ул. *Артёма*, ул. *Гагарина*, ул. *Гоголя*, ул. *Горького*, ул. *Калинина*, ул. *Кирова*, ул. *Комарова*, ул. *Ленина*, ул. *Октябрьская*, ул. *Пушкина*, ул. *Первомайская*, ул. *Чапаева*, ул. *Чкалова*, ул. *Шахтная*, ул. *Шевченко*, ул. *Щорса*), так и отапеллятивные годонимы (ул. *Вокзальная*, ул. *Заречная*, ул. *Зеленая*, ул. *Лесная*, ул. *Мира*, ул. *Нагорная*, ул. *Театральная*, ул. *Школьная*, ул. *Центральная*).

Однословные годонимы посёлков городского типа Контарное и Московское представлены двумя основными разновидностями:

1. Субстантивные однословные годонимы, включающие имя существительное (оним или апеллатив) в сочетании с номенклатурным термином (14 единицы, или 60,7 %, от общего числа анализируемых годонимов и 56 % от числа однословных годонимов):

а) субстантивная мемориальная генитивная модель: ул. *Артёма*, ул. *Гагарина*, ул. *Гоголя*, ул. *Горького*, ул. *Калинина*, ул. *Кирова*, ул. *Комарова*, ул. *Ленина*, ул. *Пушкина*, ул. *Чапаева*, ул. *Чкалова*, ул. *Шевченко*, ул. *Щорса*;

б) субстантивная генитивная модель: ул. *Мира*.

2. Адъективные однословные годонимы, состоящие из имени прилагательного в сочетании с номенклатурным термином (11 единиц, или 39,3 %, от общего числа анализируемых годонимов и 44 % от числа однословных годонимов):

а) адъективная модель с суффиксами *-н/-альн-*: ул. *Вокзальная*, ул. *Лесная*, ул. *Театральная*, ул. *Шахтная*, ул. *Школьная*, ул. *Центральная*;

б) адъективная модель с суффиксом *-ск-*: ул. *Октябрьская*, ул. *Первомайская*;

в) адъективная модель с приставками *за-*, *на-* и суффиксом *-н-* (с соответствующими конфиксами): ул. *Заречная*, ул. *Нагорная*;

г) первообразная адъективная модель: ул. *Зеленая*.

Проанализировать годонимикон посёлков городского типа Контарное и Московское с точки зрения реализованных в нём кодов культуры – следующая задача нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егорова, Л. В. Структурные типы годонимов Чувашской Республики / Л. В. Егорова // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 4. – С. 231–235.
2. Егорова, Л. В. Опыт сопоставительного исследования годонимиконов двух республик Поволжья (Чувашии и Марий Эл) : Дис. ... канд. филол. наук / Людмила Владимировна Егорова. – Чебоксары, 2018. – 184 с.
3. Забелин, Н. Ю. Московская городская топонимия. Структурно-семантический анализ топонимической системы : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Ю. Забелин. – М., 2007. – 23 с.
4. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
5. Супрун, В. И. Урбанонимы Элисты как лингвокультурный феномен / В. И. Супрун // In Nominum Spatio (В пространстве имён): Материалы I Международных ономастических чтений имени Е. С. Отина (Донецк, 16-18 октября 2015 г.). – Донецк : Издание Фонда «Азбука», 2016. – С. 103–113.
6. Ярошенко, Н. А. Культурные коды в урбанонимиконе Донбасса (на материале адъективных годонимов Центрально-Городского района г. Макеевки) / Н. А. Ярошенко, У. Л. Чабан // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – № 3–4. – Донецк : ДонНУ, 2018. – С. 59–66.
7. Ярошенко, Н. А. Антропоморфный код в урбанонимиконе Донбасса (на материале отапеллятивных годонимов г. Донецка) / Н. А. Ярошенко // Материалы IV Международ. научн. конф. «Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура

и вызовы современности» (г. Донецк, 31 октября 2019 г.) ; под общей ред. проф. С. В. Беспаловой. – Т. 4. Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело. – Ч. 2. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2019. – С. 128–132.

SUMMARY

Oksana Kopeyko. The structural and semantic types of godonyms of urban villages Kontarnoye and Moskovskoye of Shakhtersk administration.

The article deals with the structural and semantic classification of the urban villages Kontarnoye and Moskovskoye of Shakhtersk administration. The productivity of basic world-building types had been analyzed. The most frequency models of street names had been established.

Key words: toponym, urbanonym, godonym, street, structural type.

Котомцев Дмитрий

*Научный руководитель – к. филол. н., доц. Ильин С. А.
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени
Тараса Шевченко»,
г. Луганск, ЛНР*

ДИАЛЕКТИКА АВТОРА-ТВОРЦА И ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В РОМАНЕ В. В. НАБОКОВА «ДАР»

Тезисы посвящены актуальной проблеме набоковедения – структуре повествования романа В. Набокова «Дар». Анализируется соотношение и взаимодействие категорий «автор-творец» и «повествователь» в художественном мире романа, выявлены некоторые маски повествователя.

Ключевые слова: повествователь, автор-творец, авторская маска.

Как в христианстве Бог создал Адама по образу и подобию Своему, так и В. Набоков (автор-творец) созидает повествователя «Дара» – Фёдора Годунова-Чердынцева, но это не значит, что мы должны на основе этого заключения ассоциировать первичного автора с вторичным; такая оплошность – результат непонимания набоковской поэтики. Отождествление автора и персонажа – эстетический грех.

Ситуация в «Даре» сложна как раз потому, что кажется, будто Ф. Годунов-Чердынцев сам пишет роман без этой оговорки – на наш взгляд, это неверное мнение возникает при неправильном фокусе прочтения. С. Давыдов заканчивает свой анализ «Дара» выводом,

что герой, пройдя через все «круги романа», завершил своё творческое становление и вышел со страниц книги на её лицевую сторону – Ф. Годунов-Чердынцев из героя стал автором, самим В. Набоковым. При этом он добавляет, что «путь, пройденный Фёдором, является закономерным завершением процесса, в котором формировалось и созревало творческое сознание поэта» [2, 76]. Интерпретация «Дара» С. Давыдовым, позволившая открыть такие основополагающие моменты поэтики В. Набокова, как «тексты-матрёшки» и «лента Мёбиуса», безупречны, но позволим себе не согласиться с некоторыми её пунктами. Как показывает анализ теории автора в работах М. Бахтина [см.: 1], автор-творец, «первичный автор» не может быть скрещён со «вторичным автором», героем-повествователем, каковым в «Даре» является Ф. Годунов-Чердынцев, несмотря на теснейшую связь биографического автора со своим персонажем. В. Набоков действительно «подарил» многое из своей биографии герою, в том числе крепнущий созидаящий талант, namного превосходящий способности других героев-писателей В. Набокова («Уста к устам», «Отчаяние»), но персонаж, сколько бы он не получил от автора-творца, всё равно остаётся персонажем, пусть и наделённым большими художественными и нарративными полномочиями. Организацию романа, его архитеконику, материал, из которого было сотворено содержание, а далее – сюжет, фабула, система героев, идейно-тематическое наполнение – всё это было пропущено, а потом воссоздано творческим сознанием В. Набокова как демиурга «божественной игры». Даже тот факт, что весь роман пропитан творящим сознанием своего абстрактного автора, он, тем не менее, как указывает М. Бахтин, «вненаходим» и «облечён в молчание» [1, 33]. Поэтому переход героя-повествователя, вторичного автора, в разряд первичного автора не представляется возможным. Книга, которую будто бы пишет повествователь в книге В. Набокова, всё-таки остаётся книгой в книге и не вполне совпадает с «Даром», равно как и рассказчик не В. Набоков.

Фёдор Годунов-Чердынцев – это продукт эстетической деятельности В. Набокова, его «автопсихологический» (термин Л. Гинзбург) оттиск, который проходит своеобразное эстетическое испытание на пути творческого становления на страницах «Дар». Преодолев это испытание, создав несколько достойных с точки зрения настоящего искусства произведений – биографии отца и Н. Чернышевского, – он получает в награду осознание собственного дара, созидающего таланта, и идею будущего произведения, о котором мыслит герой:

«Разве это не линия для замечательного романа? Какая тема! Но обстроить, завесить, окружить чащей жизни – моей жизни, с моими писательскими страстями, заботами... Я это всё так

перетасую, перекручу, смешаю, разжую, отрыгну... таких своих специй добавлю, так пропитаю собой, что от автобиографии останется только пыль, – но такая пыль, конечно, из которой делается самое оранжевое небо» [4, 380-381].

Даже эту «чашу жизни» Фёдора хочется сопоставить с реальной биографией В. Набокова. Но если это сделать, то мы совершим ещё один эстетический грех. Жизнь, опыт художника, его отношение к реальной действительности – это материал, который пропускается сквозь творящее сознание автора-творца словно через призму. Сознание «тасует, перекручивает, смешивает, разжевывает, отрыгивает», и получается «пыль» – содержание, но такое содержание, что, соединив его с формой, создаётся «оранжевое небо» – мир произведения. Задумка Фёдора так и остаётся задумкой идеальной книги.

В мире, созданном автором-творцом, Ф. Годунов-Чердынцев получает особые полномочия как «глубинный» повествователь, часто облекающий себя в области текста масками то всемогущего автора, рассказчика и одновременно героя им самим воображаемых событий, то хроникёра – пристрастного и ненадёжного нарратора в главе о Н. Чернышевском.

Во второй главе «Дара» Фёдор светлыми, импрессионистическими красками рисует жизнь своего отца, надевая маски автора-творца и героя путешествия Константина Годунова-Чердынцева. «Ключом к воссозданию прошлого оказывается ключ искусства», – пишет сам В. Набоков [5, 266]. Но прошлое это зыбко; в какой-то момент «Я» Фёдора становится самым отцом, потом оно перевоплощается в участника экспедиции (*«Исследуя тибетские нагорья, я пошёл на Лоб-Нор»* [4, 211]), а затем возвращается в роль повествователя – в этом проявляется игра не только масками, но и вообще объектами воображаемого мира, потому что правдивая, «реалистичная» нить истории отца обрывается, переходя в плоскость творческой действительности. Сознание Фёдора творит реальность, используя свою память и наблюдения (ведь, как писал М. Пруст, реальность – это «определённое соотношение ощущений и воспоминаний», которые писатель навеки связывает своей фразой [цит. по: 5, 270]), но настолько вживается в роль, так пропитывается собственным воображением, что не может оставаться объективным, не может подавить выступающие чувства, поэтому, завершив «книгу об отце», он забрасывает черновики. Прошлое и ощущение невосполнимой потери, вылившись на бумагу, остаются лирическим порывом Фёдора, ознаменовав переходный этап в процессе его творческого становления.

Следующая ступень стала куда более сложной и изысканной с точки зрения формы и мастерства, но отнюдь не содержания. «Жизнь

Чернышевского» – текст в тексте в «Даре», который был написан Ф. Годуновым-Чердынцевым в духе обличающего памфлета на писателя-шестидесятника. Фёдор снова надевает маску – на этот раз «Другого» (по М. Бахтину), то есть абстрактного автора, но всё же оставаясь повествователем, если учитывать целостность «Дара». В четвёртой главе романа в изобилии представлены щепетильно выбранные подробности жизни Н. Чернышевского (вспомним сцену драки Н. Добролюбова с молодым Н. Чернышевским или «любовный треугольник», в котором тот пребывал в юности), превращающие хронику его жизни в ядовитую сатиру. Тем не менее, глава о Н. Чернышевском имеет свою эстетическую ценность в качестве обличения таких идей, как «искусство – это подражание природе», или убеждённости в революционной и социальной направленности литературы. Идеалы Фёдора (как и самого В. Набокова) не совпадали с идеалами Н. Чернышевского, поэтому были полемически направлены против него. А художественное осмысление чего бы ни было – это эффективнейший метод воздействия на сознание и реальность.

Ф. Годунов-Чердынцев не скрывал от себя, что его творение имело социальную направленность. Но мы (реальные читатели и читатели в мире «Дара») не можем доверять Фёдору. Его возвышенное, переполненное творческой силой состояние в процессе создания образа отца сменяется разящей остротой пера, готовой пронзить своего героя – Н. Чернышевского: обличительный пафос затмевает разум Фёдора, и он становится *ненадёжным нарратором*. Ненадёжный нарратор, как указывает Ю. Левин, творит историю вразрез с объективными фактами. Правдивое повествование скрыто за искусственной реальностью, которая ему необходима. Но Ф. Годунов-Чердынцев даже не пытается скрыть все дыры в повествовании, сквозь которые просвечивается истина. Так, в тексте «Жизни Чернышевского» вперемежку с реальной информацией содержатся ссылки на некоего «Страннолюбского», псевдобиографа Н. Чернышевского. Ведь истина ненадёжному нарратору не так важна; на первое место в его творческой действительности выходит её эстетическое, воздействующее начало.

Четвёртая глава также подготовила почву для финального этапа творческого становления Ф. Годунова-Чердынцева. В каком-то смысле её создание позволило ему овладеть прозой и показало эстетическую силу искусства. Написание «Жизни Чернышевского» научило Фёдора умело использовать жизненный материал, превращая его в содержание, и верно подбирать форму, чтобы обличительный пафос имел сильнейшее воздействие. Он разнообразил текст вторжением в него в качестве ненадёжного нарратора – В. Набоков показывает нам, как его герой совершенствуется и овладевает

писательской техникой, который оказался в условиях творческой игры или «творческой лаборатории» [3, 426], как именует её Ю. Левин.

Все авторские маски, в которых действует Ф. Годунов-Чердынцев в своих художественных мирах, срываются в «нейтральных» главах – в первой, третьей и пятой, где он выступает *более или менее надёжным повествователем*. Сюжет этих глав описывает жизнь Фёдора в Берлине, его бытовые проблемы, первые поэтические опыты, семью Чернышевских, эмигрантское литературное общество, переезд, знакомство с Зиной, реакцию на его творчество и приходящую мысль о создании особого романа. При этом нарративная структура этих глав искусно разбавлена чередованием категорий 1-го и 3-го лица, с помощью которых ведётся повествование и использование несобственно-прямой речи. Это ещё больше запутывает читателя и выявляет игру автора-творца даже на грамматическом уровне.

Именно разрыв между субъектом и объектом открывает новые возможности персонажа; здесь возникают условия творческой деятельности, диалога человека и мира. «Дар» заставляет Фёдора со всей остротой переживать свою ограниченность и несвободу; из этого переживания он вырабатывает волю выйти за пределы своего бытия, пересечь заданные границы. И именно в тот момент, когда творческое становление Ф. Годунова-Чердынцева завершено, когда его воля проявляется во всей силе, автор-творец награждает его за истинный талант возможностью встать на границу текста, заглянуть за край мира, созданный настоящим художником. В этом смысле важны последние строки «Дара»: *«И для ума внимательного нет границы – там, где поставил точку я: продленный призрак бытия синее за чертой страницы, как завтрашние облака, – и не кончается строка»* [4, 409].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986. – С. 9-191, 404-412.
2. Давыдов, С. С. Тексты-матрешки Владимира Набокова / С. С. Давыдов. – СПб. : Кирцидели, 2012. – 164 с.
3. Левин, Ю. И. О «Даре» / Избранные труды // Ю. И. Левин. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 822 с.
4. Набоков, В. Дар: роман / Владимир Набоков. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 416 с.
5. Набоков, В. В. Лекции по зарубежной литературе ; ред. С. А. Антонов / В. В. Набоков. – М. : Азбука, 2014. – 512 с.

SUMMARY

Dmitry Kotomtsev. The dialectic of the author-creator and narrator in the novel by V. Nabokov «Gift».

The theses are devoted to the urgent problem of study of sciences – the structure of the narrative of the novel «Gift» by V. Nabokov. The author analyzes the correlation and interaction of the categories «author-creator» and «narrator» in the art world of the novel, reveals some masks of the narrator.

Key words: narrator, author-creator, author's mask.

Лукашенко Анастасия

*Научный руководитель – к. филол. н., доц. Леишкова Н. В.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

СИСТЕМА УРБАНОНИМОВ Г. ГОРЛОВКИ: ТИПОЛОГИЯ РЕФЕРЕНТНЫХ ТИПОВ ГОРОДСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ

Работа посвящена рассмотрению референтных типов неофициальных урбанонимов города Горловки в его современном состоянии. В работе раскрыты содержания терминов «урбаноним», «урбанонимикон», описаны особенности неофициальных урбанонимов в пределах современной Горловки.

Ключевые слова: урбаноним, урбанизация, урбанонимикон, неофициальный урбанонимикон.

Наш город имеет большой набор наименований своих улиц, площадей, водных объектов и отдельно стоящих домов, своеобразны и интересны названия отдельных районов, жилых массивов Горловки, в которых отражена история и мировосприятие, «ментальность» города.

Урбанонимы Горловки отражают материальную и духовную сферу городской культуры, указывая на особенности трудовой деятельности и результаты труда, а с другой стороны – на накопленный интеллектуальный и духовный опыт.

Цель предлагаемой работы состоит в описании референтных типов урбанонимов г. Горловки. Урбанонимом называют «собственное имя любого внутригородского топографического объекта, в том числе агороним, годоним, хороним городской, экклезионим, ойкодомоним» [2, 19]. Термин «урбанонимия» используется нами для обозначения совокупности урбанонимов одного населённого пункта, в нашем случае – г. Горловки.

Исходя из целей, нами решаются следующие **задачи**:

1. Уточнить содержание терминов «урбанонимия», «урбаноним», «неофициальная урбанонимия»;

2. Проанализировать референтные типы неофициальных урбанонимов города Горловки.

Для названий внутригородских линейных и площадных объектов существуют два термина – урбанонимы и микротопонимы. Подобного рода они могут быть официальными, когда они фиксируются в соответствии с решением городских властей [1, 16], а могут быть неофициальными – возникшими в городской речевой стихии.

В современных работах по топонимике употребляются различные термины для обозначения тех или иных внутригородских объектов. Поскольку в городах ежедневно что-то строится и перестраивается, они находятся в состоянии постоянного и непрерывного движения. Изменения эти касаются в первую очередь внутригородских объектов, особенно их названий, оказывая лишь косвенное влияние на характер и состав города в целом [5, 23].

Официальная урбанонимия закреплена в градостроительных кадастрах, неофициальная же реализуется в речи носителей языка либо как система альтернативных народных наименований городских объектов (например, *Калиновка* – офиц. *Калининский район*), либо как народное наименование какого-либо внутригородского объекта, не имеющее официальной альтернативы (например, *Париж* – часть м-на «*Солнечный*»). Для неофициальных городских номинаций характерна общеупотребительность, стилистическая окрашенность и экспрессивность [6, 6].

Неофициальная урбанонимия – это плод неформального речетворчества городского социума, деятельность которого основана на уникальном городском культурном, политическом, историческом самосознании и самоосознании.

Лингвисты выделяют целый ряд так называемых референтных типов урбанонимов, различающихся по тому, какой географический объект они именуют.

Рассмотрим обнаруженные нами виды неофициальных урбанонимов города Горловка.

1. Годонимы, то есть названия линейных городских объектов – проспектов, улиц, линий, переулков, проездов, бульваров: *Макарова* (офиц. *Макаренко*), *Пересыпкина* (*Маршала Пересыпкина*), *Жукова* (*Маршала Жукова*), *Лазо* (*Сергея Лазо*), *Мазиковых* (*Братьев Мазиковых*), *Карбышева* (*Генерала Карбышева*), *Беспощадного* (*Павла Беспощадного*), *Матроса* (*Матроса Кошки*), *Жукова* (*Маршала Жукова*), *Минина* (*Минина и Пожарского*), *Диденка* (*Чёрного-Диденка*), *Остапенка* (*Остапенко*).

2. Гидронимы – названия водных объектов (рек, озёр, прудов), например: *Короленковские ставки*, *Карьер*, *Вонючка*, *Электрокольцо*, *Гребля*, *Бахмутка*, *Горловское море*, *Дубки*.

3. Оронимы – собственное название любого объекта рельефа земной поверхности (гора, горный хребет, холм, долина, овраг, впадина, ущелье, котлован), то есть любого орографического объекта: *Широкая балка, Горка, Гольмовский бугор, Терриконная, Железная балка.*

4. Хоронимы – названия части территории города (района, квартала, парка и т.д.): *5-й квартал, 88 квартал, 245 квартал, Париж, Светлана, Глубокая, Садовод, Семидорожки, Финский, Холодильник, Чародейка.*

5. Ойконимы – названия населённых пунктов в городских пределах: *Жованка, Николаевка, 3-е отделение, Никитовка.*

6. Агоронимы – названия площадей, рынков и т.д.: *Площадь КСКЦ, Машизавод, Кировский рынок, Никитовский рынок, рынок Александрия, Сквер.*

7. Дромонимы – названия путей сообщения, например *Северная проходная, Гольмовский поворот, Треугольная.*

8. Ойкодоним – это названия отдельных зданий. Ойкодоним как урбаноним предполагает наличие у здания такого основного свойства, как топографичность – четкая фиксация на поверхности земли и возможность использования в качестве адресного объекта включение в адресные базы [3, 47], например *Мелодия, ДОМБЕ, Аргентинские дома, Искра, Экспериментальный дом, Кукольный театр, Шахтер, Исторический музей, Музей космонавтики, Музей миниатюрной книги, Художественный музей.*

9. Экклезионимы – названия храмов, церквей, монастырей принято называть термином экклезионим [1, 19], например *Собор, Храм, Зайцевская церковь.*

Неофициальная урбанонимия города является маркером лингвокультурной значимости объектов, имеющих альтернативное наименование, поскольку выбор объектов для неофициальной номинации обусловлен именно особой их важностью для носителей языка в данном населённом пункте. Приведённая типология неофициальных урбанонимов по референтному типу обозначенного объекта является базой для дальнейшего описания городских наименований в лингвокультурном, ономазиологическом, деривационном и других аспектах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбаневский, М. В. Методические указания по изучению русской ономастики / М. В. Горбаневский. – М. : Изд-во УДН, 1984. – 47 с.
2. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. / Н. В. Подольская. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – М. : Наука, 1988. – 192 с.

3. Подольская, Н. В. Типовые славянские топоосновы. / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1983. – 160 с.
4. Подберезкина, Л. З. Лингвистическое градоведение (о перспективах исследования языкового облика Красноярска) / Л. З. Подберезкина // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: науч. метод. бюллетень. – Красноярск, Ачинск, 1998. – С. 203–216.
5. Фурер, В. Новая Горловка. Материалы Центрального Государственного исторического архива СССР в Ленинграде / В. Фурер. – М., 1935. – 307 с.
6. Шмелёва, Т. В. Топонимический ландшафт города и ономастическое сознание граждан / Т. В. Шмелев // Язык и традиционная культура Русского Северо – Запада : сб. ст. памяти Л. Я. Петровой. – Великий Новгород, 2010. – 280 с.

SUMMARY

Anastasia Lukashenko. The system of urbanonyms in Gorlovka: typology of reference types of urban names.

The work is devoted to the review of reference types of unofficial urbanonyms of the city of Gorlovka in its current state. The work reveals the contents of the terms «urbanonym», «urbanonymicon», describes the features of unofficial urbanonyms within modern Gorlovka.

Key words: urbanimonimy, urbanimiya, urbanoneimikon, toponymy, microtoponymy.

Маковецкая Дарья

*Научный руководитель – д. филол. н., проф. Федоров В. В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР*

СКАЗ КАК ЖАНР НАРОДНОЙ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЫ

В данной статье рассматриваются особенности сказа как жанра народной несказочной прозы, особое внимание уделяется различным толкованиям понятия «сказ» в лингвистике, литературоведении и фольклористике. Также в работе указаны типологические черты данного жанра и то, как жанр народной несказочной прозы был использован в литературе XX в.

Ключевые слова: жанр, несказочная проза, сказ, фольклор.

Сказ как разновидность произведений несказочной народной прозы зародился в начале XIX в. вместе с промышленностью. Проследить историю развития сказа довольно трудно, так как он активно развивался не во всех регионах, а регионы, в которых промышленность существовала, не граничили друг с другом.

В отечественной науке сформировались три основных подхода к понятию «сказ»: лингвистическое, литературоведческое и фольклористическое. Лингвисты (В. В. Виноградов, В. А. Михнюкевич и др.) понимали сказ как прием, при помощи которого писатель придает своему повествованию эффект живой разговорной речи. Литературоведы (М. М. Бахтин, Т. Н. Грановский и др.) толковали сказ не как эффект живой речи, а как своеобразную форму повествования. Важны здесь не сами приемы, которые указывают на устность, а эффект «текучести» речи, который создает впечатление, что рассказчик находится непосредственно перед нами.

Фольклористы (В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов и др.) считают, что сказ – это установка на «чужую», не авторскую речевую манеру, а отсюда, как следствие, – на устность речи. Такая форма передачи языка способствует введению в текст чужой точки зрения, чужого видения мира, что являлось необходимым для автора. Сказ разделял личность автора и личность рассказчика. Рассказчиком становится человек нелитературный, другого социального положения, нежели автор.

Подпонятием «сказ» мы понимаем произведение устного народного творчества, которое сложилось в промышленном обществе примерно в XIX в. и имеет следующие типологические черты.

1. Установка на живую разговорную речь. Изначально сказывали бытовали в устной форме и нигде не фиксировались. Рабочие рассказывали о событиях из своей жизни, основываясь на чувствах и впечатлениях. В. В. Виноградов отмечал, что сказ не имеет специфических форм устной речи [3]. Таким образом, элементы живого разговорного языка невольно проникают в сказ по мере повествования.

2. Монологичность речи. Монолог – наиболее удобная форма для создания эффекта живой разговорной речи. Так, рассказчик может использовать вводные слова и конструкции, отступать от темы, давать личный комментарий и оценкисобытиям, обращаться к слушателям и использовать другие приемы, характерные дляживой речи.

3. Владение рассказчиком ораторским искусством. Для устного повествования сказителю необходимо уметь ясно формулировать свои мысли и четко выражать их. Рассказчик должен не только рассказывать, но и контролировать аудиторию и ее настроение, чтобы не разрушить заинтересованность слушателя.

4. Вступление. Вступление присутствует почти во всех текстах. Таким образом рассказчик погружает нас в пространство текста и знакомит с персонажем: «Жил в нашем заводе парень Илья» [2, 118].

5. Присутствие духов и потусторонних сил. Часто в сказах фигурируют образы духов, хозяев шахт и рудников. Они не

являются сказочными персонажами. В. Я. Пропп отмечает, что, пребывая в непривычной для человека среде, он начинает многое переосмысливать и путем переноса нового на старое могут создаваться целые сюжеты [7].

6. Установка на истинность. Б. Н. Путилов отмечал, что бытовые явления приобретают интерес для фольклора, когда они оказываются в противоречии с движением жизни и сознания коллектива [8]. Следовательно, в сказах отсутствует элемент выдуманного, а говорится лишь о том, что нарушило привычный уклад жизни народа.

7. Рассказ от первого лица. Рассказчик не всегда рассказывает о событиях, произошедших с ним самим. Он может говорить о своем друге, знакомом или незнакомом человеке, но авторское я всегда присутствует. Сказитель, в силу своей манеры повествования и устности речи, зачастую прибегает к личностному мнению и комментарию, таким образом акцентируя внимание читателя на определенном моменте и проводя параллель с личным опытом.

8. Специфическая региональная и профессиональная лексика. В сказах Донбасса часто встречаются слова из шахтерской профессиональной лексики: *забой, вагонетка, порожняк, порода, уголь, обушок, штейгер* и др. В сказах Урала встречаются слова: *каменья, малахит, загнеточка, пимишки* и т.д.

9. Соответствие своему времени. С. П. Антонов говорил, что сказ послушен своему времени. Сказы «создавались» примерно в XIX в., когда добыча полезных ископаемых только начиналась, использовался только ручной труд.

Остановимся на разграничении жанров народной несказочной прозы. Сказ часто приравнивают к преданиям и легендам, соотносят его со сказками. В преданиях всегда заключена народная оценка истории, ее деятелей. При этом реальные сведения могут сочетаться с вымышленными представлениями, которые усиливают, заостряют народное понимание былого. По мнению ученого XIX в. Т. Н. Грановского, предания занимают середину между историей и поэзией [4]. Содержанием их служит всегда действительная быль, но рассказ, переходивший от поколения к поколению, из века в век, часто носит на себе печать выдумки. Предание не заботится о достоверности, в нем высказывается отношение к происходящему и народная оценка. Легенды, как и предания, имеют свой определенный круг тем, сюжетов и героев. Своеобразие этого жанра заключается в том, что события и действующие лица вымышлены, фантастичны. По мнению В. Я. Проппа, легенда имеет церковное происхождение и означает то, что подлежит чтению [7]. В легендах неотъемлемой частью является вымысел, что сказ принципиально отвергает. Разная у них и сфера бытования. В сказах говорится о простых рабочих,

которые прославились в народе своими делами, внесли свой вклад в народный труд или столкнулись с чем-то необъяснимым.

По словам В. Я. Проппа, сказы нередко называют быличками, но былички отражают представление о народной демонологии, мифических существах, людях, наделенных сверхспособностями. В сказах действительно фигурируют демонологические образы духов: Шубин, Малахитница, Скарбник, Горный Монах, но рассказчик верит в их существование. Более того, сам сказ посвящен встрече или контакту с таким персонажем, что сближает сказ с быличкой. Нанести вред «сказовые» духи могут только в том случае, если человек будет дерзить им, не будет выполнять свою работу или будет неуважительно относиться к рабочим. Демонологические персонажи быличек (лешие, русалки, черти, колдуны) по своей природе являются негативными персонажами, они считаются нечистой силой, которую люди боятся и стараются от нее отгородиться.

Сказ, в отличие от сказки, широкого хождения в народе не получает, он «привязан» к той территории, на которой он был сложен. Сказка всегда дает установку на элемент фантастического, волшебного, а сказы всегда правдивы, они «повествуют» нам лишь о непривычных событиях для человека. Если сравнить сюжет сказового и сказочного произведения, например, появление Полоза, то мы заметим, что в сказе есть определенные предпосылки его появления: *«...костер-то потух, а на полянке светло стало. Только свет не такой, как от солнышка, а какой-то другой, и холодом потянуло <...>. Вода в Рябиновке опять зашумела, и костерок оттаял и загорелся, только трава будто все еще озябла, как иней ее прихватил»* [2]. В сказке змей появляется извне, без каких-либо намеков на его появление, т.е. сказочный змей появляется из другого мира, и в таких случаях это запредельное пространство дается как неясное, лежащее за пределами горизонта героя. Разнится и язык. В сказах язык живой, разговорный (с присущими для него вставными конструкциями, междометиями, профессионализмами). Сказка же не имеет этих черт, язык сказки содержит в себе разговорные черты, но они лишь акцентируют народность сказки, а не являются типологическим признаком данного жанра.

Обобщая все вышесказанное, подведем итог. Сказ – это произведение устного народного творчества, которое сложилось в рабочей среде, повествует о достоверных фактах своего времени и строится в форме монолога с присущими ему чертами просторечия и языковой среды, в которой он зародился, но широко в народе хождения не получил.

Мы, разделяя точку зрения В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова, будем понимать под жанром совокупность исторически сложившихся произведений, объединенных поэтикой, бытовым назначением и

формами исполнения [7, 8]. Сказы имеют все эти составляющие, следовательно, их можно выделить в отдельный жанр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Józef Ondrusz. O Pusteckim [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.isibrno.cz/~malczyk/pusteki.htm>
2. Бажов, П. П. Малахитовая шкатулка. Сказы / П. П. Бажов. – Ростов-на-Дону : Издательский дом «Проф-Пресс», 2005. – 144 с.
3. Виноградов, В. В. Проблема сказа в стилистике / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1980. – 380 с.
4. Грановский, Т. Н. Лекции по истории позднего средневековья / Т. Н. Грановский. – М. : НаукаФормат, 1971. – 338 с.
5. Добрый Шубин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sord.at.ua/publ/2>
6. Крупянская, В. Ю., Сидельников, В. М. Народное творчество / В. Ю. Крупянская, В. М. Сидельников. – 1938. – 150 с.
7. Пропп, В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи / В. Я. Пропп. – Москва : Наука, 1976. – 323 с.
8. Путилов, Б. Н. Фольклор и народная культура / Б. Н. Путилов. – СПб., 1997. – 237 с.
9. Соболева, П. М. Фольклор фабрично-заводских рабочих / П. М. Соболева. – Смоленск : Издательство ЗОНИ, 1934.
10. Тимофеев, П. Т. Пісенний фольклор робітничого середовища Донбасу (на матеріалі записів 20-х рр. ХХ ст.) / П. Т. Тимофеев. – Донецьк : Юго-Восток, 1997. – 181 с.

SUMMARY

Daria Makovetskaya. Skaz as a genre of folk non-fabric prose.

This article discusses the peculiarities of the tale as a genre of folk fairy-tale prose, we place emphasis on how linguists, literary scholars and folklorists interpreted the concept of «tale», and identify typological features of this genre. We consider how the genre of folk fairy-tale prose took root in the literature of the 20th century.

Key words: genre, fairy-tale prose, tale.

Мацай Елена

*Научный руководитель – к. филол. н., доц. Лешкова Н. В.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ УРБАНОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ Г. ДОНЕЦКА

Проблема изучения взаимодействия языковых и культурных процессов – это одна из первоочередных задач современного языкознания, которая имеет важное теоретическое и практическое значение. Данное исследование посвящено изучению урбанонимии Донбасса, её лингвокультурологического аспекта.

Ключевые слова: урбаноним, урбанонимия, топонимия, лингвокультурология.

Целью нашего исследования является определение исторических условий формирования урбанонимии Донбасса. Поставленная цель определила необходимость решения следующих задач: определить понятия «урбаноним» и «урбанонимия», установить отличительные черты урбанонимов, проследить особенности именования донецких городских объектов в разные эпохи, рассмотреть проблему переименования внутригородских объектов.

По определению Н. В. Подольской, «урбаноним (от лат. «urbanus» «городской»+оним) – вид топонима. Собственное имя любого внутригородского топографического объекта, в т.ч. агороним, годоним, хороним городской, экклезионим, ойкодомоним» [5, 66]. Следовательно, «урбанонимия» – это совокупность урбанонимов.

А. М. Мезенко понимает под урбанонимией «совокупность всех названий внутригородских объектов, как ныне существующих, так и использовавшихся в предшествующие эпохи. Это названия линейных (улиц переулков, проспектов, проездов, тупиков, линий и т.п.), территориальных (площадей, скверов, парков, рынков, районов, прудов и т.п.) и масштабных объектов (церквей, костелов, монастырей, кинотеатров, гостиниц, кафе, памятников и т.п.) [3, 45]. А. В. Суперанская также называет всю совокупность названий улиц, площадей, зданий и иных внутригородских объектов «урбанонимиями» [7, 75].

Особенность урбанонимии заключается в специфическом наборе черт, часть из которых является общей для всех топонимов. К специфическим чертам урбанонимов относятся:

- 1) высокая степень сменяемости,
- 2) в основном низкая степень известности,
- 3) слабая связь с диалектом,

- 4) преимущественная одноязычность,
- 5) семантическая мотивированность большинства урбанонимов,
- 6) преобладание искусственной номинации над естественной,
- 7) письменная закреплённость.

Формирование и развитие урбанонимической системы г. Донецка происходило в течение ряда исторических периодов: дореволюционного (до 1917 г.), советского (1917-1985 гг.) и постперестроечного/современного (1985-2011 гг.).

Город Донецк – это миллионный город, занимающий площадь около 400 кв. км и имеющий довольно сложные очертания с весьма различными по плотности застройки районами. В нем около 2500 бульваров, проспектов, улиц и переулков различной значимости.

Хаотичность в столь большом перечне улиц заключается в том, что их наименования почти не привязаны к городским архитектурно-планировочным и историческим ориентирам. Ярким примером этого служат так называемые «улицы-двойники», то есть улицы с одинаковыми названиями: улица *Александра Жаркова*, переулок *Александра Жаркова*; переулок *Аварийный 1-ый*, переулок *Аварийный 2-ой* и т.д. Кроме «двойников» в городе много своего рода «улиц-близнецов», то есть очень похожих по наименованию. К ним можно отнести *Артема* и *Артемовскую*, *Иванова* и *Ивановскую*, *Киселева* и *Киселевскую*, *Коммунаров* и *Коммунарскую*, проспекты *Ленина* и *Ленинский* и т.д.

Динамика формирования урбанонимии Донбасса тесно связана со сменой общественно-экономической и политической ситуации в стране. Всё это влияет на языковое оформление урбанонимического пространства региона.

Развитие лексико-семантического типа урбанонимов, мотивированных антропонимами, началось в течение дореволюционного периода истории. Для этого времени характерно преобладание названий со значением принадлежности (*Лютерова улица*), в то время как названия со значением посвящения (*Пушкинская улица*) были немногочисленны. Эта особенность дореволюционной урбанонимии обусловила преобладание городских названий в честь земляков [4, 31].

С началом советского этапа развития системы внутригородских названий начали появляться урбанонимы, не имеющие устойчивой связи с называемым объектом, а иногда отражающие идеологические предпочтения общества (улица *Циммервальда*).

В 1920–1930-е годы в системах внутригородских названий преобладали названия в честь исторических личностей, военных, учёных, политиков, литераторов (улица *1-ая Пржевальского*, *Вавилова*, *Богдана Хмельницкого*, *Водопьянова*, *Александра Невского*, *Бестужева*) [6, 53].

В 1940–1990-е годы происходит сокращение числа используемых профессиональных групп, в результате которого основными становятся группы названий в честь военных и космонавтов (улица *Александра Матросова*, улица *Павла Поповича*) [6, 54].

В постсоветский период отмечаются единичные случаи возникновения (возвращения) урбанонимов, мотивированных экклезионимами: *Малая Иверская улица*, *Софийская улица* [3, 44].

Названия, мотивированные эргонимами, являются непродуктивным типом внутригородских названий. Подобные урбанонимы возникали в 1920–1950-е годы, например завод имени «*Парижской Коммуны*» – улица *Парижской Коммуны*.

Урбанонимы, мотивированные другими урбанонимами, возникали в основном в больших системах урбанонимов и появлялись в те годы, когда был ослаблен административный контроль над присвоением названий (1940-е гг.) и происходило активное освоение прилегающих к городу территорий (шахта *Лидиевская* – *Лидиевка*, улица *Раздольная* – микрорайон *Раздольный*).

В течение рассматриваемого периода активно создавались урбанонимы, отражающие особенности объекта в связи с хозяйственной деятельностью человека:

- 1) названия, отражающие расположение объектов транспорта (улица *Трамвайная*);
- 2) названия, отражающие расположение предприятий, учреждений (улица *Школьная*, улица *Университетская*).

Появились урбанонимы, названия, которых были связаны с политическими процессами, происходившими в общественной жизни страны, и отражали идеологическое предпочтение общества на данном этапе его развития (улица *Магазинная* была переименована в *Кооперативную*).

Можно предположить, что в ближайшее время системы урбанонимов будут развиваться по пути переименований, возвращения старых, идеологически нейтральных названий или создания новых, эстетически приемлемых.

Урбанонимы занимают особое место в лингвокультурном пространстве города Донецка. Урбаноним в большинстве случаев представляется как текст, который использует языковые и визуальные средства выразительности.

Итак, урбанонимию можно назвать динамичным явлением, которое нужно зафиксировать, а затем исследовать. Важной особенностью городских названий является способность называть культурные, социальные, экономические и прочие характерные черты эпохи.

В результате дальнейших исследований вполне предполагаемое создание урбанонимных карт и справочников Донецка, которые по определению способны выразить особенности формирования лингвокультуры Донбасса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика: Учебное пособие для студентов педагогических институтов [Текст] / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 250 с.
2. Горбаневский, М. В. Методические указания по изучению русской ономастики [Текст] / М. В. Горбаневский. – М. : Издательство УДН, 1984. – 47 с.
3. Иванова, Т. А. К вопросу о переименовании и наименовании населенных пунктов [Текст] / Т. А. Иванова // Русская топонимия и географическая терминология. – Свердловск, 1977. – С. 19–60.
4. Мельникова, Т. Н. Развитие топонимии в свете теории языковой эволюции [Текст] / Т. Н. Мельникова // Лингвистические исследования: эволюция и функционирование языка. – Екатеринбург, 1994. – С. 83–90.
5. Подольская, Н. В. Урбанонимия центральных областей РСФСР [Текст] / Н. В. Подольская // Вопросы географии. – № 94. – М., 1974. – С. 123–124.
6. Серебренников, Б. А. О методах изучения топонимических названий [Текст] / Б. А. Серебренников // Вопросы языкознания. – 1959. – № 6. – С. 36–50.
7. Суперанская, А. В. Наименования и переименования в городах [Текст] / А. В. Суперанская // Изучение географических названий. – М. : Мысль, 1966. – С. 86–96.

SUMMARY

Elena Matsay. Features of formation urbanomics system of Donetsk.

The article highlights the problem specification of such notions as «urbanonym» and «urbanonymy», different characteristics of «urbanonyms», specific aspects of renaming of intraurban objects.

In this survey the linguocultural analysis of urbanonymic system of the city is done with the aim to define principles and specific aspects of its establishing and functioning.

Key words: urbanonym, urbanonymy, toponymy, linguoculturology.

Менякина Алина

Научный руководитель – к. филол. н., доц. Ярошенко Н. А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПИЩЕВОГО И АНТРОПОМОРФНОГО КОДОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ А. ПРОХАНОВА «СЛОВО К НАРОДУ»)

Статья посвящена анализу функционирования пищевой метафоры в политическом дискурсе. На материале книги А. Проханова «Слово к народу» определяются особенности взаимодействия пищевого и антропоморфного кодов. Систематизация и анализ фактического материала осуществляются с помощью фрейм-словотой структуры.

Ключевые слова: метафора, пищевая метафора, код культуры, пищевой код, антропоморфный код, фрейм, слот, политический дискурс.

Одним из актуальных направлений современной семантики и лингвокультурологии является исследование базовых кодов культуры, в том числе и в их взаимодействии. В числе прочего это обусловлено антропоцентрическим подходом, характерным для лингвистики конца XX – начала XXI века.

Как отмечает Е. М. Маркова, «культурные коды потому и называются так, что они “кодируют” наши представления о мире, выражают их с помощью тех или иных, уже имеющих номинации, образов» [2, 153]. Это позволяет отображать представления о мире, реализуемые через модели одного культурного кода, через соотнесение с представлениями о субъектах и объектах, свойствах и состояниях, действиях и процессах, воплощёнными в другом культурном коде. Таким образом, метафорические культурные коды находятся в тесном взаимодействии друг с другом. При этом к числу базовых кодов культуры относится пищевой код.

Цель предлагаемой статьи заключается в том, чтобы на примере текста книги «Слово к народу» [4] установить особенности взаимодействия пищевой и антропоморфной метафоры в творчестве А. Проханова.

Объектом исследования являются контексты из книги А. Проханова «Слово к народу» [4], содержащие в своём составе пищевые и антропоморфные метафорические конструкции. В то время как **предмет исследования** составляют структурно-семантические и функциональные особенности метафорических

моделей указанного типа в их взаимодействии в контекстах книги «Слово к народу». Нами были проанализированы тексты 33 политических статей еженедельных газет «День» и «Завтра», опубликованных в названной книге А. Проханова.

В работе следом за Е. А. Юриной и А. В. Балдовой под пищевой метафорой понимаем “ментальную схему, по которой осуществляется концептуализация познаваемых явлений из различных сфер внеязыковой действительности по аналогии с явлениями сферы «Еда/Пища»” [6, 99]. В связи с тем, что еда занимает важное место в жизни человека, становится возможным провести параллель между процессами, протекающими в так называемом пищевом мире, и другими сферами жизни человека, «в результате чего создаются образные представления о различных сферах жизнедеятельности человека: физиологической, нравственной, социальной, ментально-речевой, эмоционально-психологической» [3, 194]. Таким образом, разнообразные сферы жизни человека переосмысливаются через концептуальную сферу «Еда/Пища».

Как понятно, пищевой код находится в тесном взаимодействии с антропоморфным кодом, сферой-источником которого является «Человек» со всей совокупностью его параметров: личность, внешность, характер, жизнедеятельность организма, эмоции, мышление, способности, деятельность, межличностные отношения.

Систематизация и анализ фактического материала дают возможность выделить следующие типы метафорического взаимодействия гастрономического и антропоморфного кодов, которые упорядочены при помощи фрейм-слотовой структуры.

1. Фрейм «Человек».

По мнению Е. В. Капелюшкина, «лексические единицы фиксируют впечатления от восприятия внешности человека на основе уподобления физическим характеристикам предметов и процессов, составляющих концептуальную сферу «Еда». Образные номинации запечатлевают наиболее характерные особенности внешности; способствуют выражению оценки эстетической привлекательности или непривлекательности облика человека; передают эмоциональное впечатление, полученное от созерцания внешности» [1, 11].

1.1. Слот «Части тела или органы». Например: «В холодильнике с твердыми глазами замороженного осетра лежит президент» («Командир спецназа и детская смертность». Январь 1997 г., с. 182); «Его глаза – изумрудная слизь» («А на груди его светилась медаль за город Гудермес». Май 1995 г., с. 133); «Они срослись желудками, пищеводами и представительными железами – драконы Гусинского и Березовского» («За русский народ! За родину! За победу!». Август 1999 г., с. 382) и др.

Семантика слова *пасть* отсылает к животному началу, характеризуя политиков как зверей: «**Чавкал пастью, хлопал костяными веками, выпускал клубы дыма**» («Лужков пролетел на серебряном «Су»). Сентябрь 1997 г., с. 235).

1.2. Слот «Физическая деятельность». Глаголы и существительные, обозначающие процесс поглощения пищи, в политическом дискурсе обладают ярко выраженной негативной окраской, что характеризует политических деятелей и их действия с негативной стороны. Например: «**Вторая волна – в 92-м и 93-м, когда «красные директора» и «чекисты», чуть помедлив, растоптали «иллюзии» и жадно сожрали народное добро**» («Четвёртая русская революция – впереди». Ноябрь 1997 г., с. 245); «**Окружил себя нагой, болливой, вороватой челядью, которая чмокает, жуёт, набивает защечные мешки, банковские сейфы**» («Ельцин как ночная туфля Петра Первого». Март 1997 г., с. 195); «**...целые губернии тихо вымирают под чавканье жирующих мерзавцев...**» («А ты готов постоять за Россию?». Октябрь 1992 г., с. 32) и др.

В следующем примере автор использует приём нанизывания глаголов поглощения пищи для создания образа жадных политиков, что также подкрепляется семантикой одиночного деепричастия *не пережевывая*: «**Политики в Думе, в Совбезе, в Доме правительства хватают вставными зубами ломти власти и, не пережевывая, жадно глотают. Давятся, икают, и их выпученные глаза и жующие рты подернуты дымом горящих двигателей**» («Русский интеллигент в час солнечного затмения». Январь 1998 г., с. 260).

Принятие пищи метафорически переосмысливается как испытание негативного опыта: «**Народы СНГ, которые недавно были народами СССР, хлебнули суверенитетов!**» («Сначала – Ипатьевский дом, а потом – всю Россию...»). Октябрь 1993 г., с. 63).

1.3. Слот «Чувства и эмоции». В анализируемых контекстах чаще всего можно встретить такие эмоции, как гнев, ненависть, злость, которые передаются существительными, глаголами и глагольными формами соответствующей семантики: «**...теперь она кипит последним, затухающим гневом**» («Россия без армии, с царем чеченцем». Июнь 1997 г., с. 214); «**Гурнов, этот постоянно кипящий пузырек яда ...**» («22 июня, ровно в 4 часа...»). Июнь 1993 г., с. 52); «**Как смола, как густой раскаленный вар, закипает народная ненависть. Клокочет в забоях, откуда несутся голодные рыки и угрозы правительству. Бурлит в университетах и школах, где учителя на досках пишут проклятья режиму. Взбухает по деревням и поселкам, где разоренные крестьяне угрюмо поглядывают на вилы и топоры**» («Лимит на русскую революцию не исчерпан». Февраль 1997 г., с. 187) и др.

1.4. Слот «Черты характера и нравственные качества». Как отмечают Е. А. Юрина и А. В. Балдова, «образная концептуализация представлений о негативных чертах характера человека основана на аналогии с чрезмерно сладким вкусом, что оценивается неодобительно» [5, 102]. Например: «*Сиропно-ванилиновый Молчанов шастал с телекамерой по разгромленным кабинетам...*» («Завтра» – рубеж сопротивления). Сентябрь 1994 г., с. 71); «*И мы, я уверен, доживем до дня, когда наконец перестанет улыбаться этот паточный маршал...*» («А на груди его светилась медаль за город Гудермес». Май 1995 г., с. 123) и др.

Через метафорическое уподобление продуктам питания, которые имеют жидкую консистенцию, автором передаются представления о безынициативном и слабовольном человеке (ср. [1, 13]). Например: «*И в конце концов в эту черномырдинскую эру Травкин как бы свернулся в простоквашу, перестал быть политической личностью, политически заснул и вряд ли проснется*» («Объединиться во имя будущего (Диалог Александра Проханова и Сергея Глазьева)». Октябрь 1995 г., с. 815).

1.5. Слот «Физиологические чувства». Как известно, пищу, продукты питания мы воспринимаем через вкус, запах, визуальный облик, температурные, тактильные и визуальные ощущения, с поглощением пищи или же с невозможностью этого жизненно необходимого процесса связаны такие противоположные чувства и состояния человека, как аппетит – голод, удовольствие – раздражение, сытость – недоедание и др. По справедливому утверждению Е. А. Юриной, «это делает кулинарную метафору предельно психологически релевантной при описании самых разнообразных феноменов из области материальной, психической, ментальной и абстрактно-категориальной сфер действительности» [5, 211].

Например: «...чтобы содействовать укреплению советской власти, превращению ее в подлинно народную, а не в кормушку для алчущих нуворишей, готовых распродать все и вся ради своих **ненасытных аппетитов**» («Письма и воззвания, в составлении которых принял участие и которые подписал А. А. Проханов». Июль 1995 г., с. 867). При этом народные представления о социальном положении человека, уровне его жизни, выражающиеся в оппозициях «сытость – голод», «изобилие – нужда», «бедность – богатство», напрямую связаны с изобилием пищи (ср. [1, 14]). Например: «**Сытые, откормленные правительством профсоюзы с их кабанчиком-лидером**» («Бутон революции, цветок катастрофы». Июнь 1998 г., с. 284).

1.6. Слот «Валеологическая оценка». Данная оценка выстраивается по шкале «здоровый+/ нездоровый–» и характеризует

состояние человека, его самочувствие. Например: «*Смотрит глазами тухлой камбалы с пустых магазинных прилавков*» («От Черномырдина страну воротит». Сентябрь 1998 г., с. 302); «*Падалю пахнет в Москве, и на этот сладковатый трупный запах истлевающей власти выходят из тьмы гиены*» («Лужков бьет лежащего Ельцина». Январь 1999 г., с. 339) и др.

1.7. Слот «Интеллектуальные способности». Для образной номинации особенностей и результатов (продуктов) интеллектуальной деятельности человека используются такие метафоры, как *стряпня, крошка, шелуха* и под. Так, например, через образ солянки как блюда, приготовленного из многочисленных разнообразных смешанных между собой ингредиентов, формируется представление о чём-либо искусственно соединенном, недостаточно продуманном: «*ФНС был сборной командой, «сборной солянкой».*» («Октябрь был моим главным поступком (Диалог Александра Проханова и Ильи Константинова)». Сентябрь 1994 г., с. 713).

2. Фрейм «Человек и его взаимодействие с социумом».

2.1. Слот «Утилитарная оценка». В рамках этого слота осуществляется оценка продуктов питания и по аналогии образно обозначенных социальных явлений по шкале «выгодно+/невыгодно–». Как известно, в системе обыденных представлений достаток человека, богатство в числе прочего символизируют поглощаемые им калорийные, питательные продукты. Например: «*...сионисты, борцы с «экстремизмом» и «русским фашизмом», шевеля мокрыми от **вкусного жира** и подлых слов губами, грозят Макашову тюрьмой...*» («Бандиты-сионисты разбомбят Москву». Декабрь 1998 г., с. 331).

В свою очередь процесс поглощения пищи, а значит, процесс получения человеком жизненно необходимых для него питательных веществ образно уподобляется процессу получения прибыли. Например: «*Проглотив сочный ломоть государственной собственности, засеяв в корпорациях, акционерных обществах и концернах, они не желают отдавать банкирам Газпром*» («Революция крыс». Март 1998 г., с. 271) и др.

2.2. Слот «Социальное поведение человека и отношение в обществе». Межличностные отношения отображаются с помощью метафорического использования глаголов поглощения пищи. Так, например, глаголы *сосать/высасывать*, помимо основного значения, также могут реализовывать значение ‘жить за чей-либо счет, питаться энергией объекта, тем самым высасывая у него силы’: «*...чтобы и в нем главенствовать, управлять, **сосать живые соки**, все умертвляя вокруг.* (Не спешите брататься с драконом». Декабрь 1994 г., с.78); «*Так и кажется: повис над землей огромный, лишенный волос эмбрион... вампирически **высасывает жизненные***

соки народа» («Дегенераты у власти». Апрель 1997 г., с. 203). А глагол *лизать*, кроме прямого значения, также имеет смысл 'подхалимничать'; *«Трусы и предатели лизжут сапог оккупантов»* («22 июня, ровно в 4 часа...»). Июнь 1993 г., с. 48).

2.3. Слот «Влияние изменений в культуре, истории, политике на человека». Процессы механической и тепловой обработки продуктов питания могут метафорически обозначать те процессы социальной сферы, которые негативно влияют на человека и на общество в целом. Например: *«Вечно жарится Сванидзе на тонком поворотном стержне, как общипанная кура в печке «гриль»* («Дегенераты у власти». Апрель 1997 г., с. 204); *«Выбрав самое удачное для своего поражения новогоднее время, вошли в столицу Чечни, чтобы тут же превратиться в груды горящей брони, в шипящее мясо»* («А на груди его светилась медаль за город Гудермес». Май 1995 г., с. 129); *«Пошто погубил, раскромсал на ломти, четвертовал и ослепил любимую Родину, давиую ему жизнь, вскормившую молоком матери...»* («Импичмент, суд, высшая мера». Июнь 1998 г., с. 288) и др.

Таким образом, взаимодействие антропоморфного и пищевого кодов в политическом дискурсе даёт возможность, наряду с другими средствами, смоделировать целостный языковой образ человека, показать взаимосвязь различных сфер его жизнедеятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капелюшник, Е. В. Человек сквозь призму кулинарного кода культуры / Е. В. Капелюшник // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 345. – С. 11–14.
2. Маркова, Е. М. Кулинарный код культуры во вторичных номинациях русского и чешского языков: лингвистический и методический аспекты / Е. М. Маркова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – 2017. – Т. 15. – № 2. – С. 152–174.
3. Маркова, Е. М. Внешность человека сквозь кулинарную метафору в русском и арабском языках / Е. М. Маркова, Б. М. Эйсаи // Вестник Московского государственного областного университета. – 2018. – № 3. – С. 193–204.
4. Проханов, А. Слово к народу / Составитель и отв. ред. О. А. Платонов / Предисловие В. Г. Бондаренко. – М. : Институт русской цивилизации, Родная страна, 2013. – 896 с.
5. Юрина, Е. А. «Пищевая метафора»: объём и границы понятия / Е. А. Юрина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 3(63). – Т. 1. – С. 207–212.

6. Юрина, Е. А. Пищевая метафора в процессах концептуализации, категоризации и вербализации представлений о мире / Е. А. Юрина, А. В. Балдова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – № 48. – С. 98–115.

SUMMARY

Alina Menyakina. The interaction of the food and anthropomorphic codes in political discourse (on the material of the book by A. Prokhanov «Word to the People»).

The article is devoted to the analysis of the functioning of the food metaphor in political discourse. The peculiarities of the interaction of food and anthropomorphic codes on the material of the book by A. Prokhanov «Word to the People» had been put up. Systematization and analysis of the actual material is carried out using a frame-slot structure.

Key words: metaphor, food metaphor, culture code, food code, anthropomorphic code, frame, slot, political discourse.

Молодцов Алексей

*Научный руководитель – к. филол. н., доц. Ильин С. А.
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени
Тараса Шевченко»,
г. Луганск, ЛНР*

РОМАН Б. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО» КАК ОПЫТ «ДЕМАТЕРЬЯЛИЗАЦИИ ПРОЗЫ»

В статье рассматривается своеобразие природы образности в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго». Выделяется единый принцип, названный «присутствие отсутствия». Прослеживается его реализация на различных уровнях произведения.

Ключевые слова: *символ, композиция, целостность, музыкальность.*

На сегодняшний день ряд писателей и литературоведов считает, что роман «Доктор Живаго», выламываясь из традиционного романного канона, едва ли является полноценной прозой, заслуживающей внимания исследователя и читателя. Представляется продуктивным рассмотреть его атипичность как уникальное явление, а не патологию. Целью работы является определение функции основного композиционного приема романа Б. Пастернака – «присутствие отсутствия». Для достижения цели нам необходимо решить несколько задач: 1) обосновать рассмотрение романа «Доктор Живаго» как целостности; 2) выделить универсальный

способ создания образов в романе; 3) проследить его реализацию на различных художественных уровнях произведения.

Многоуровневая организация текста, совмещение в нем целого ряда философских перспектив, отрывочное, мозаичное изложение, хронотоп, вмещающий широчайший круг человеческих судеб в их развитии и переплетении – все это заставляет рассмотреть роман «Доктор Живаго» с исходных позиций *сюжета и композиции*, то есть способа имитации действительности, чтобы целостно осознать его отличительную особенность. Под целостным восприятием текста подразумеваем, во-первых, соотнесение повествовательного действия с последней, стихотворной, главой, и во-вторых (как следствие), восприятие романа не по главам и частям, а в неразрывной зависимости всех частей друг с другом (то есть в определенном смысле как гипертекст, поскольку то или иное стихотворение мгновенно отсылает нас к более или менее определенному жизненному отрезку Юрия Живаго, а, следовательно, его жизнь показательно и намеренно дана как законченная и завершенная, лежащая перед нами как открытая книга, охватываемая одним душевным усилием, – сама, как стихотворение).

Мы предлагаем рассматривать роман «Доктор Живаго» с точки зрения его музыкальной природы, хотя и подразумевающей небывалую зыбкость и хаотичность открываемого им мира, но мира, невозможного без продуманной, закономерной и стройной композиции. По словам дирижера и пианиста Даниэля Баренбойма, «полно музыкантов, которые и не догадываются о том, что музыка требует мысли, что музыкой можно думать <...> мы учим своих студентов размышлять о причинах <...> учим стратегическому мышлению в музыке, что нужно, сыграв первую ноту, слышать, как прозвучит последняя» [1]. Значит, все произведение пассивно существует громадной тенью «за» его видимой частью, воспринимаемой чьим-то сознанием. Восприятие и значение отдельного момента или эпизода такого произведения обусловлено и подготовлено предшествующими эпизодами (и отчасти последующими), поэтому, взятый отдельно от своей линии развития тот или иной фрагмент, при всей своей самостоятельности, тем не менее, утрачивает самое важное – причастность к «крае действительности» (в нашем случае – художественного произведения), то есть к контексту, намного превышающему его конкретность. Такое восприятие объясняет символичность изображаемой действительности: событие или только черта характера, портрета значат больше, чем кажется достоверному разуму.

В этом и заключается взаимодействие *силы и символа*, на понятиях о которых Б. Пастернак мог бы, по собственному

признанию, построить свою эстетику. Оно основано на переживании окружающего мира, то есть на соприкосновении предмета и его бесконечности, скрывающейся за ним, объединяющей все явления с ним вместе. Условие для этого переживания – соотносительность с человеком, личностью. Б. Пастернак выбирает признаки явлений, качества людей, которые способны охарактеризовать их полностью, создав им тем самым «лицо». За этим «лицом» будет скрываться потенциальная бесконечность, безликость, сходство данного явления или человека еще с целым множеством явлений и людей. Так работает принцип данного исключения и потенциального большинства, принцип «присутствия отсутствия».

Б. Пастернак пропускает значительную часть эмпирического, данного материала, чтобы оставить только то, что «способно к вечному развитию», так как на этих узловых признаках будет основано «преображение» явления в целом, действительности в целом. Это сформулировал он сам, говоря о своей ранней повести «Детство Люверс» в письме к В. Полонскому: «Я решил, что буду писать, как пишут письма, не по-современному, раскрывая читателю все, что думаю и думаю ему сказать, воздерживаясь от технических эффектов, фабрикуемых вне его поля зрения и подаваемых ему в готовом виде, гипнотически, и т.д. Я таким образом решил дематериализовать прозу...» [3, 312].

Но воплощение этого принципа мы находим не только в его ранней прозе и в поэзии разных лет, но и неоднократно в самом романе «Доктор Живаго». Например, Лара, объясняя Живаго причины ее семейного разлада с Антиповым-Стрельниковым, заканчивает широким обобщением, сравнивая Живаго и себя с Адамом и Евой: «И мы с тобой последнее воспоминание обо всем том неисчислимо великом, что натворено на свете за многие тысячи лет между ними и нами, и в память этих исчезнувших чудес мы дышим и любим, и плачем, и держимся друг за друга и друг к другу льнем» [2, 519]. Если это было мнение Лары, то в романе есть и безличное, условно «авторское», свидетельство об их любви: «О, какая это была любовь... Они любили друг друга потому, что так хотели все кругом: земля под ними, небо над их головами, облака и деревья <...> Никогда, никогда, даже в минуты самого дарственного, беспамятного счастья, не покидало их самое высокое и захватывающее: наслаждение общей лепкою мира, чувство отнесенности их самих ко всей картине, ощущение принадлежности к красоте всего зрелища, ко всей вселенной» [2, 645].

Принцип «присутствия отсутствия» реализуется на всех уровнях романа «Доктор Живаго» – от синтаксического до композиционного. *Синтаксический*: когда Кологривов зашел проведать Лару после елки у Свентицких, «гость занял собою, своим искрящимся взглядом

и своей умною усмешкою полкомнаты» [2, 120]. *Эпизодический (мизансценный)*: революция 1905 года дана не как эпическое событие, а сквозь увеличительное стекло личности – как увиденная Ларой через окно дома и сказавшей: «Мальчики стреляют». *Композиционный*: сама биография Живаго, которая якобы является предметом повествования, служит «увеличительным стеклом», сквозь которое проступают очертания эпохи в целом. И тот факт, что история Живаго, во-первых, разорвана и пунктирна, а во-вторых, типична, является лишь подтверждением авторской заинтересованности не в биографии, а в ее угадывающейся причастности к подспудному образу эпохи.

Композиция романа, основанная на жизни Юрия Живаго, завершена и пронизана соединительными, закономерными, связями. Более того, они музыкальны, поскольку эти связи развиваются и переплетаются, как мотивы и темы в симфонии: однажды вводя тот или иной образ (предмета/места/события), того или иного героя, Б. Пастернак развивает и усложняет его благодаря его естественному развитию: образ не забывается, то есть не появляется лишь затем, чтобы потонуть в сменяющем его потоке иных одноразовых образов, а многократно и многосложно сталкивается с определенными другими исходными образами. Каждое их новое положение дополняет и обогащает содержание, постоянно незаметно растёт. Как результат, область единого, незаметно присутствующая «за» изображаемыми картинками, естественно расширяется, принимая универсальные масштабы.

В этом плане показательна роль предметной образности романа. «Музыкальными» символами в романе выступают предметы, на первый взгляд, прозаические и не подходящие, по мнению иных – банальные, но рассматривая их с точки зрения принципа «присутствия отсутствия», их место в композиции романа оправдано. Так, например, Живаго, привезший с фронта Первой мировой войны утку, благодаря ей за праздничным обедом понимает степень опустошенности Москвы того времени, поскольку к утке не нашлось даже хлеба, и роскошь закуски только «раздражала».

Одним из самых знаменитых и заметных «музыкальных» предметных образов является рекламный столб с вывеской «Моро и Ветчинкин. Сеялки. Молотилки». Он встретил Живаго, когда тот впервые въезжал в уральский город Юрятин; этот же столб он проезжал, навещаясь к Ларе на свидания; именно возле этого столба Живаго забрали партизаны; он прошел мимо этой же рекламной вывески, возвращаясь из их плена, и минул ее, везя Лару с дочкой в Варыкино – однако снега намело настолько много, что она скрылась из виду под сугробом. Кроме того, о ней упоминают герои во время жизни в Юрятыне, пока у Лары и Живаго еще есть работа. В

сознании Живаго эта вывеска уже ассоциативно была связана почти с былинным камнем на распутье, поскольку, проезжая его, он будто пересекал границу двух миров: мира Тони и мира с Ларой.

В композиционно-сюжетном плане такие образы, выполняющие роль музыкального мотива, становятся мерилом развития действия и приобретают символизм, значимость. В символическом плане, конечно, такой возврат к одному и тому же образу знаменует всё то же столкновение нового опыта со старой и знакомой жизнью, которую тот или иной символический предмет олицетворяет. В результате образ углубляется, а действие идет вперед, казалось бы, «по старой дороге». Эпическая событийность превращается в поэтизированную, мифологическую, поскольку именно для мифологического мировосприятия характерно ощущение цикличности мироздания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даниэль Баренбойм. Энигма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/60307/episode_id/1485926/video_id/1615588/. – (Дата обращения: 17.10.2019).
2. Пастернак, Б. Л. Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве. – М. : Искусство, 1990. – 399 с.
3. Пастернак, Б. Л. Доктор Живаго: [роман] / Б. Л. Пастернак. – М. : Издательство АСТ, 2015. – 704 с. – (Эксклюзив: Русская классика).

SUMMARY

Alexey Molodtsov. Novel «Doctor Zhivago» by B. Pasternak as an experience of «dematerialization of prose».

The article considers the originality of the nature of imagery in the novel by B. Pasternak «Doctor Zhivago». The single principle called «the presence of absence» stands out. Its implementation is traced at various levels of the work.

Key words: symbol, composition, integrity, musicality.

Мухина Дарья

*Научный руководитель – к. филол. н., доц. Жихарева Н. А.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

ДИСКУРСИВНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПЕЙОРАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ДРАМЕ

Коммуникация – это всегда процесс, направленный на передачу и получение информации, целью которого является речевое взаимодействие двух и более лиц и их влияние друг на друга. Средствами процесса коммуникации в свою очередь выступают речевые и дискурсивные акты. С помощью них в контексте современной драмы сходятся, пересекаются и взаимодействуют разные иллокутивные силы с различными прагматическими значениями и целеустановками: неодобрения, критики, презрения и порицания, обвинения, похвалы, одобрения, поощрения и др.

Ключевые слова: *речевой акт, дискурсивный акт, пейоративность, коммуникация.*

В когнитивной лингвистике, психологии, психолингвистике и других науках ученые уделяют особое внимание изучению языка и речи. Язык как целая знаковая система, как развивающийся организм, как совокупность фонем, морфем, лексем, словоформ, словосочетаний и предложений, как способ выражения своих идей, мыслей, побуждений и чувств является вечным богатым источником для исследований процессов, явлений, взаимосвязей между компонентами языковой системы, а также основой для порождения речи, средством общения.

Теория речевой деятельности опирается в своем понимании языка на антропоцентризм, постулирующий идею того, что при наличии соответствующих условий высказывание приравнивается к осуществлению определенных действий. Поэтому речь рассматривается как разновидность человеческой деятельности, как форма поведения, как способ использования знаков.

Таким образом, средством речевого общения является язык, а способом – речь. Основными единицами речевой коммуникации являются *речевая ситуация, речевое событие, речевое взаимодействие*:

Речевая ситуация – это контекст высказывания, то, что помогает его понять. Как известно, высказывание делается в определённом месте в определённое время и имеет определённый набор участников: говорящий и слушающий. Элементами речевой ситуации являются говорящий, слушающий, время и место

высказывания. Речевая ситуация помогает понять смысл сообщения, конкретизировать значение ряда грамматических категорий, правильно толковать высказывание, уточнять его цель (просьба, совет, угроза, возмущение, порицание и т.д.) [1, 22].

Речевое событие – это законченное целое со своей формой, структурой, границами. Речевое событие состоит из речи и речевой ситуации (условие).

Речевое взаимодействие – это, с одной стороны, говорение, процесс порождения речи субъектом, с другой – восприятие речи адресатом, её декодирование, понимание содержания, оценка полученной информации и реагирование на неё (вербально или мимикой, жестами, поведением).

Речевой акт, в свою очередь, является элементарной единицей речевой деятельности, провозглашающей цель высказывания в конкретной ситуации. Однако коммуникация состоит из набора речевых актов, которые в свою очередь формируют **дискурсивный акт** – единицу речевого действия, включенную в интеракцию и представляющую собой цепочку речевых актов, объединенных общей телеологической установкой в единый речевой блок, в котором сходятся, пересекаются и взаимодействуют разные иллокутивные силы с разными (первичными и вторичными) прагматическими значениями [7, 103].

А. Н. Приходько выделяет следующие типы дискурсивных актов:

1) **офферативные** (просьба, требование, уговаривание, предложение);

2) **конформативные** и **нонконформативные** (согласие/несогласие, одобрение/неодобрение, похвала, отказ);

3) **аккузативные** (обвинение, осуждение, укор, претензия, возмущение);

4) **апологетные** (оправдание, извинение, покаяние, прощение);

5) **дидактические** (совет, поучение, намек).

Дискурсивные акты в свою очередь являются средствами выражения таких категорий, как:

1) мелиоративность и пейоративность;

2) имплицитность и эксплицитность;

3) конвенциональность и окказиональность;

4) интенциональность и релевантность.

Одной из категорий, средствами выражения которой выступают дискурсивные акты, является категория пейоративности.

Пейоративность – свойство языковых единиц, проявляющееся в способности реализовывать семантику неодобрения, критики, презрения и порицания в адрес представителей социума, чьи поступки или личностные качества не соответствуют моральным и социальным нормам общества, что проявляется в девиантном поведении,

нарушающем общественное спокойствие и общественные правила, принятые в социуме, доставляет неудобство и наносит этический, моральный или физический ущерб другим представителям социума. Единицы языка, обладающие подобной семантикой, называются *пейоративами* [5; 6]. Выраженные негативные свойства пейоративов носят предписывающий характер – они предполагают определенные отношения и поведение в течение коммуникации. Пейоративные высказывания обладают перлокутивной силой, заключающейся в воздействии на адресата и на аудиторию в определенной ситуации речевого взаимодействия.

Так, например, *дидактические дискурсивные акты* являются инициальными речевыми действиями, содержащими суггестивный компонент – указание адресату, как поступать или действовать в тех или иных условиях, выражая категорию пейоративности (семантика неодобрения, критики, презрения и порицания). Их телеология имеет основу, предполагающую изменение положения дел к лучшему.

Функционирование дидактиков в ситуациях общения обусловлено действием различных факторов: социорольевыми отношениями между коммуникантами, социопсихологической дистанцией (близкая, нейтральная, далекая), характером каузируемого действия (маркированность по признаку деликатности или важности), обстановкой общения, а также факторами «гендер» и «возраст» [8; 5]. К ним можно добавить и такие факторы, как ситуативно доминирующие прагматические установки, речевая экспрессия и сила желания говорящего навязать свою волю объекту влияния.

Репрезентантами дидактических дискурсивных актов являются:

1) совет:

Тоня. *Может быть, действительно лучше* строить брак не на любви, а на уважении? Как в старые прежние времена.

Маша. Не знаю. Спать, спать, спать... я не знаю [2; 5].

2) поучение:

ОЛЯ. Я думала, ты поймёшь – мне же хотелось жизнь посмотреть. Дискотеки всякие, шашлыки, ночные катера. У меня же никогда такого не было. А, может, и не будет.

АЛЁША. Ну, посмотрела?

ОЛЯ. Посмотрела.

АЛЁША. У тебя навалом этого будет.

ОЛЯ. Не знаю.

АЛЁША. Понравилось? Нечего было сюда приходить. Тут тебе дискотек не устраивают.

ОЛЯ. Не сердись [3].

3) намек:

Маша. Это еще не скоро. У меня есть прекрасный ночной крем для лица. Наутро как новая. (*Наносит крем на лицо.*)

Тоня. Хорошо бы, если бы не скоро. Цикада. Красиво. *Я почитаю немного.*

Маша. *Я не могу спать при свете.*

Тоня. *Хорошо, я не буду читать* [2; 5].

Таким образом, дидактические дискурсивные акты, в целом, выступая попеременно в роли инициальных и реактивных речевых действий, оказываются способными стимулировать использование все новых и новых речевых действий. Более того, в некоторых контекстах один и тот же тип дидактического дискурсивного акта может иметь различное значение и, соответственно, иметь иное влияние на собеседника.

Аккузативные дискурсивные акты также представляют собой речевые конфликтогенные высказывания, речевые блоки, которые направлены на обвинение собеседника в нарушении чего-либо, например, морали, традиций, норм, поведения; приписывание ему какой-либо провинности, осуждение его слов и поступков, оцениваемых как неправомерные.

Аккузативные дискурсивные акты могут быть: прямые и косвенные, эксплицитные и имплицитные, симметрические и асимметрические, контактные и дистантные, моно- и полиадресатные [4, 13].

А.Н. Приходько выделяет следующие типы аккузативов [7, 112]:

1) обвинение:

ЛИЛИ. *О-ох!.. О-о!..*

<...>

ЛИЛИ. *(приподнимается, видит Дэви). Что ты делаешь?*

ДЭВИ. Я? Ничего! Точней, пью чай с морковочкой! *(Откусывает морковь).*

ЛИЛИ. *Стыдись!*

ДЭВИ. Чего? Морковочки? В ней ведь целый воз витаминов!

ЛИЛИ. *Я, слабое и нежное создание, упала от страха без чувств, не в силах подняться, валяюсь тут, а ты и думать не думаешь помочь мне и преспокойно ужинаешь! Тоже мне, джентльмен!*

ДЭВИ *(вскакивает и поднимает ее).* Я думал, ты просто прилегла. А вот и твоя кисть!

ЛИЛИ. Посади меня, будь добр, за стол!

ДЭВИ. Как? Поднять на руки?

ЛИЛИ. *Истинный джентльмен никогда бы не задал такого вопроса...*[6].

2) претензия:

Гемович. *Набрали зародышей из России... теперь мучаемся.* Вот она, ваша хваленая кадровая политика, господин Мак-Чилик! Я же говорила, нельзя брать на работу нелегальных эмигрантов. Тем более что они находятся во внутриутробном состоянии!

Мак-Чилик (*пробует спагетти*). Спагетти, кстати, уже сварились.

Гемович. *С десяти утра все сотрудники на месте... А вы?*

Топорков. А мы всю ночь танцевали, а теперь лежим себе и слушаем, как дождь стучит по подоконнику.

Гемович. Уволены! Оба! [2, 33–34].

3) возмущение:

ОЛЯ. Я не люблю одна. Одной как-то грустно. Тётя Катя сказала, что ты зовёшь меня с собой на рыбалку.

АЛЁША. Я? Зову? Это... *Почему я?* Вон пусть Андрюха с тобой ходит. Он старший – *он пусть за гостей и отвечает.*

ОЛЯ. А он с вечера не появлялся. У него... какие-то дела.

АЛЁША. *А у меня что – дел нету?* [3].

Используя аккузативы, стоит избегать не только перформативов, но и средств, относящихся к ядерным компонентам соответствующего поля. По большей части они используют арсенал косвенно номинативных единиц с отрицательной аксиологией, а также единиц, негативно коннотируемых в контексте. При этом на выбор пейоративных средств существенное влияние оказывают такие факторы, как статусно-ролевые отношения (симметрические/асимметрические), ситуация общения (официально-деловая, дружественная, фамильярная), а также возраст и гендер. Следовательно, дидактические и аккузативные дискурсивные акты имеют свои собственные прямо- и косвенно номинативные средства выражения цели речевого взаимодействия, выражая категорию пейоративности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вильданова, Н. Г. Учебно-методический комплекс дисциплины «Русский язык и культура речи». Теоретические основы. Методические указания для студентов. Материалы для самостоятельной работы студентов. Ч. I / Н. Г. Вильданова. – Уфа : Изд-во УГНТУ, 2009. – 168 с.
2. Гладили, П. Фотоаппараты [Электронный ресурс] / П. В. Гладили. – Режим доступа : <http://www.gladilin.ru/photoapparat.pdf>. – 48 с.
3. Исаева Е. Третьеклассник Алёша [Электронный ресурс] / П. В. Гладили. – Режим доступа : <http://www.isaeva.ru/plays/alex.html>
4. Король, А. А. Висловлення-звинувачення у сучасному німецькомовному художньому дискурсі: автореф. дис. ... канд. філол. наук: спец. 10.02.04 – Германські мови / А. А. Король. – Чернівці, 2007. – 20 с.
5. Лескина, С. В. Категория пейоративности в русском и английском языках в аспекте лингвокультурологического сопоставления [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... док. филол. наук:

- спец. 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / С. В. Лескина. – Челябинск, 2010. – 42 с. – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/v/327015/a#?page=1>
6. Мосулишвили, М. А. Танец с мертвецами [Электронный ресурс] / М. А. Мосулишвили. – Режим доступа : http://samlib.ru/m/mosulishwili_m_a/tanecsmertwecamidoc.shtml
 7. Приходько, А. Н. Дискурсивные акты: прагмасемантика и прагматипология / А. Н. Приходько // Когниция, коммуникация, дикурс. – 2010. – № 1. – С. 101–122.
 8. Шеловских, Т. И. Речевой акт совета: функционально-прагматический анализ [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.19 – общее и теоретическое языкознание, социолингвистика, психолингвистика / Т. И. Шеловских. – Воронеж, 1995. – 16 с. – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/v/19/a#?page=1>

SUMMARY

Daria Mukhina. Discourse means of expressing the category of pejorativity in modern Russian drama.

Communication is always a process aimed at transmitting and receiving information, the purpose of which is the verbal interaction of two or more people and their influence on each other. The means of the communication process, in turn, are speech acts and discursive acts. Using these acts in the context of modern drama, different illocutionary forces converge, intersect and interact with different pragmatic meanings and purposes: disapproval, criticism, contempt and reproof, accusation, praise, approval, encouragement, etc.

Key words: speech act, discursive act, pejorativity, communication.

Паляница Данил
Научный руководитель – д. филол. н., доц. Балко М. В.
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной
службы при Главе ДНР»,
г. Донецк, ДНР

ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

В современной системе образования, ориентированной на подготовку гармонически развитой личности, приобретает особое значение преподавание русского языка как человекоцентрической дисциплины. В статье обосновывается необходимость комплексного подхода к методологии обучения русскому языку, учитывающего целый ряд принципов.

Ключевые слова: методология, принцип обучения, русский язык.

Система образования должна идти в ногу со временем, не только давая знания, формируя умения и навыки, но и воспитывая человека, способного эффективно жить в обществе, поэтому школьное образование претерпевает сегодня значительные изменения.

Вопросы методологии обучения все еще в центре внимания. Русский язык в современной школьной практике связан с осмыслением новейших образовательных стандартов. В настоящее время особенно актуальными стали следующие вопросы:

1. Взаимодействие традиций и инноваций в методологической науке: аспектная композиция методики преподавания русского языка как науки; вопросы развития аксиологии; реализация системно-деятельностного и когнитивно-коммуникативного подходов на уроках русского языка.

2. Роль образовательных технологий в учебном процессе: организация обучения с использованием дистанционных технологий; развитие познавательных и коммуникативных способностей обучающихся в процессе проектной деятельности.

3. Мета-предметные исследования и реализация мета-субъектного подхода на уроках русского языка.

4. Межкультурная коммуникация в системе поликультурного образования, проблемы билингвального образования.

5. Профессиональная подготовка учителей русского языка: её научно-методические основы; повышение квалификации современного учителя; учебные пособия по подготовке учителей.

Особый интерес для исследователей в настоящее время представляют вопросы определения методологических основ

методики преподавания русского языка. Техника русского языка как педагогическая наука имеет свой научный аппарат, включающий предмет, цели, задачи, методы научного исследования и проч., а основой любой науки является методология [1]. Вместе с тем, все чаще фиксируем проблемные вопросы в связи с выявлением принципов преподавания русского языка, дающие возможность определить содержание образования.

Принципы преемственности (между начальной и средней школой) и перспективности являются наиболее важными принципами изучения языка. Однако вопрос о преемственности и устойчивости обучения между разными уровнями образования невозможно решить, игнорируя лингвистический и методологический принципы градации в развитии речи, что означает диагностику того, что уже существует (зона фактического развития речи), и того, чему следует обучать (непосредственная зона развития).

Важную роль в современной системе образования играет использование текстоориентированного принципа, создающего условия для мотивации и активности учащихся. Текстотрический принцип основан на том, что основной единицей обучения является текст как процесс и результат речевой деятельности, как дидактическая единица, как средство обучения, формирования всех видов компетенций. Изучая родной язык с помощью текста, ученик усваивает нормы литературного языка. Он запоминает готовые речевые модели, учится строить собственные высказывания, на основании текстотрического принципа устанавливаются перекрестные связи между уроками русского языка и литературы, что делает этот подход отличным способом обучения, стимулирования мотивации к более глубокому, вдумчивому прочтению литературных текстов [4].

В методологии также используется широкое понимание контекста, при этом особое внимание уделяется культурному контексту, связанному с базовыми знаниями, поэтому нельзя отрицать роль культурно-исторического анализа, так как очень важно глубокое понимание всех оттенков смысла требует как знания содержания текста, так и постижения культурно-значимого компонента прочитанного. Анализ текста в этом аспекте позволяет понять скрытые значения, точно и полностью идентифицировать речевую задачу автора.

Конечно, системная работа с текстом позволяет внедрять в образование новое содержание, развивать мышление, когнитивные навыки учащихся, их поисковую и исследовательскую деятельность [5].

Изменения в школьной системе в связи с доминирующим положением компетентностно-ориентированного подхода, по

сравнению со знаниевым, перевел процесс обучения на боковое самообразование и саморазвитие. Первое место занимает вопрос формирования независимой личности, которая востребована и способна реализовать себя в любой сфере. Одним из качеств успешного человека является умение красиво и грамотно говорить. В связи с этим перед учителями встал вопрос организации речевой и мыслительной деятельности, которая должна быть организована на уроках русского языка. Дидактический материал, предлагаемый педагогами, необходимо подбирать таким образом, чтобы сформировать у учащихся навыки интеллектуального и творческого труда, умение критически оценивать и интерпретировать прочитанное и услышанное [6]. В настоящее время методистами детально разрабатывается система ключевых типов упражнений.

Вопросы определения статуса аксиологии остаются актуальными. Так как это новое направление в системе гуманитарных наук, проблема установления ее инструментов, обоснования содержания и целей приобрела особый вес. Перспективы дальнейших научных и методологических исследований также связаны с использованием аксиологического подхода [1].

В настоящее время проектная деятельность получила широкое распространение в сфере образования, поскольку способствует формированию творческой самостоятельности школьников. Следует отметить, что проектная деятельность используется и в подготовке будущих учителей, так как она формирует способность качественно решать профессиональные задачи.

Исходя из рассмотрения некоторых тенденций развития методологии преподавания русского языка, следует максимально применять все описанные принципы для решения актуальных вопросов образования и воспитания учащихся. Особенно важным видится усиление аксиологической направленности научно-методологических исследований, учет общедидактических и специальных принципов обучения русскому языку при моделировании уроков; также стоит уделять внимание современным технологиям образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арефьева, С. А. Методологические основы методики преподавания русского языка как науки / С. А. Арефьева // Современные тенденции в развитии методики преподавания русского языка. – М. : Спутник +, 2017. – С. 10–14.
2. Архипова, Е. В. Принципы речевого развития личности в аспекте преемственности и перспективности языкового образования / Е. В. Архипова // Современные тенденции в развитии методики преподавания русского языка. – М. : Спутник +, 2017. – С. 15–22.

3. Воителева, Т. М. Реализация текстоцентрического принципа как способ активизации познавательной деятельности учащихся / Т. М. Воителева // Современные тенденции в развитии методики преподавания русского языка. – М. : Спутник +, 2017. – С. 30–34.
4. Горобец, Л. Н. Текстовые упражнения: подходы, способы обучения и критерии оценивания / Л. Н. Горобец // Современные тенденции в развитии методики преподавания русского языка. – М. : Спутник +, 2017. – С. 206–209.
5. Громова, Л. Ю. О некоторых общепредметных целях обучения русскому языку / Л. Ю. Громова, И. В. Текучева // Перспективы науки. – 2017. – № 5(95). – С. 65–68.

SUMMARY

Danil Palyanitsa. Basic methodological principles of teaching Russian in a modern school.

In the modern education system, focused on preparing a harmoniously developed personality, the teaching of the Russian language as a person-centered discipline is of particular importance. The article substantiates the need for an integrated approach to the methodology of teaching the Russian language, taking into account a number of principles.

Key words: methodology, teaching principle, Russian language.

***Пидварко Дмитрий,
Миронкина София***

*Научный руководитель – к. филол. н., доц. Юрьева Е. В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»,
г. Донецк, ДНР*

ИДИОМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА

На сегодняшний день фразеологизмы различной тематики активно используются носителями разных языков. В статье освещены языковые особенности и привычки русскоговорящих и англоговорящих. Приведена сравнительная характеристика русских и английских фразеологизмов, отражающих быт и культуру.

Ключевые слова: фразеологизмы, духовная культура, язык, традиции.

Язык связан прежде всего с духовной культурой – с художественной и научной жизнью общества, с философией и другими формами общественной надстройки. Более того, язык сам по себе является частью духовной культуры народа [2].

В идиоматике языка, то есть в том слое, который национально специфичен, хранится система ценностей, общественная мораль, отношение к миру, к людям, к другим народам [1]. Этой теме посвящено много научных трудов. Идиоматика привлекает внимание не только русских ученых-лингвистов, но и тех, кто изучает иностранные языки.

Фразеологизмы, пословицы, поговорки наиболее наглядно иллюстрируют и образ жизни, и географическое положение, и историю, и традиции той или иной общности, объединенной одной культурой [1]. Например, мы можем проследить, как отличается быт и менталитет русскоговорящих и англоговорящих на примере известных и часто употребляемых пословиц:

Русский язык	Английский язык
1. На что и клад, когда дети идут в лад.	1. Children are poor men's riches (дети – богатство бедняков).
2. Рыбак рыбака видит издалека.	2. Birds of a feather flock together (птицы одинакового оперенья держатся вместе).
3. Своя рубашка ближе к телу.	3. Blood is thicker than water (кровь гуще воды).
4. Краткость – сестра таланта.	4. Brevity is the soul of wit (мужество – душа мудрости).
5. Повинную голову меч не сечёт.	5. Confession is good for the soul (признание хорошо для души).
6. Терпение и труд все перетрут.	6. Constant dropping wears away a stone (капля камень точит).
7. Любопытной Варваре на базаре нос оторвали.	7. Curiosity killed the cat (любопытство сгубило кота).
8. Не буди лихо, пока лихо спит.	8. Don't trouble trouble till trouble troubles you (не тревожь тревогу, пока она не потревожит тебя).
9. В гостях хорошо, а дома лучше.	9. East or West, home is best (восток или запад – дом лучше всего).
10. Беда, коль пироги начинёт печь сапожник.	10. Every man to his trade (каждому своё ремесло).

Язык – необходимый элемент для полноценного существования индивида в социуме. Язык – важнейший инструмент познания мира. Закономерно, что главными вопросами языковедения стали «человек в языке» и «язык в человеке». Язык несет в себе сведения о культуре народа-носителя, хранит и передает их потомкам. Как в Англии,

так и в России долгое время господствующей и безальтернативной формой правления государства оставалась монархия. Любопытно, что сегодня монархия как форма правления практически прекратила существование в обеих странах. Условно, в Англии монархия до сих пор действует, но де-факто монарх не обладает никакой реальной политической силой. Конечно же, язык в устойчивых выражениях передал этот значительный аспект культурной и социальной организации общества. Анализируя устойчивые словосочетания с компонентами «монарх», «царь», «император», «король», «королева», «царство» и «монархия», можно заметить превосходство позитивных коннотаций. Оба языка – и английский, и русский единодушно демонстрируют прославление монархии, ее власть, неделимость царства/королевства, превознесение монарха.

Русский язык	Английский язык
- Царь в голове (ум, разум; сообразительность) - С царём в голове (сообразителен, смышлён, очень умен) - Царь небесный (Бог) - Царь природы (человек) - Царь и бог (человек, пользующийся неограниченной властью) - В некотором царстве, в некотором государстве... (сказочный зачин) - Королева красоты (красивая женщина)	- <i>Live like a king</i>. «Жить как король», т.е. в очень комфортных, роскошных условиях. - <i>King's ransom</i>. Данным выражением называют огромную сумму денег, «целое состояние, большой куш». - <i>Queenbee</i>. Фраза «queenbee» описывает крайне самоуверенную девушку, которая считает себя лучше и красивее всех остальных, имеет некоторую популярность (в школе/колледже/на работе), у нее самый красивый парень, и все ее подружки пытаются ей подражать. - <i>Fit for a king</i>. Дословно «подходит для короля», т.е. что-то очень хорошее и роскошное. - <i>Prince charming</i>. «Принц на белом коне» или самый красивый, добрый, воспитанный, богатый мужчина, которого ждут многие девушки.

Язык – непрерывно функционирующий, живой организм, который поддается влиянию внешних факторов. Некоторые слова со временем теряют свое первоначальное значение и приобретают новое. Примером такой трансформации может быть слово, вызывающее довольную улыбку на лице каждого школьника и студента. Это слово – «каникулы». Оно восходит к латинскому «*canicula*» (в пер. «собачка»). Первоначально

существительное имело астрономическое значение, обозначая период, когда солнце находится в созвездии пса (буквальное толкование выражения «*dies caniculares*» – *собачьи (жаркие) дни* от устаревшего названия Сириуса: солнце в жаркое время года ближе к Сириусу, поэтому эта звезда видна именно в жаркие дни). К середине XIX века оно приобретает привычное для современных людей значение – «перерыв в занятиях, отдых, предоставляемый учащимся».

Язык не является своеобразным хранилищем устаревших или вышедших из употребления слов, понятий. В идиоматических выражениях «мертвые» слова получают «новую жизнь». Например, все носители русского языка в повседневной речи довольно часто употребляют фразеологизм «лезть на рожон», который означает «идти навстречу явной опасности вопреки здравому смыслу». Слово «рожон», обозначающее копьё, с помощью которого охотились на медведя, устарело: как оружие рожон не используется в быту современным человеком. Тем не менее, это слово укоренилось в вышеприведенном фразеологизме.

Итак, в книгах, фольклоре, письменной и устной речи язык не только отображает культуру, историю, менталитет, быт народа, но и хранит накопленный им опыт, служащий важнейшим фактором формирования мировоззрения молодого поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. // – М. : Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
2. Шарафутдинова, Н. С. Теория и история лингвистической науки : учебник / Н. С. Шарафутдинова. –3-е изд., испр. и доп. – Ульяновск : УлГТУ, 2012. – 346 с.

SUMMARY

Dmitry Pidvarko, Sofia Mironkina. Idioms as a reflection of national mentality.

Today phraseological units are actively used by native speakers of different languages. The article highlights the linguistic features of Russian-speaking and English-speaking people. The comparative characteristic of Russian and English phraseological units reflecting the life and culture of different peoples is given in the article.

Key words: phraseological units, spiritual culture, language, traditions.

Пэй Цзяминь
Научный руководитель – д. филол. н., проф. Пинаев С. М.
Российский университет дружбы народов,
г. Москва, РФ

ОСОБЕННОСТЬ ТВОРЧЕСТВА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА В КИТАЕ

В статье рассматривается опыт жизни и творчества русской интеллигенции, оказавшейся в начале XX века за пределами России. Наиболее интересным с исследовательской точки зрения оказалось наследие эмигрантов, живших в Китае. Творчество русской интеллигенции в Китае характеризуется и как образец диалога между западной и восточной культурой.

Ключевые слова: эмиграция, творчество, русская идея, традиции, поэзия.

В современных условиях кризиса, определенного процессами глобализации, встает проблема сохранения традиционного культурного наследия нации. Весьма важным становится изучение культурного наследия русской эмиграции первой половины XX века. Оказавшись вдали от Родины, русская интеллигенция вынуждена была в новых исторических, культурных, политических, социально-бытовых условиях искать те формы бытия, которые бы в ситуации нестабильности жизни придавали ей статус устойчивости, фундаментальности. Наиболее интересной с исследовательской точки зрения оказывается культурная жизнь русских эмигрантов, протекавшая в Китае, в частности в Маньчжурии.

Политические потрясения в России в 20-30-е гг. XX в. вызвали отток некоторой части населения государства, образовавшего новое историческое пространство эмиграции. Среди эмигрантов идейные борцы против советской власти составляли меньшинство или, как пишут исследователи, были «песчинками в море» [1, 44]. Согласно различным историческим источникам, собственно политической деятельностью было занято 3-5 % эмигрантов [2, 12]. Главным ориентиром жизни в условиях эмиграции стало для русских не просто выживание, а сохранение живой связи с Родиной, поэтому в этой среде было стремление поддержать русский образ духа и противостоять процессам ассимиляции.

Как считают некоторые исследователи, жизнь в эмиграции постепенно приобрела характер культурной миссии, целью которой стало сохранение национальной культуры, развитие духовно-нравственного потенциала в новых условиях выживания, понимание своего исключительного положения в сложных исторических

событиях. Смысл «русской идеи», как служение непреходящим культурным традициям, понимался и как сохранение в русской среде накопленных духовных ценностей, национальной памяти, исторического опыта, в котором прослеживалась связь времен, поколений. Все это необходимо сберечь и преумножить с целью сохранения самой основы бытия для будущего возрождения Российской государственности, даже если кому-то будет суждено погибнуть и умереть вдали от Родины.

По свидетельству Ковалевского П. Е., «выехавшие из России осознавали себя носителями великой русской культуры, создававшейся веками. Они хранили её, умножали её, развивали, несли в мир и знакомили с нею другие народы» [3, 5–6]. Русская культура, к которой были причастны люди в эмиграции, служила определяющим основанием их менталитета, поэтому они нуждались в постоянном источнике для поддержания национального духа в условиях изгнания. Интеллигенция стремилась приобщиться к тем произведениям, которые возникали в среде русской диаспоры. По этому поводу М. Раев пишет: «Из двух Россией, возникших вследствие политических событий, именно Россия за рубежом, которая проявила твёрдую и недюжинную доблесть, продолжая быть Россией, оказалась более «подлинной» и более продуктивной в культурном отношении» [4, 32]. Можно сказать, что созданная высокой духовностью культурная жизнь русского зарубежья первой половины XX в. не затихала ни на один день, а внешние трудности, выраженные политическим давлением, материальными лишениями, социально-бытовым дискомфортом, во многом служили стимулом к творческой активности.

Русская эмиграция существовала и в западных странах, и в восточных. Наверное, самым значимым источником русской культуры на Востоке был Харбин, в котором более всего ощущалось влияние исторических, литературно-художественных, социально-бытовых традиций. На наш взгляд, это объясняется следующими факторами:

- удаленностью дальневосточной окраины от центров цивилизации на Западе;
- наличием пространства культурно-общественной жизни, основанного русской интеллигенцией во время строительства КВЖД, то есть до революции 1917 года;
- основополагающей ролью русского языка как средства коммуникации, объединявшего разнородное этническое население русско-китайского города;
- компактным проживанием эмигрантов на территории города [5].

Наиболее интересным является творчество писателей и поэтов, принадлежавших к русской интеллигенции, чьи произведения

являют собой яркое свидетельство культурного влияния на китайское население. К восточной части русского зарубежья относятся такие известные писатели, поэты, как С. Алымов, Д. Бурлюк, Вс. Иванов, А. Несмелов, В. Перелешин, Н. Фёдорова. Более молодое поколение русских эмигрантов в Китае представлено такими именами: Л. Андерсен, Буткевич, М. Волин, Л. Ещин, В. Логинов, В. Обухов, Е. Рачинская, Н. Резникова, Г. Сатовский, О. Скопаченко.

Безусловно, несмотря на то, что каждый представитель русской интеллигенции оказался на чужбине в силу своих личных обстоятельств, их всех объединяло чувство тоски по Родине, тяжелая, непривычная жизнь в чужих условиях социума и быта. И только в своей творческой деятельности они находили утешение, обретали утраченное единство с Россией в своем внутреннем мире, сохраняли русский язык и культуру в изгнании.

Здесь в качестве примера можно привести поэтическое творчество харбинской поэтессы Марианны Колосовой. Практически в каждом стихотворении звучит мотив ностальгии, проявляющейся в постоянном вопросе: «За что меня лишили Родины?» О жизни поэтессы вспоминает ее ученица Ольга Скопчёрко: «Колосова влачила жалкое существование, жила вдвоём с ещё одной поэтессой в каморке для караульного китайца, за которую надо было платить. Жили голодно, перебивались скудными заработками за случайные уроки, переводы» [5].

Как известно, в Харбине в 1928 году М. Колосовой был издан первый сборник стихов под названием «Армия песен». Позже с определенной периодичностью были опубликованы ещё четыре сборника: «Господи, спаси Россию!» вышел в 1930 году, «Не покорюсь» в 1932 году, в 1934 году «На звон мечей», 1937 году «Медный гул». Названия сборников передают внутреннее состояние поэтессы, выраженное ностальгией, отчаянием, бесконечной надеждой на возвращение, которое так и не состоялось. Кроме того, творчество М. Колосовой было настолько самобытным, глубоко личностным, укорененным в русскую культуру, что занимало в литературном пространстве Харбина изолированное место.

В качестве примера можно привести творчество другой харбинской поэтессы Паркау А. П. Свои произведения она издавала в журнале «Рубеж», который был создан как печатный орган харбинского литературного кружка под названием «Чураевка» [6]. В своих стихах поэтесса без прикрас рисует реальную жизнь в Харбине, показывая бедность и нищету не только русских эмигрантов, но и местных жителей. В стихах Паркау А. П. можно встретить описание китайских обычаев, которые для русских эмигрантов казались экзотичными, непередаваемо красивыми. По свидетельству М. Хуэй, «в стихах поэтессы присутствуют, казалось бы, обыденные явления: природные

стихии – ураганы, тайфуны, наводнения, элементы социальной жизни – труд и быт простых людей: лодки рыбаков на реке, вечерний закат над крестьянским полем, бедные хижины, покосившиеся заборы и так далее. Но, тем не менее, в стихах невыразимо присутствует чувство любви и нежности к этой «прозе жизни», что заставляет многих исследователей русской поэзии считать именно ее стихи о китайских обычаях особенно удачными» [7].

Заканчивая исследование, необходимо сделать некоторые выводы. Прежде всего, русская творческая интеллигенция оставила яркий след в истории как российской культуры, так и в истории Востока. В своих произведениях эмигранты смогли передать неугасимую временем и расстоянием любовь к Родине, состояние ностальгии, надежду на возвращение, желание всегда быть рядом с родной землей. Многие творческие люди, композиторы, художники писали в своих произведениях о нехватке необъятного «русского пространства», «шири воздуха», о страхе перед неизвестностью, перед незнакомой формой жизни.

Писатель В. Набоков в 1995 году на вопросы корреспондента журнала «Иностранная литература» высказал такую мысль: «Эра эмиграции закончилась во время Второй мировой войны. Старые писатели умерли, русские издатели тоже исчезли, и, что хуже всего, общая атмосфера ссыльной культуры с её великолепием, мощью и чистотой, с её чуткой способностью к отражению жизни рассеялась, оставив горстку русскоязычных изданий с худосочным талантом и провинциальной интонацией» [5].

Подчеркнем, что уникальный опыт, накопленный русскими творческими деятелями за годы эмиграции, необходимо изучать для того, чтобы понять, как в новых, неблагоприятных условиях чужой страны, с ее традициями и особенностями быта, не потерять культурной и национальной идентичности. Для современной ситуации, определенной процессами глобализации, пример русских эмигрантов являет нам возможность познакомиться с особенностями воспитания, образования, реализации творческого потенциала молодежной среды с целью сохранить в ней привязанность к духовно-нравственным ценностям России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Квакин, А. В. Общее и особенное в положении русской диаспоры первой волны: учеб.-метод. пособие / Твер. гос. ун-т, Каф. новой и новейшей истории; [Сост. А. В. Квакин]. – Тверь : ТГУ, 1992. – С. 44.
2. Боханов, Е. Н. Такая разная эта эмиграция // Книжное обозрение. – 1993. – № 36. – С. 19.
3. Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции: Энциклопедический биографический словарь. – М., 1997. – С. 67.

4. Раев, М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919-1939. – М., 1994. – С. 133–134.
5. Лазарева, С. И., Шпилёва, А. Н. О литературном наследии русской эмиграции в Китае (20-40 годы XX века) / Интернет-ресурс. КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-literaturnom-nasledii-rossiyskoj-emigratsii-v-kitae-20-40-e-gg-xx-v> (дата обращения 06.0112019).
6. Абдуразакова, Е. Р. Тема Востока в творчестве Бориса Пильняка. Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://www.dslib.net/russkajaliteratura/tema-vostoka-v-tvorchestve-borisa-pilnjaka.html> (дата обращения 06.0112019).
7. Хуэй, М. Изображение традиционной китайской культуры в русской эмигрантской литературе в Китае / Канд. дис. на соискание уч. степени кандидата культурологии. 2015 г. 173 с. / Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://ihaefe.org/files/dissertations/myao/disser-myao-huei.pdf> (дата обращения 06.0112019)

SUMMARY

Pei Jamin. Peculiarities of creativity of the Russian emigration of the first half of the 20th century in China.

The article discusses the experience of life and work of the Russian intelligentsia, which turned out to be outside of Russia at the beginning of the 20th century. The most interesting from a research point of view was the heritage of emigrants living in China. The creativity of the Russian intelligentsia in China is also characterized as a model of dialogue between Western and Eastern culture.

Key words: emigration, collection, Russian idea, traditions, poetry.

Решетарова Анна

*Научный руководитель – д. филол. н., проф. Герасименко И. А.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

ПОНЯТИЕ «ТРИКСТЕР» СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

В данной статье предпринята попытка обобщить междисциплинарные представления о содержании понятия «трикстер». Исследования ведутся в рамках юмористического дискурса, порождаемого авторами комедийных произведений в жанре стендап-комедии.

Ключевые слова: *трикстер, юмористический дискурс, коммуникативная личность, стендап-комедия.*

Трикстер (от англ. *trickster* – обманщик, трюкач; и *trick* – трюк, хитрость, шутка, фокус, розыгрыш) представляет собой разновидность «шутовского персонажа», присутствующего в фольклоре и мифологии большинства культур на всех этапах развития человечества. В гуманитаристике существует мнение, что понятие «трикстер» начало функционировать в XVIII веке для обозначения морального типа личности обманщика и плута. Согласно другой точке зрения [7, 151], авторство понятия «трикстер» приписывается американскому антропологу Д. Г. Бринтону, использовавшему его в трудах, посвященных фольклору американских индейцев, и датируется 1868 годом. В данное понятие Д. Г. Бринтон вкладывал представление о комическом персонаже из фольклора американских индейцев, мифология которых считается одной из самых богатых подобными образами. В свою очередь, Л. Хайд утверждал, что этот термин впервые был использован Ф. Боасом в предисловии к книге «Традиции индейцев долины реки Томпсон» (1900) [11, 355].

Современное понимание трикстера разрабатывал и американский антрополог и фольклорист Пол Радин, который рассматривает трикстера как психологический и архетипический образ шута и плута, который подчиняется своим собственным инстинктам, у которого отсутствуют какие-либо ценности (как моральные, так и социальные), но при этом он сам является творцом этих ценностей. Фактически, трикстер – это «... попытка человека ответить на мучающие его внутренние вопросы и решить внешние проблемы» [9, 9].

Е. С. Новик описывает действия трикстера как «трюки», представляющие собой «маскировки, подмены и имитации» [6, 142]. Трюки – это мнимая угроза или приманка, коварный совет, подстрекательство, раздраживание, мнимая смерть или слабость [6, 140].

Анализу трюка и трикстерства (трюкачества) уделялось определённое внимание как в зарубежной, так и в отечественной гуманитаристике. Так, исследования проводились в области мифологии, фольклора и смеховой культуры (например, Р. Н. Кулешов, Е. В. Рогачёва и др.); на пересечении философии, психологии, социологии и культуры (например, К. Г. Юнг, Д. А. Гаврилов, К. Леви-Стросс, Е. М. Мелетинский, Л. В. Прокопович, П. Радин, Ю. Чернявская и др.); в аспекте исследований массового искусства – цирка, эстрады и кино, в том числе анимационного (например, В. А. Баринов, Н. Г. Кривуля и др.).

В своём диссертационном исследовании Р. Н. Кулешов предпринял структурно-семиотический анализ диахронической и синхронической трансформации образа трикстера в культуре и, на основе теоретико-методологического обобщения трикстерских

признаков, выделил три базовые функциональные характеристики мифологемы трикстериады: интерпретативная, травестийная и рефлексивная, с помощью которых трикстер представлен в различных социокультурных пространствах. Учёный пришёл к выводу, что «... в мифологической парадигме архаики характеристики трикстериады в равной степени объединены в рамках одного персонажа. Однако в следующих культурно-исторических эпохах одна из этих характеристик акцентируется, пребывая в отношениях взаимной обусловленности со специфическими для каждой культуры средствами воплощения архетипической модели» [2].

В контексте исследований в области мифологии понятие «трикстер» определяют как демонически-комического дублёра культурного героя, наделённого чертами плута-озорника [5], «божественного шута» [9], медиатора [4], проводника в культурное пространство [10].

Задача трикстера, согласно П. Радину, состоит во «внесении беспорядка в порядок, и таким образом, создании целого, включении в рамки дозволенного опыта недозволенного» [9, 257]. Р. Н. Кулешов отметил, что «... на трюках построены многие мифы и архаические сказки, практически все сказки о животных, об одураченном чёрте, анекдоты о ловких ворах, об обманных договорах и т. д.» [3, 215]. «Трикстер – это та самая неожиданность, случайность, которая всегда некстати и которая всегда держит героев в напряжении, в готовности к ответному действию» [3, 216].

В свою очередь, Л. В. Прокопович акцентирует внимание на том, что «выйдя из контекста мифологии» и «преломившись в теории архетипов К. Юнга», понятие «трикстер» распространилось практически по всем направлениям гуманитарного знания. И везде это понятие дополняется новыми характеристиками и трактовками [8, 24].

В нашем исследовании мы будем придерживаться подхода П. Радина к изучению фигуры трикстера, так как автор понимает трикстера как универсальный, генеративный образ, имеющий общие характеристики и выполняющий сходные функции во многих культурах.

Ценность и универсальность образа трикстера для любого социума подтверждает множество примеров из истории культуры. В качестве таких примеров различные авторы (см. например, работы Т. Апинян, П. Радина, К. Юнга) приводят средневековый церковный карнавал, полтергейст, шута, шамана и лекаря, комические типы итальянских театральных представлений, клоунаду, Хаджу Насреддина, паяца, скомороха, Петрушку, Иванушку-дурачка, Арлекина и др. Д. А. Гаврилов разделяет трюкачей на классические

(к которым относят языческих богов (Локи, Один, Гермес, Велес) и традиционные персонажи (чёрт, Насреддин, Уленшпигель), и те, за которыми ранее не усматривались трикстерские свойства (Диоген Синопский, Одиссей, Илья Муромец, Мерлин, св. Николай) [1, 5].

В настоящее время отличительные признаки трикстера берутся в качестве основы и вкладываются в характеры персонажей различных литературных героев, а также героев массовой культуры – комиксов, кино и мультфильмов. Трикстер присутствует также в современной устной народной культуре – в анекдотах. Трикстеры в современной массовой культуре стали любимыми персонажами, они развлекают и удивляют людей своими неординарными поступками и яркими выходками, зачастую выступают образцом для подражания, поскольку их намерения связаны с борьбой за справедливость, лучшую жизнь.

Так, к плеяде современных трикстеров можно отнести героев популярных сериалов: волшебник Мерлин (Merlin), Доктор Хаус (House M.D.), Патрик Джейн (The Mentalist), Доктор Кэл Лайтман (Lie To Me), Доктор Спенсер Рид (Criminal Minds) и др.; персонажей комиксов: Джокер, Дэд Пул, енот Ракета и др.; мультипликационных персонажей: Тимон (The Lion King), конь Юлий (Три Богатыря), Маша (Маша и медведь), дракон Беззубик (How To Train Your Dragon) и др.; героев анекдотов: Вовочка, В. И. Чапаев, Л. И. Брежнев, Штирлиц, поручик Ржевский и др.

Данные наблюдения дают возможность признать, что отличительной чертой трикстера является факт его участия в юмористической коммуникации. Так, П. Радин обращает внимание на юмор трикстера как на один из самых примечательных его признаков. Во всех случаях юмор трикстера жесток и циничен, своими шутками он высмеивает всё окружающее, тем самым выказывая своё недовольство. Его юмор – это ирония или чёрный юмор, «смех с тенью ужаса на лице» [9, 8].

Иными словами, трикстер – это довольно непростая коммуникативная личность, демонстративно жаждущая зла, но в итоге всегда творящая добро. Его острый ум не уживается в тесных рамках нормальности, вследствие чего провоцирует антиобщественное поведение путём высмеивания тех или иных общественных устоев. Тем не менее, это всё же личность созидательная, стоящая на страже культурных ценностей.

Подводя итоги, отметим, что выделение и описание характеристик и функций трикстера имеет определённое значение для культуры в целом, вследствие чего это понятие не могло не проникнуть в другие культурные тексты, в частности, в произведения художественной литературы и тексты массовой культуры. Однако в исследовании семантической структуры лексемы «трикстер», в том числе её понятийной составляющей наблюдаются определённые пробелы, восполнение которых и является перспективой нашей дальнейшей работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилов, Д. А. Трикстер: лицедей в евроазиатском фольклоре / Д. А. Гаврилов. – М. : Социально-политическая мысль, 2006. – 239 с.
2. Кулешов, Р. М. Міфологема трикстеріади та її трансформація в посткласичній культурі: структурно-семіотичний аналіз / автореф. ... дис. канд. культурології – 26.00.01 – теорія та історія культури // Руслан Миколайович Кулешов. – Харківська державна академія культури. – Харків, 2008. – 20 с.
3. Кулешов, Р. Н. Функциональное значение образа трикстера в архаической традиции / Р. Н. Кулешов // Аналитика культурологи. – 2007. – № 7. – С. 214–218.
4. Леви-Стросс, К. Первобытное мышление [Текст] / К. Леви-Стросс. – М. : Республика, 1994. – 384 с.
5. Мелетинский, Е. М. Культурный герой [Текст] : энциклопедия / Е. М. Мелетинский // Мифы народов мира. Т. 2. – М. : Советская энциклопедия, 1992. – С. 25–28.
6. Новик, Е. С. Структура сказочного трюка / Е. С. Новик // От мифа к литературе. – М. : РГГУ, 1993. – С. 139–152.
7. Платицына, Т. В. Архетип трикстера в зарубежных исследованиях / Т. В. Платицына // Вестник Бурятск. гос. ун-та. – 2013. – № 10. – С. 151–154.
8. Прокопович, Л. В. Исследование театральности как черты коммуникативных функций литературных трикстеров [Текст] / Л. В. Прокопович // ScienceRise. – 2017. – № 10(39). – С. 24–27.
9. Радин, П. Трикстер. Исследование мифов американских индейцев с комментариями К. Г. Юнга и К. К. Кереньи / Пол Радин ; Пер. с англ. Кирющенко В. В. – СПб. : Евразия, 1999. – 288 с.
10. Чернявская, Ю. Трикстер, или путешествие в Хаос [Текст] / Ю. Чернявская // Человек. – 2004. – № 3. – С. 37–52.
11. Hyde L. Trickster Makes This World : Mischief, Myth, and Art / L. Hyde. – New York : Farrar, Strauss and Giroux, 1998. – 417 p.

SUMMARY

Anna Reshetarova. To the question of the semantic content of the lexical token «Trickster».

This article attempts to generalize interdisciplinary ideas about the concept «trickster» content. The research is held with respect to the humorous discourse studies on the example of the personality of the author working in the genre of stand-up comedy.

Key words: trickster, humorous discourse, communicative personality, stand-up comedy.

Санникова Екатерина

Научный руководитель – д. филол. н., доц. Шаталова О. В.
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический
университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского»,
г. Липецк, РФ

ОНОМАСТИКОН ПЕСЕННОЙ ЛИРИКИ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭПОХИ

Ономастика как лингвистическая наука занимается изучением сущности собственных имен – их возникновения, развития и связи со всеми уровнями бытования и бытия личности и общества. Определение особенностей распространения определенных антропонимов может способствовать углублению представлений о социально-исторических и культурно-этических аспектах развития общества в определенный исторический период.

Ключевые слова: *социолингвистика, антропоцентризм, песня, лирика, ономастикон.*

Теория имени собственного – ономастика – как отрасль общей лингвистики сложилась достаточно давно. Имена были предметом внимания учёных и философов с древнейшей эпохи и на Востоке, и на Западе, однако получить научный статус им удалось лишь во 2-й половине 1930-х гг. Этому поспособствовало проведение в 1938 в Париже первого международного ономастического конгресса [2]. Свой вклад в развитие ономастики внесли многие зарубежные и отечественные лингвисты. Из зарубежных лингвистов в первую очередь можно назвать А. Гардинера, А. Доза, П. Рэне, В. Тащицкого, А. Баха, В. Флейшера, В. Зейбке. Российские ученые, внесшие существенный вклад в развитие ономастики – это Н. М. Тупиков, А. М. Селищев, В. К. Чичагов, А. И. Соболевский, А. В. Суперанская, В. А. Никонов, В. Д. Бондалетов, Н. В. Подольская, А. Н. Антышев и др. [1].

Термин *ономастика* имеет два значения: комплексная наука об именах собственных и собственно спектр имен собственных, характеризующих общество определенного периода. Ономастика как лингвистическая наука занимается изучением сущности собственных имен, их функциональной специфики, возникновения, развития и связи со всеми уровнями, или ярусами языка, теоретическим и практическим значением самой ономастической науки [9]. Для нас представляют интерес именно антропонимы, так как каждый этнос в определенную эпоху имеет свой реестр личных имен.

Для оценивания обозначенного аспекта характеристики социума необходимо произвести отбор из текстов песенной лирики, содержащие антропонимы.

Песенная лирика, как жанр сам по себе очень древний, поэтому он хранит множество неразгаданных тайн и загадок. Песня – это живой голос народа, выражающий его национальный характер [4], говорящий о его жизни, обо всех его радостях и печалях. Такое метафорическое понятие как «душа народа» раскрывается именно в лирических песнях, которые изначально передавались из уст в уста, это та самая нить, которая соединяет наши поколения, далекое прошлое и настоящее.

Первичным результатом количественно-статистической обработки песенного материала, представленного в печатных сборниках [6; 7; 8], стал тот факт, что на каждые 100 песен, независимо от хронологического этапа развития культуры (XVIII, XIX, XX вв.), приходится больше имен женских, чем мужских. При обращении к анализу конкретного материала было также обнаружено, что приоритетные антропонимические номинативы в одинаковой степени распространяются в различных социальных микрокультурах.

Так, имя «*Мария*» символично и даже сакрально для многих культур, но особенно для русской. Это одно из самых популярных имен не только в реальном употреблении, но и в культурных объектах – в литературе, в песенном фольклорном и авторском творчестве. И хотя в православной традиции запрещено давать имя при крещении имя Божьей Матери, однако можно назвать девочку в честь одной из Святых: Марии Магдалины или Марии – сестры Лазаря. Однако если в произведениях русской литературы имя Мария используется в своей официальной форме (вспомним Марию – героиню «Полтавы» и Марию – героиню «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина), то в песне – жанре, ориентированном на личные переживания, чаще используются уменьшительно-ласкательные формы: Маша, Маруся, Муся, Маня:

- русская народная песня XVIII-XIX вв.: «Не велят Маше за реченьку ходить...» [6], «Ты не плачь, не плачь моя Маруся, я морскому делу научуся...» [5];
- литературная песня, получившая распространение среди простого народа и считающаяся народной: «Ах, об чем, голубка Маша, ты ручьями слезу льешь...» (автор слов – А. Корсак) [7], «Там с кувшином за водой Маша проходила, томный взор потупив свой со мной говорила...» (автор слов – А. В. Кольцов) [7];
- популярная песня XX в.: «Какая Марья без Ивана? Какая Волга без Руси?...» (автор слов и музыки – О. Анофриев) [8];

- популярная песня XXI в.: «Кукла Маша не плачь...» (исполнители – поп-группа «Иванушки Int.») [12];
- альтернативная музыка XXI в.: «Ты теперь моя навсегда моя, ты молчишь, а я улыбаюсь Мария» (исполнитель – группа «Король и шут»), «Мария – скрипачка из «Король и шут»...» (исполнитель – группа «Тараканы») [12];
- шансон XX-XXI вв.: «Мурка, ты мой Муреночек...» [6], «А женщина-врач хохотала. Я голос Маруськи узнал...» [6]; «Маню бросили на нары, щелкнули ключом...» (автор-исполнитель – А. Розенбаум), «Ты всех на свете краше Маша, Маша – я так хочу тебя обнять» (исполняет М. Шуфутинский) [12].

Несмотря на то, что имя Мария утрачивает свою сакральную символику прошлого, в современном понимании оно не перестает быть популярным как в полном своем варианте, так и уменьшительно-ласкательных формах, что позволяет предположить определенное внутреннее стремление культуры к сохранению значимых констант мышления и миропонимания.

Противоположную ситуацию – нивелирование имени – проследить на примере имени *Прасковья*. Это имя имеет просторечную форму «*Проскева*», а также уменьшительно-ласкательную форму – «*Параша*», которая неоднократно встречается как имя героинь Г. Р. Державина, А. С. Пушкина («Медный всадник», «Домик в Коломне»), И. С. Тургенева («Параша»). Однако уже в толковом словаре Д. С. Ушакова, появляется существительное «параша» («парашка») с неблагоприятным значением [10] и пометой «жаргонное», что, видимо, и послужило поводом для выхода имени из употребления, и современному поколению оно мало известно.

Полная форма имени «Прасковья» встречается в песнях с разной коннотацией: в XX в. это имя женщины-крестьянки, работницы, героини, вынесшей на своих плечах все тяготы сурового военного лихолетья: «Встречай, *Прасковья*, героя – мужа своего» (слова М. В. Исаковского, исполнитель – М. Бернес) [12]; в XXI в. имя становится своеобразным «модным трендом»: «Девушка *Прасковья*, из Подмосковья» (сл и исп. Uma2rman) [12], который, однако, не получает распространения в реальном употреблении, несмотря на тенденцию возрождения «старых» имен.

Таким образом, женские имена в песне выступают как обобщенные символы, характеризующие определенные типы. Тогда как мужские имена чаще встречаются в песнях, посвященных конкретным историческим личностям.

Например, одной из самых значительных исторических личностей XVII века был Степан Тимофеевич Разин – донской казак, предводитель восстания 1670-1671 годов, крупнейшего в истории

допетровской России. В сборниках нами обнаружены народные и авторские песни, посвященные ему:

- «Мы не воры, не разбойники, – Стеньки Разина мы помощники...» [6],
- «На переднем Стенька Разин обнявшись сидит с княжной» (слова Д. Н. Садовникова) [7],
- «Не придется Стеньке кликнуть клич казацкой голытьбе, как под городом Симбирском, – думу думает Степан...» (слова И. З. Сурикова) [7],
- «Не купец – казак я вольный, Стенька Разин – атаман!» (слова Д. Н. Садовникова) [7].

Известно, что и А. С. Пушкин также посвятил ему три песни, стилизованных под народные, а именно: «Как по Волге-реке, по широкой выплывала востроносая лодка...» («...На корме сидит сам хозяин, Сам хозяин, грозен Стенька Разин...»); «Ходил Стенька Разин в Астрахань-город торговать товаром; «Что не конский топ, не людская молвь...» [11], что говорит о заинтересованности писателя в этом герое.

Более детально оценить специфику употребления имени собственного в песенной лирике – перспективная задача.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матвеев, А. К. Ономатология / А. К. Матвеев. Российская акад. наук, Отделение ист.-филологических наук. – Москва : Наука, 2006. – 290 с.
2. Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2016); URL <https://bigenc.ru/> Дата обращения: 24.10.2019.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
4. Литературная энциклопедия : в 11 т. / отв. ред. В. М. Фриче, гл. ред. А. В. Луначарский. – М. : Советская энциклопедия, 1934. – Т. 8. – 736 с.
5. Популярные русские народные песни (Мелодии и тексты) // под ред. Бекебетовой В. Лапшиной Т. – М. : Музыка, 1996. – 128 с.
6. Русские народные песни / сост. Никогосов С. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 256 с.
7. Русские песни и романсы / [вступ. ст. и сост. В. Гусева; худож. Б. Тржемецкий]. – Москва : Художественная литература, 1989. – 542 с.
8. Сиреневый туман [Ноты] : песенник : любимые песни и романсы : для голоса и гитары / [предисл. и послесл. изд-ва]. – СПб. : Композитор, 2002. – 479 с.

9. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – Москва : Наука, 1973. – 367 с.
10. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.
11. URL <https://ilibrary.ru/> Дата обращения: 22.10.2019.
12. URL <https://www.gl5.ru/> Дата обращения 16.10.2019.

SUMMARY

Ekaterina Sannikova. Onomasticon song lyrics in sociolinguistic characteristics of the era.

Onomastics as a linguistic science is engaged in the study of the essence of proper names – their origin, development and connection with all levels of being and being of the individual and society. Determination of the distribution characteristics of certain anthroponyms can contribute to a deeper understanding of the socio-historical and cultural-ethical aspects of the development of society in a certain historical period.

Key words: sociolinguistics, anthropocentrism, song, lyrics, onomasticon.

ИЗБЫТОЧНОСТЬ КАК КОГНИТИВНАЯ УНИВЕРСАЛИЯ

Избыточность является универсалией мышления и мироустройства, а само понятие находит отражение в различных отраслях жизнедеятельности. В ряде наук избыточность является термином или его частью, понятием, качеством предмета (явления, процесса).

Ключевые слова: *избыточность, универсалия, мышление, наука.*

В лингвистических работах слово *избыточность* нередко употребляется в двух разных значениях: в качестве термина (вне оценочных категорий) и с дополнительным характеризующим (нередко отрицательным) значением. В связи с тем, что понятие избыточности на современном этапе разными лингвистами трактуется неоднозначно, отмечаем необходимость определения избыточности вообще и рассмотрения сути этого явления в различных сферах бытия, познания и мышления. Таким образом, актуальность изучения феномена избыточности как когнитивной универсалии не вызывает сомнений.

Толковые словари дают общее определение *избыточности* как свойства по значению прилагательного *избыточный*, т.е. «наличие чего-либо в количестве, превышающем потребность» [8, 636], как нечто излишнее, выходящее за пределы необходимого [6, 238]. В качестве синонимов слова *избыточный* (превышающий что-либо) предлагается использовать прилагательные *лишний, излишний, чрезмерный, неумеренный* [1, 155, 552], а также *ненужный, сверхштатный, сверхкомплектный, непомерный* [9, 126, 152, 415]. Такое значение слова находит отражение в словосочетаниях *избыточный вес, избыточный резерв, избыточная активность* и т.д.

Однако в ряде наук *избыточность* является термином или его частью, понятием, качеством предмета (явления, процесса).

Так, в биологии учёными активно изучается феномен избыточности (вырождённости). Генетический код, выраженный в кодонах (триплетах), представляет собой систему кодирования информации о строении белков, присущую всем живым организмам планеты. Каждому триплету (тройке нуклеотидов) в цепочке ДНК

соответствует определенная аминокислота в составе белка. Сами же кодоны по своей структуре избыточны – троичность страхует их от мутации, то есть ошибки. Всего имеется 64 кодона, они кодируют только 20 аминокислот, поэтому многие из аминокислот кодируются несколькими кодонами. Таким образом, биологический смысл вырожденности – «это избыточность информации, которая обеспечивает устойчивость кода к помехам внешней среды» [12, 162].

В информатике сталкиваемся с понятием *избыточности баз данных*, что вызывается, прежде всего, дублированием информации в нескольких записях таблицы. Это ведёт не только к увеличению объема памяти, необходимого для физического хранения отношений, но и к проблемам, связанным с обработкой информации. Для устранения такого недостатка применяется процесс нормализации отношений. В информатике избыточность такого рода относится к нежелательным явлениям.

Понятие избыточности используется и в технической деятельности. «Большая советская энциклопедия» определяет *избыточность* как «наличие в техническом устройстве возможностей сверх тех, которые могли бы обеспечить его нормальное функционирование» и выделяет частные виды избыточности – аппаратная, информационная, временная, энергетическая [3, 52]. Подобное понятие *избыточности* применяется в теории надёжности, где наличие естественной и искусственной избыточности является одним из основных свойств современных технических и информационных систем [7, 68]. И порой применение избыточности в процессе проектирования является единственным способом обеспечения требуемой надёжности. В теории надёжности также существует понятие резервирования – это «метод повышения надежности объекта введением избыточности, т.е. введением дополнительных средств, сверх минимально необходимых для выполнения объектом заданных функций» [11, 26]. Элементарными примерами частного варианта создания избыточности (резервирования) с позиций надёжности могут послужить ручной тормоз на автомобиле, запасное колесо, сдвоенные колёса на грузовых автомобилях. При отказе или выходе из строя одного из основных элементов дублёр выполняет его функции, и это повышает надёжность всей системы, т.к. позволяет ей нормально функционировать.

В теории информации «наличие избыточности в записи сообщений какого-либо источника информации проявляется в возможности записать эти сообщения в среднем более кратко, используя те же самые знаки» [3, 52]. «Избыточность измеряет в некотором смысле, насколько может быть уменьшена длина

некоторого текста в данном языке без потери какой-либо части информации» [4, 333]. Избыточность информации (наряду с полнотой, актуальностью, адекватностью и т.д.) относится к свойствам, характеризующим степень соответствия информации потребностям пользователя. При этом в одних случаях избыточность ведет к уменьшению скорости передачи сообщений, снижает эффективность использования канала связи. В других случаях избыточность приводит к увеличению объема памяти, в результате чего появляется необходимость в сжатии сообщений посредством соответствующего кодирования. Так, например, при передаче телеграммы из текста исключаются знаки препинания, союзы, предлоги, так как они легко восстанавливаются на основании известных правил построения фраз и слов. Однако избыточность информации не всегда является отрицательным свойством. Она бывает полезной для обеспечения требуемой надежности систем, а также необходима для повышения помехоустойчивости передачи сообщений, для чего её вводят искусственно в виде добавочных символов. Информационная избыточность, заключенная в тексте, позволяет восстановить значение неразборчивых символов, т.е. используется для повышения достоверности передачи информации. И чем выше избыточность источника, тем более устойчиво само сообщение к возможным помехам.

В науке о языке понятие избыточности стало широко применяться после заимствования именно из теории информации.

Одним из основных понятий психологической теории коммуникации является понятие «прагматическая избыточность», или паттерн коммуникации – избыточность, повторяемость действий, содержащих определённую узнаваемую последовательность [2, 35]. Сучкова Г. М., автор работы «Прагматическая избыточность в сфере коммуникативного взаимодействия», проводит анализ паттерна коммуникации посредством лингвистических категорий. С точки зрения лингвистики, прагматическая избыточность – это языковые средства, которые оформляют определённые типы поведения и включают в себя «повторяющиеся взаимообмены репликами с одинаковым исходом, повторяющиеся особенности словоупотребления, синтаксические конструкции и др., т.е. весь языковой арсенал, с помощью которого фиксируется определённое поведение коммуникантов, описывается ситуация, «рисуются» образ человека (людей), участвующего в коммуникации» [10, 245]. Такой повторяющийся взаимообмен репликами с одинаковым исходом имеет несколько оснований: это и способ избежать потерь информации, и возможность обратить внимание оппонента на важность, значимость содержания беседы, и необходимость «настоять на своём», желание использовать манипуляцию и т.п.

[10, 250]. Именно поэтому избыточная прагматическая форма – не дублирование, «не лишний элемент, а потенциальная возможность привлечь все мыслимые элементы того понятия или представления, о котором идёт речь» [10, 250]. В то время как избыточность за пределами прагматики представляет собой нечто лишнее, имеющее тавтологический характер, выраженное дополнительным синтаксическим элементом или другой единицей, дублирующей основную форму [10, 250].

В риторике *избыточность* рассматривается как риторическая фигура, относящаяся к отклонениям (заметное для читателя изменение нормы). Таким образом, избыточность в науке о красноречии «направлена на то, чтобы привлечь внимание читателя к самому факту сообщения, а не к содержанию последнего» [5, 81]. В то же время авторы «Общей риторики» рассматривают избыточность как «особенность языка, которая направлена на то, чтобы обеспечить языковым сообщениям определённый иммунитет к ошибкам, возникающим при передаче информации» [5, 74].

Таким образом, *избыточность* является универсалией мышления и мироустройства, а само понятие находит отражение в различных отраслях жизнедеятельности. Особое значение феномен избыточности имеет в информационных технологиях, ориентированных на автоматическую обработку данных, где является недостатком. В биологии, риторике, проектировании технических устройств, в психологической теории избыточность воспринимается и функционирует как гарантия или подстраховка в осуществлении определённых процессов. В теории информации наблюдается некоторая двойственность оценки избыточности, которая воспринимается с одной стороны как недостаток, а с другой – как важная составляющая сообщения. Как видим, в некоторых науках и отраслях жизнедеятельности избыточность воспринимается как необходимое или желательное условие, в то время как в других – подразумевается как компонент с отрицательной оценочной характеристикой, указывающий на то, что тот или иной элемент является лишним, ненужным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка : Практический справочник : Ок. 11000 синоним. рядов / З. Е. Александрова. – 11-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 2001. – 568 с. – ISBN 5–200–02871–Х.
2. Вацлавик, П. Избыточность / Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. // Психология межличностных коммуникаций. – СПб., 2000. – С. 35–44.
3. Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т.10. Ива–Италии / ред. А. М. Прохорова. – 3-е изд. – Москва : Советская энциклопедия, 1972. – 592 с.

4. Клод Шеннон Работы по теории информации и кибернетике / Клод Шеннон. – Москва : ИЛ, 1963. – 832 с. (Перевод В. Ф. Писаренко).
5. Общая риторика : Пер. с фр. / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон [и др.], общ. ред. и вступ. ст. А. К. Авеличева. – Москва : Прогресс, 1986. – 392 с.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с. – ISBN 978-5-9900358-6-7.
7. Половко, А. М. Основы теории надёжности / А. М. Половко, С. В. Гуров. – 2-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург : БХВ-Петербург, 2006. – 704 с. – ISBN 5-94157-541-6.
8. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 1. А – Й / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – Москва : Русский язык, 1985. – 696 с.
9. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50000 слов / под ред. А. С. Гавриловой. – Москва : Аделант, 2013. – 800 с. – ISBN 978-5-93642-341-3.
10. Прагматическая избыточность в сфере коммуникативного взаимодействия / Г. М. Сучкова // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2007. – № 3-II. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskaya-izbytochnost-v-sfere-kommunikativnogo-vzaimodeystviya-1> (дата обращения: 16.10.2019).
11. Федотов, А. В. Основы теории надежности и технической диагностики: конспект лекций / А. В. Федотов, Н. Г. Скабкин. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2010. – 64 с.
12. Фрадкин, Г. Е. Возможные механизмы действия ионизирующей радиации на информационные свойства / Г. Е. Фрадкин // Нуклеиновые кислоты и биологическое действие ионизирующей радиации : материалы симпозиума (Москва, 12-19 декабря 1965 г.). – Москва : Изд-во «Наука», 1967. – С. 161–164.

SUMMARY

Vlada Svetlichnaya. Redundancy as a cognitive universal.

The article deals with the concept of redundancy as a cognitive universal. As a result of the analysis of a sufficient number of reference and scientific works, it was found that in some sciences and branches of life, redundancy is perceived as a necessary or desirable condition, while in others it is understood as a component that has a negative assessment, indicating that a particular element is superfluous, unnecessary.

Key words: redundancy, universal, thinking, science.

Смоляк Кристина

Научный руководитель – к. филол. н., доц.
кафедры русского языка Юрьева Е. В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»,
г. Донецк, ДНР

РЕЧЕВЫЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА МАСС-МЕДИЙНОГО ТЕКСТА

В связи с жанровыми особенностями масс-медийных текстов любое использование речевых средств в них является стратегическим замыслом адресанта. В статье рассматриваются основные средства воздействия на адресата масс-медийного текста.

Ключевые слова: адресант, адресат, масс-медийный текст, воздействие.

Речевое воздействие в СМИ – это влияние на потребительскую аудиторию при помощи языковых средств для достижения поставленной адресантом цели. СМИ способны как формировать общественное сознание, так и деформировать его. Речевое воздействие реализуется посредством разнообразных приемов, например: использование экспрессивной лексики, языковая игра, интертекстуальность и т.д. [1, 129].

1. Экспрессивы в масс-медиа

Эмоционально-оценочная лексика

«**Лидер** оптовой торговли» (<https://uk-ua.facebook.com/headhuntergroup/posts/10157467778548552>) или

«**Пьяный** москвич устроил стрельбу из травмата во дворе дома» (https://life.ru/t/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/1250088/piany_moskvich_ustroil_strielbu_iz_travmata_vo_dvorie_doma).

Разговорная лексика

«**Хорошечно**» – изображение пивовара Пана Гуса из рекламного ролика о пиве («Жатецкий гусь» с подписью «Хорошечно») (<https://thequestion.ru/questions/356053/chto-za-mem-khoroshechno-otkuda-on-poshyol>). Данное слово является псевдочешским и было создано рекламистами в 2016 году для привлечения внимания аудитории.

Просторечная лексика

Такие слова, как «менты», «поножовщина», «впарить» (в значении навязать), «слить» и т. д., придают тексту оттенок непринужденного общения, уменьшают дистанцию между адресантом и адресатом.

Жаргонизмы

Шампунь «Head&Shoulders»: «Он накроет тебя ураганом **улетной свежести**» (<http://www.sloganbase.ru/index.php?PageID=21&cat=23&pageID=4>).

Иронические высказывания

«Если вы не двигаетесь, вы толстеете. Немецкая Олимпийская Спортивная Конфедерация» (<http://www.happy-giraffe.ru/user/13569/blog/post30226/>).

Метафоры

Языковые курсы Berlitz: «Будь частью разговора, а не фоном» (<https://www.adme.ru/tvorchestvo-fotografy/25-primerov-reklamy-kotoraya-probuzhdaet-emocii-i-poetomu-rabotaet-1982565/>).

Сравнение

«Звук как колючая проволока. Сигнализация Max» (<https://www.adme.ru/tvorchestvo-reklama/luchshaya-reklama-goda-597205/>).

«Книги в парках. Читаем как дышим»

(http://bookmaps.ru/i/social/park_1.jpg)

Олицетворение

«Жвачка Wrigley's 5: Пробудите ваши чувства» (<https://www.adme.ru/tvorchestvo-reklama/luchshaya-reklama-goda-597205/>).

«Миром **правит** загар. А ты загорел?» (<https://avatars.mds.yandex.net/get-pdb/214107/29636301-dabb-4eeb-b1f2-49a7a12bec75/s800>).

«BIC: клей **помогает** воссоединиться» (<https://www.adme.ru/tvorchestvo-reklama/28-dokazatelstv-togo-chto-reklama-samyj-moschnyj-vid-iskusstva-1654065/>).

Эвфемизмы и дисфемизмы

«Высокая мода для **пышных красавиц**. «Natura», женская одежда больших размеров» (<http://www.vvb.com.ua/catalog/7324>).

Намек

«Пишите смс за рулем ...» Бюро Ритуальных услуг (<https://www.adme.ru/tvorchestvo-reklama/28-dokazatelstv-togo-chto-reklama-samyj-moschnyj-vid-iskusstva-1654065/>).

«Пей, кури. Естественный отбор уже начат ... Костромской похоронный дом» (<http://humor.fm/1599-besposchadnaya-russkaya-socialnayareklama.html>).

Препозиционные определения

«Хороший русский язык **помогает**» (<https://1soc.ru/news/view/429>).

Постпозиционные определения (эффект края)

«Мой муж самый лучший. Надежный, верный, трезвый» (<http://трезвый-город.рф/>).

2. Интертекстуальность

Цитация и аллюзия (либо дословное заимствование из какого-либо сочинения, либо намек на общеизвестные факты или художественные произведения) «Есть вещи, которые нельзя купить. Для всего остального есть MMasterCard» (<http://adding-machine.ru/slogan-manipulator-mastercard.html>).

«В лесу родилась елочка, ... так пусть она там и растет!» (<http://newsvo.ru/rubrics/obschestvo/2011/12/14/11%3A42%3A49.html>).

«*Читать не вредно, вредно не читать*» (http://alldayplus.narod.ru/2011/4_29/49.jpg).

Фразеологизмы

«*Огонька не найдется? Спрашивайте каждую неделю в киосках страны*», «*Утром деньги – вечером доллары*» и «*Больше знаем – меньше стоим*» (<https://www.sostav.ru/news/2011/03/22/cod5/>).

Афоризмы

«*Газеты – консервы времени*», – Карл Краус (<https://socratify.net/quotes/karl-kraus/25469>).

3. Языковая игра

Каламбур (основан на омонимии)

«*С таким подарком чокнуться можно*» (речь идет о бокалах) (<https://www.sostav.ru/news/2007/12/17/1r/>).

Окказионализмы

«*Приключайся по-вкусу!*» (Малабар) (<https://inkompmusic.ru/?song=Malabar+%E2%80%93%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B0%D0%B9%D1%81%D1%8F+%D0%BF%D0%BE+%D0%B2%D0%BA%D1%83%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D1%83>).

«*Такиеспичкино*» или «*Всегдаберукино*» (Реклама макарон «Шебекинские») (<https://www.youtube.com/watch?v=KFNnEDEkP6k>).

Употребление слов в переносном значении

Моторное масло Avia Turbo: «*Заставьте ваших лошадок мурлыкать*» (<https://www.adme.ru/tvorchestvo-fotografy/25-primerov-reklamy-kotoraya-probuzhdaet-emocii-i-poetomu-rabotaet-1982565/>).

Трансформация прецедентных единиц

«*Хороший подарок стоит свеч*» (<https://www.sostav.ru/news/2007/12/17/1r/>).

Контаминация (междусловное наложение)

Корреспондент: «*Добро пожаловать в Москвабад*» (<https://korrespondent.net/world/russia/3203591-korrespondent-dobro-pozhalovat-v-moskvabad>).

Изучив вышеперечисленные примеры, мы пришли к выводу, что адресант использует наиболее эффективные средства и приемы, благодаря им он манипулирует сознанием адресата, скрыто внедряя в психику своего дестинатора мнения, установки, определённые цели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стеценко, Н. М. Речевое воздействие в медийном тексте / Н. М. Стеценко, Е. В. Юрьева. – Донецк: ДонНТУ, 2007. – 172 с.
2. Юрьева, Е. В. Манипуляция и условия эффективности дискурса социальной рекламы // Litera. – 2016. – № 3. – С. 1 – 5. DOI: 10.7256/2409-8698.2016.3.19681 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19681

SUMMARY

Kristina Smolyak. Speech means of influence on addressee of mass-media text.

Any use of speech means in media texts is the strategic influence on the addressee. The article discusses the main means of influence on the addressee of the media text.

Key words: addresser, addressee, media text, influence.

Соловцова Елена

*Научный руководитель – д. филол. н., проф. Теркулов В. И.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР*

СЕМАНТИЧЕСКИЕ АНАЛОГИ ПЕРФОРМАТИВОВ В СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В предлагаемой работе анализируются различные способы выражения перформативности высказывания; рассматриваются семантические эквиваленты перформативов.

Ключевые слова: перформативность, перформативный глагол, речевое взаимодействие.

Перформативность как лингвопрагматическое явление реализуется в коммуникативном контексте перформативного высказывания. Ядро такого высказывания формирует *перформативный предикат*, который называет действие какого-либо речевого акта и эквивалентен воспроизведению этого действия в момент произнесения. Перформативные высказывания реализуют каноническую перформативную формулу с местоимением «я» и перформативным глаголом в форме настоящего времени изъявительного наклонения активного залога, после которых имеется пропозициональная часть, указывающая на желаемое, предполагаемое или существующее положение дел. Перформативная часть высказывания содержит перформативный глагол и местоимения, связанные с говорящим и адресатом: *Я вас умоляю, напишите: ничего подобного не было* [Е. Черных. Вангу раскручивали спецслужбы, чтобы получать информацию о ее клиентах // Комсомольская правда, 2014.08.07]; *Я запрещаю так называемые «благотворительные взносы» для поступления в школу* [А. Рябцев. Директоров увольняют за поборы // Комсомольская правда, 2005.05.29].

Данная грамматическая форма является типичной для репрезентации перформативного значения высказывания, тем

не менее, значение перформативности может быть представлено эксплицитно семантическими эквивалентами, синонимичными классической перформативной форме. Выделяем следующие семантические аналоги перформативов:

1) модальный компонент *хочу, могу, смею, позволю, должен, готов, рад, возьму на себя смелость* + инфинитив перформативного глагола = эксплицитный перформатив в классической форме: *готов обещать – обещаю, смею приказать – приказываю, должен требовать – требую*.

В процессе социальной интеракции внимание реципиента сконцентрировано на интенциональном содержании инфинитива, способного функционировать как перформатив, потому действие высказывания воспринимается как реальное: *Единственное, что могу обещать, – команда будет работать усердно, и мы постараемся сыграть настолько хорошо, насколько это возможно* [А. Сычев. Димитрис Итудис возглавил баскетбольный ЦСКА // Известия, 2014.06.19]; *А для самых состоятельных дам осмелюсь предложить два супер непрактичных, смелых, и даже нереальных зимних look: рысь, леопард, розовый с ног до головы и total white* [Л. Ленина. Модные тенденции осень-зима 2013/2014 // Комсомольская правда, 2013.08.20];

2) сочетание императива с инфинитивом, образованным от перформативного глагола: *позвольте пожелать, позвольте пригласить* и т. д.: *Позвольте пригласить вас в машину, – повел рукой в сторону «козла» начальник* [А. Мешков. В Баку трусами торговали, а нас шпионами признали... // Комсомольская правда, 2006.03.13]; *Позвольте пожелать вам еще более плодотворного труда, успехов в работе, радостных будней и праздников, семейного тепла, благополучия и любви!* [И. Архипов. Владимирские инвентаризаторы отмечают профессиональный праздник // Комсомольская правда, 2009.05.19].

Эквивалентами перформативных глаголов являются сочетания *пришел просить / пришла просить* (= прошу): *А вот я пришел просить Александра Невского освободить Россию от террористов!* [Е. Лебедева. У Александра Невского просят спасения даже от террористов // Комсомольская правда, 2007.09.22]; *Мы пришли просить скидку, во всем городе аренда падает, а в «Антее» нет* [Екатеринбургские чиновники делят мусор! – Самые крутые слухи недели // Новый регион 2, 2009.07.06];

3) лексические эквиваленты эксплицитных перформативных глаголов. Перформативность данных единиц объективируется не грамматической формой, а семантически. Поскольку перформативная формула (речевой акт) имеет преимущество над перформативным глаголом, в отдельных случаях в составе таких

формул перформативный статус приобретают другие глагольные формы и даже неглагольные лексемы [1, с. 203]. Например:

– *спасибо* как эквивалент *благодарю*: **Спасибо** французам, если они тогда так высоко оценивали помощь России [КП. Первая мировая: 1914 – 1918 гг. от фронта до тыла // Комсомольская правда, 2014.08.01]; *Теперь я в курсе ситуации и слежу за развитием. Спасибо* всем, кто был неравнодушен [А. Инешин. Тетя Натальи Водяновой стала бездомной // Комсомольская правда, 2014.06.11];

– *молодец* как эквивалент *хвалю*: *Раз Барак Обама говорит, что США не участвуют в событиях на Украине, значит, так оно и есть! Молодец!!! Настоящий американский подход!* [С. Афанасьева. Почему умолк мир? // Известия, 2014.05.07];

– *прошу прощения – извините*: *Я прошу прощения, Михаил Ефимович, вот вы ставите задачу удвоения ВВП. Вы мне говорите: щупайте министров, но я ничего не нащупываю* [Н. Ефимович. Министр Греф – премьеру Фрадкову: «Вы мне говорите: щупайте министров, но я ничего не нащупываю!» // Комсомольская правда, 2005.06.30];

– *до свидания – прощайся*: *Зоя ничего не ответила. Она встала: «До свидания, Владимир Николаевич. Саша позвонит вам сегодня вечером, вдруг будут новости»* [В. Абрамов. «Ред Стар» просил провести психическое освидетельствование Бубнова // Советский спорт, 2013.02.15].

Как свидетельствует иллюстративный материал, такого типа параллели имеют широкое применение при использовании этикетных конструкций. Именно поэтому большинство из них эксплицируются экспрессивными перформативными глаголами;

4) *девербативы* как *экспликаторы перформативности*: *совет, просьба, запрет, приказ, рекомендация* (могут употребляться с определениями- конкретизаторами): **Большая просьба, поддержите нас. В нашей команде будет работать множество тренеров-селекционеров** [Т. Гансеев. «Наша первая задача – выиграть чемпионат мира в Минске» // Известия, 2014.03.28]; *Вы идете на борт, это приказ. Вы не должны делать никаких других оценок* [Н. Шмакова. Сбежавший капитан отказывался вернуться на борт тонущего лайнера // РИА Новости, 2012.01.17].

Отдельные дескриптивные глаголы в определенных прагматических условиях могут актуализировать семантические компоненты, присущие перформативу, реализуя таким образом признаки перформативности. Такие глаголы называются *квазиперформативы* (*окказиональные перформативные глаголы*): *Вы знаете, вся эта история через мои слезы прошла. И я низко кланяюсь* тем, кто нам помог [А. Зайцева. Тужинцы помогли спасти 1,3-годовалую Дашеньку // Комсомольская правда, 2011.03.12] (*кланяюсь* – *благодарю*); **Кланяюсь Ирине**

Александровне, сохранившей музей, приветствую Марину, которая музей будет хранить [М. Кантор. Хранители // Известия, 2013.07.03] (*кланяюсь* – *прощаюсь*); *Кланяюсь всем с просьбой: если это «что-то» найдется, пишите немедленно нам в газету* [В. Песков. Бунинские места // Комсомольская правда, 2002.10.25] (*кланяюсь с просьбой* – *прошу*); *В палате я один и в идеальных условиях. Все в порядке, обнимаю!* [Ю. Хожателева. Владимир Конкин: «Я еще узкоколейку достраиваю, а вы переполошились» // Комсомольская правда, 2013.03.19] (*обнимаю* – *прощаюсь*).

Рассмотренные семантические аналоги перформативных высказываний отличаются компонентным составом элементов, которые их образуют, а также оттенками значения, однако все они характеризуются единым семантико-прагматическим значением, состоящим в осуществлении коммуникативного действия, субъект которого нацелен на реализацию определенной иллокутивной цели речевого акта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре / Ю. Д. Апресян // Избранные труды. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 2. – С. 199–218.
2. Максимов, С. Е. Прагматическая доминанта текста и дейксис / С.Е.Максимов//Высказывание и дискурс в прагматическом аспекте. – К. : КГПИИЯ, 1989. – С. 62–67.
3. Падучева, Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.

SUMMARY

Elena Solovtsova. Semantic equivalents of performatives in the Russian language system.

The paper deals with the analyses of different ways expressing the performativity of the utterance; semantic equivalents of performatives are investigated.

Key words: performativity, performative verb, communicative interaction.

Сяоюй Тянь

*Научный руководитель – д. соц. н., проф. Барков С. А.
МГУ имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, РФ*

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ПЕРЕВОДА НА СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКО-РОССИЙСКИХ МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

В настоящей статье представлен анализ проблем перевода в российско-китайских многонациональных компаниях, которые в настоящее время имеют большую актуальность ввиду быстрого развития российско-китайских отношений. Предложенные пути решения данных проблем показывают, что в настоящее время не все компании учитывают языковые барьеры как проблему ведения бизнеса на международном уровне.

Ключевые слова: *перевод, Россия, Китай, многонациональные компании, языковой барьер.*

Язык, если не самое важное препятствие в межкультурном общении, вероятно, является наиболее очевидным препятствием для эффективного международного делового общения. Цель настоящей статьи – анализ проблем перевода в российско-китайских многонациональных компаниях, а также важность языковых компетенций в многонациональных компаниях и способы управления такими компетенциями. Компетенции могут рассматриваться как важный элемент бизнес-стратегии компании в соответствии с языковыми навыками забытым фактором в многонациональной компании.

Управление языками определяется как «степень, в которой компания способна удовлетворить свои языковые потребности посредством использования средств управления языками, включая, например, языковое обучение и экспатриацию» [1, 191–196].

Коммуникация в эпоху глобализации является главной составляющей успеха мультинациональной компании. Используя различные формы общения, работники предприятия общаются между собой, ведутся переговоры, удовлетворяются потребности клиентов, что дает возможность сотрудничества и деятельности при ведении бизнеса. Коммуникация не гарантирует, что сообщение понято всеми субъектами коммуникации, поэтому информация должна быть ясной и простой.

Коммуникация связывает сотрудников, отделы и в всю компанию в целом. Это позволяет передавать информацию между

сотрудниками, руководством, различными отделами и офисами. Надлежащим способом укрепления двусторонней связи является организация, которая обеспечивает хороший поток информации на понятном всем сотрудникам языке [3, 41–44].

Общение может быть вербальным и невербальным. Первое из них принимает форму телефонных или личных переговоров, отчеты, письма электронной почты и сообщения руководства, в то время как невербальный включает в себя локальные документы организации. Межличностное невербальное общение заключается в поведении сотрудников при общении. Все эти факторы имеют жизненно важное значение при ведении переговоров и работе компании.

«Эффективная внутренняя коммуникация связана с обменом информацией внутри организации для создания общего понимания, которое стимулирует поведение и действия, необходимые для продвижения бизнеса вперед».

В настоящее время существует четыре основные проблемы, с которыми сталкиваются предприятия. Наиболее серьезной проблемой, с которой сталкиваются компании, является языковой барьер, затем культурные различия, затем различные часовые пояса и, наконец, различные диалекты языка.

Языковой барьер является одной из основных проблем, которые влияют на управление бизнесом. Малое значение уделяется языковым проблемам, деловой практике и теории, некоторые ученые даже описывают его как «Забытый фактор», «Изгой в корпоративном управлении» и «Самая забытая область в управлении» [4, 41–44]. Все эти выражения подчеркивают широкий спектр негативных последствий, которые могут возникнуть, если халатность в отношении этих вопросов будет продолжаться.

Более рациональным и очевидным ответом на языковой барьер является использование внешних ресурсов, таких как переводчики, и, безусловно, есть много отличных компаний, специализирующихся в этих областях. Однако такой ответ ни в коем случае не является решением проблемы языкового барьера. Для начала эти услуги могут быть очень дорогими, так как ведущий синхронный переводчик назначает ежедневные тарифы на уровне, равном партнеру в международной консалтинговой компании. Во-вторых, любой хороший переводчик будет настаивать на том, что для полной эффективности он должен понимать природу и вид коммуникации внутри организации. Это не всегда возможно. В некоторых случаях это невозможно из-за сложности/специализации отношений, иногда из-за нехватки времени на подготовку, но чаще всего препятствием является нежелание сторон объяснять более широкий контекст, то есть часть корпоративной тайны «постороннему». Другая проблема заключается в том, что, если между переводчиком и его

клиентами не было значительного предварительного планирования, вполне вероятно, что в исходных сообщениях, с которыми должен работать переводчик, будет неоднозначность и несоответствиям лингвокультурной окраски информации. Это явно вводит потенциальный источник недопонимания в процесс коммуникации. Наконец, хотя хороший переводчик попытается передать не только смысл, но и дух любого общения, не может быть никаких сомнений в том, что теряется риторическая сила, когда общение происходит через третью сторону.

Отсутствие достаточной компетенции в языке может привести к недоразумениям, что, в свою очередь, приводит к большим финансовым потерям. Корпорации теряют своих потенциальных клиентов и реальные предприятия из-за отсутствия достаточных знаний на разных языках. Потерянные сделки приводят к потерям в общем доходе бизнеса, потерям в отдаче от инвестиций за рубежом и могут даже разрушить имидж компании.

Это всего лишь несколько примеров, которые показывают ключевую роль, которую играет язык при ведении бизнеса. Халатность по отношению к решению данных проблем в области показывает важность в многонациональных компаниях.

Успешные деловые переговоры обычно требуют знания языка на очень высоком уровне. Это связано с тем, что основополагающие документы организации не всегда переводятся на оба языка. В данном случае необходим перевод в соответствии с особенностями того или иного языка. В противном случае отсутствие знания языка приводит к плохо структурированным соглашениям, что приводит к неправильному пониманию юридических терминов на другом языке. Они несут негативные последствия, которые будут замечены в будущем, после заключения контракта. Эта ошибка еще более болезненна в странах, где уровень юридических операций находится на низком уровне.

Продвинутые языковые навыки обеспечивают основу для доверительных отношений с клиентами, персоналом и партнерами. Обладая этими навыками, появляется возможность улучшать связи с текущими рынками и развивать новые, полностью осознавая потребности и требования клиентов. Знание языка является одним из наиболее важных факторов, которые улучшают отношения с зарубежными партнерами. Продвинутые языковые навыки также позволяют быстрее развивать доверие, чем в тех случаях, когда не хватает знания определенного языка. Недоверие в деловых отношениях препятствует или снижает доход компании. Недостаток доверия часто возникает в ситуациях, когда международные клиенты чувствуют страх и опасность незнакомого языка [5, 437–442].

Непосредственной и понятной реакцией на любую нехватку навыков в бизнесе является рассмотрение вопросов развития

персонала, и, безусловно, индустрия языкового обучения хорошо развита, предлагая программы практически на всех уровнях и на разных языках. Тем не менее, не сомневаясь в ценности языкового обучения, ни одна компания не должна вводить себя в заблуждение, полагая, что это обеспечено успехом. Обучение в большинстве компаний ориентировано на экономический цикл. В хорошие времена деньги вкладываются в обучение. В настоящее время большинство крупных компаний заявляют, что языковое обучение является приоритетом в эпоху глобализации.

Альтернативой индивидуальной программе обучения (в которой разные люди проходят обучение на разных языках) является принятие единого корпоративного языка. Затем весь набор и развитие персонала могут быть направлены на достижение требуемых стандартов на этом выбранном языке. Ряд крупных многонациональных компаний приняли эту стратегию. Корпоративный язык может иметь ряд важных преимуществ [2, 81–89]:

1. Содействие в формальной отчетности;
2. Простота доступа и обслуживания технической литературы, документов о политике и процедурах и информационных системах;
3. Содействие неформальному общению между оперативными подразделениями и внутринациональными командами;
4. Воспитание чувства причастности как элемента распространения корпоративной культуры;
5. И, конечно же, это направлено на решение языковых проблем.

Еще одной проблемой языка в мультинациональной компании является то, что сотрудники, которые не обладают достаточными знаниями в том или ином языке, рассматриваются как менее продуктивные. Это приводит к тому, что компании становятся менее успешными на рынке, чем в случае продажи продуктов и ведения бизнеса со странами, которые используют один и тот же язык [2, 81–82]. Говоря на иностранном языке, сотрудники могут испытывать недостаток уверенности в себе. Эти барьеры влияют на отношения между коллегами по работе, что в результате может привести к снижению эффективности работы предприятия.

Управленческие должности всегда требуют хорошего знания языка другой компании. Есть определенные навыки, которые совершенно невозможно получить, например, работникам часто не хватает риторических навыков, которые будут отражать культурный окрас русского или китайского языка, например, юмор, культурные аналогии и т.д. Чтобы иметь возможность выполнять эти характеристики, сотрудник должен иметь высокий уровень знания языка. Недоразумения – это последствия отсутствия риторических навыков, которые вызывают беспокойство и неуверенность.

Сотрудники, особенно те, которые работают на более высоких должностях в качестве международных менеджеров, не хотят, чтобы их воспринимали как людей, не обладающих интеллектом, с пустыми головами или плохо информированных, поэтому менеджеры, имеющие высокий статус, всегда имеют хорошие знания конкретного языка.

Однако отсутствие знаний и гордости приводит их к серьезным ошибкам, таким как подписание контрактов, которые они едва поняли. Эти действия ослабляют доверие между компаниями. Более того, такие люди могут показаться непредсказуемыми, обманчивыми и ненадежными для других.

Таким образом, коммуникация является основным фактором, который позволяет передавать информацию, результаты переговоров и повседневной деятельности при ведении бизнеса. Это также часть «лица» компании, поэтому хорошее языковое управление в настоящее время приобретает большую важность в процессе деятельности компании. Международное общение сталкивается со многими препятствиями, связанными с культурными различиями и разнообразием языков в мире. Неправильное общение влечет за собой последствия в виде упущенных возможностей, недоверия, беспокойства, неуверенности и, самое главное, финансовых потерь. В некоторых случаях отсутствие достаточных знаний языка может привести к недоразумениям, которые, в свою очередь, приводят к большим потерям денег, потере потенциальных клиентов, что приводит к снижению оборота компании и даже банкротству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Копылова, С. С. Языковой барьер в деловом общении и бизнесе / С. С. Копылова // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – №5–6. – С. 191–196.
2. Кушнир, О. Н. К вопросу о корпоративном языке и корпоративной норме в контексте документной коммуникации / О. Н. Кушнир // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2018. – № 5(86). – С. 81–89.
3. Малыгин, В. Т. Лексические барьеры в межкультурной коммуникации / В. Т. Малыгин, Д. С. Орлова // Вестник НовГУ. – 2015. – № 4–1(87). – С. 179–182.
4. Михельсон, С. В. Культурные и коммуникативные (языковые) барьеры в международном бизнесе / С. В. Михельсон // Вестник ЧелГУ. – 2016. – № 8(390). – С. 41–44.
5. Павлюк, А. К. Сравнение этикета деловых переговоров западноевропейских и азиатских стран / А. К. Павлюк, Д. А. Белявцева, С. О. Шипшина, И. Н. Дроздов // Молодой ученый. – 2016. – № 30. – С. 437–442.

SUMMARY

Syaoyun Tyan. Analysis of translation problems at modern Chinese-Russian multinational enterprises.

This article presents an analysis of the problems of translation in Russian-Chinese multinational companies, which are currently of great relevance due to the rapid development of Russian-Chinese relations. The proposed solutions to these problems show that at present not all companies consider language barriers as a problem of doing business at the international level.

Key words: translation, Russia, China, multinational companies, language barrier.

Трещева Кристина

*Научный руководитель – д. филол. н., доц. Шаталова О. В.
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический
университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского»,
г. Липецк, РФ*

ГРАММАТИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В данной статье делается попытка определения грамматико-синтаксической специфики отражения образа персонажа в художественном произведении на основе лингвистического анализа стихотворения В. В. Маяковского «Лиличка»: выявлены основные грамматические характеристики языковой личности лирического героя произведения.

Ключевые слова: языковая личность, образ персонажа, грамматика, семантика.

Для того чтобы понять, в чем смысл художественного произведения, недостаточно использовать только литературоведческий анализ текста и историко-культурного контекста, что является достаточно распространенным методом исследования. Чтобы полноценно охарактеризовать персонаж того или иного произведения, необходимо воспользоваться средствами лингвистического анализа, рассмотреть представление образа на всех уровнях языковой репрезентации: лексико-фразеологическом, морфолого-синтаксическом, фонологическом. Самыми, на наш взгляд, «говорящими» и показательными являются лексико-фразеологический и морфолого-синтаксический уровни.

Грамматическая специфика образа персонажа (спектр анализа персонажа – морфолого-синтаксический уровень) – это построенная

автором особая система словарно-выразительного комплекса, которая наиболее точно характеризует персонажа того или иного произведения, соответствуя определенной задумке автора. Грамматическая характеристика включает в себя морфологический и синтаксический аспекты.

В художественном тексте автором наиболее последовательно и осознанно подбираются слова определенного пласта лексики, с наибольшим преимуществом используется та или иная часть речи, выбираются определенные синтаксические конструкции. «Другими словами, речевая характеристика – это демонстрация отличительных черт и свойств действующих лиц произведения в их собственно – прямой речи, а также в описании её особенностей автором» [1, 100].

Чтобы понять, каким типом мышления обладает автор, необходимо обратиться к морфологическому уровню языка. Так, если автором в количественном отношении чаще всего используется глагол, то его тип мышления можно охарактеризовать как деятельностный; если же преимущественно используется имя существительное, то мышление можно охарактеризовать как номинативное и т.д. Тип мышления напрямую отражается в грамматике языка (конкретно – в морфологии), что, несомненно, влияет на создание образа персонажа того или иного художественного произведения.

Мышление автора непосредственно отражается на создании персонажа, так как через создание портрета читателю передается внутренний мир героя произведения. Портрет же создается путем использования той или иной части речи, то есть работа идет в области морфологии. Что же касается синтаксического уровня, то специфика конструкции предложений, которые связаны непосредственно с персонажем, так или иначе его характеризуют. Так, например, многочленные сложные предложения с разного типа придаточными частями, богатые по своей конструкции, несущие в себе довольно большой объем информации, характеризуют персонажа как высокообразованного, квалифицированного и т.д., в то время как необработанный синтаксис характеризует героя уже с противоположной стороны или же используется для создания нарочито грубого образа. «Синтаксические особенности речи персонажа помогают подробнее проанализировать его индивидуальные особенности, вносят дополнительные смыслообразующие оттенки в его целостный образ. Языковые средства редко несут только одну функцию, чаще выполняют сразу несколько характеризующих задач, мультиплицируя и усиливая смыслы» [2].

Для анализа возьмем стихотворение В. В. Маяковского «Лиличка». Главная тема данного стихотворения – страдания,

принесенные любовью. Подобного рода тема, воплощаясь в стихотворный текст, имеет свои характерные грамматические особенности. Так, в соотношении частей речи в тексте, в нем преимущественно преобладает имя существительное: 59 имен существительных, 33 глагола и 15 имен прилагательных на 219 слов. Это говорит о том, что мышление автора, отраженное непосредственно в языковом воплощении лирического героя стихотворения (стихотворение автобиографично) можно считать номинативным. Связано это с тем, что лирический герой как бы констатирует факт того, что любовь не состоялась, она не имеет счастливого финала. Именно имя существительное способно отразить категоричность, неизменность данного факта, отсутствие процессуальности, продолжения действия.

Портрет персонажа, диссонируя с образом мышления лирического героя, выраженного в большинстве своем именем существительным (*горечь...жалоб, любовь...гия, любви...плачем...пролет, яд, курок* и т.д.), построен на основе использования глаголов: *выбегу, обезумлю, дай проститься, вырветь, измучила, короновал, выжес, растреплет* и др. Портрет, созданный В. В. Маяковским, полностью воплощается именно в глаголе, потому что глагол, как показатель действия, отражает душевные муки персонажа, его страдания, протекающие с невероятной силой и выражающие потребность и желание совершить какое-либо нестатичное действие, материальным движением нарушить определенную «вакуумную неподвижность любовной среды». Данные процессы нельзя проиллюстрировать именем существительным, так как они постоянно происходят с разной интенсивностью, и здесь явно заметна семантика действия, что можно отразить только с помощью глагола.

Синтаксические конструкции, использованные в стихотворении, также определенным образом характеризуют лирического героя: предложения кратки и лаконичны. Связано это с тем, что лирический герой, переживая муки безответной любви, находится в предельном напряжении и в таком состоянии не может выстраивать объемные, витиеватые предложения (ср. *Дым табачный воздух выел; Сегодня сидишь вот, сердце в железе* и др.).

Таким образом, всестороннее изучение и представление о персонаже художественного произведения возможно при обращении к лингвистическому анализу языковой личности: формируется большой объем информации, которая помогает создать портрет персонажа, появляется возможность дополнительного прояснения авторских интенций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гамгия, Л. А. Речевая характеристика как один из стилистических приемов создания образа: сущность, понятия / Л. А. Гимлия. – Саранск: НимГУ им. Н. П. Огарева, 2016. – С. 99–102.
2. Хартунг, В. Ю. Речевая характеристика персонажа на различных уровнях текста как средство интерпретации художественного образа (на материале произведений Р. Даля) / В. Ю. Хартунг// Филологический аспект. – № 2(46). Февраль 2019. – URL <http://scipress.ru/philology/articles/rechevaya-kharakteristika-personazha-na-razlichnykh-urovnyakh-teksta-kak-sredstvo-interpretatsii-khudozhestvennogo-obraza-na-materiale-proizvedenij-r-dalya.html>

SUMMARY

Christina Trescheva. Grammatic-semantic image specificity of characters of artwork.

This article highlights the grammatical and semantic specificity of the reflection of the character's image in a work of art, a linguistic analysis of the poem by V. V. Mayakovsky «Lilichka», revealed the main grammatical characteristics of the linguistic personality of the lyrical hero of the work.

Key words: language personality, character image, grammar, semantics.

Тхагушева Рената

*Научный руководитель – к. филол. н., доц. Белоконь С. А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР*

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ РОМАНА В. НАБОКОВА «ЗАЩИТА ЛУЖИНА»

Рассмотрение поэтики романа В. Набокова позволяет выявить особое понимание автором соотношения реальности и игры. Акцентируется внимание на игровом принципе в построении произведения, а также на смысловых подтекстах, благодаря которым воплощается набоковский герой.

Ключевые слова: поэтика, игра, двоемирие, пространство.

Творчество В. Набокова на протяжении всей жизни сопровождалось противоречивыми взглядами и мнениями. Неоднократно отмечалось своеобразие сложного стиля прозы писателя, сочетающего западную и русскую традиции в творчестве. Существует огромный пласт фундаментальных работ о творчестве В. Набокова, представляемых С. Давыдовом, Т. Кусаиновой,

М. Кутюрье, Л. Стрельниковой и др. В последние годы объектом исследования набоковедения является интеллектуальная игра писателя с читателем, игровая поэтика текстов, отраженная, в частности, в работах А. Люксембург [2] и Г. Рахимкуловой [4], С. Сакун [5]. Актуальность данной темы определяется отсутствием целостного и всестороннего анализа поэтики романа В. Набокова «Защита Лужина».

При выходе данный роман вызвал резонанс в литературной критике и был встречен комментариями о «нерусскости» как сюжета, так и манеры письма. Выражались мнения о бессодержательности и поверхностности стилистической игры в прозе В. Набокова. Однако со временем набоковский текст был признан уникальным по наличию глубоких взаимосвязей и смыслового подтекста, особой роли детали. Прочтение данного текста равняется решению авторской «загадки», являющейся ключом к пониманию метафизического и философского смысла.

Во втором русском романе «Защита Лужина» В. Набоков впервые реализует принципы игровой поэтики. Образ шахматной игры пронизывает произведение на смысловом и композиционном уровнях, становится развернутой метафорой произведения. Роман построен по законам шахматной партии и, по словам Г. Рахимкуловой, в нем «можно определить дебют, миттельшпиль и эндшпиль» [4, 24]. Шахматы выступают роком, судьбой, проектируя трагическое начало в романе. По справедливому замечанию А. Злочевской, существовало «некое выжидательно-подготовительное» «дошахматное» предсуществование Лужина [1, 22], но появляясь уже в детстве героя, шахматы становятся ярчайшим событием. Путь Лужина на протяжении романа – это постепенное и глубокое погружение в «шахматную жизнь».

Модель игры проецируется на жизнь главного героя, пейзажи и окружающее Лужин видит сквозь черно-белую призму шахматных образов («шахматные квадраты – гербовые цвета таксомоторов»), персонажи сравниваются с игровыми фигурами. Примечательно, что психологическое и физическое состояние героя также описывается посредством шахмат: «болела голова черными квадратами боли» [3, 247–248], «ноги от пяток до бедер были плотно налиты свинцом, как налито свинцом основание шахматной фигуры» [3, 258].

Не случайно в романе прослеживается связь шахмат и музыки. Именно музыкант-скрипач «посвящает» Лужина-ребёнка в таинство шахмат, «игры богов» с бесконечными возможностями. Он впервые сравнивает игровые комбинации с музыкальными мелодиями. Лужин постигает систему игровых обозначений и разыгрывает партии с тем же свойством, как, по словам отца, его тесть читал партитуру и слышал движения музыки. Шахматное искусство дается как

гармоничная и благозвучная организации фигур, которые, подобно нотам, составляют шахматные комбинации.

Музыкальная и шахматная лексика перетекают одна в другую. Само понятие «партии» читается двузначно: как шахматный поединок и часть музыкального произведения. Наиболее показательным сочетанием двух искусств является описание игры между Лужиным и Турати: «сперва все шло тихо, тихо, словно скрипки под сурдинку», «нежно запела струна», «у Лужина тихонько наметилась какая-то мелодия», «виртуозное движение пальцев», «густая низкая нота», «музыкальная буря», «громовая гармония» [3, 254–255]. Во время игры слышатся сперва звуки, далее – мелодия и тихая музыка постепенно нарастает и доходит до пика – наивысшего напряжения. Введение музыки формирует идею о трансцендентной природе шахматного искусства, об иной реальности. Игра выступает космосом, создающим собственное пространство и внутреннюю механику с присущими ей правилами функционирования.

Анализируя положение героя, можно выделить бытовой, реальный мир и иррациональный, трансцендентный. Так создается «художественное двоемирие» в тексте. По мнению А. Злочевской, структуру романа формируют три силы мироздания: физический – иррационально-мистический (трансцендентный) – металитературный. «Трансцендентная реальность предстает здесь как шахматное инобытие» [1, 16].

С точки зрения Лужина, «все, кроме шахмат, только очаровательный сон». Именно поэтому, отказавшись от жизни подлинной, Лужин начинает жить во «сне». Есть только одна подлинная жизнь – шахматная игра, в которой герою, как ему кажется, легко властвовать, и все в ней слушается его воле и покорно его замыслам. Сама шахматная игра происходит не в реальном мире, а в «неземном измерении». Поэтому наибольшее удовольствие доставляет Лужину игра вслепую с незримыми и неосязаемыми фигурами. Реальная земная оболочка шахматных сил казалось ему грубой.

Шахматы выступают самостоятельным персонажем, неконтролируемыми никем «бесплотными силами». Будучи только «обольстительной и таинственной игрушкой» в детстве, которой Лужин-ребёнок не умеет пользоваться, шахматы порождают любопытство и увлечение. Но взрослого Лужина игра полностью подчиняет себе и изгоняет из мира «живой жизни», втягивая в страшные бездны бессознательного. Постепенно героем совершается переход за границу мира в небытие. Герой понимает, что он завяз в одной из комбинаций и отчаянно пытается освободиться из «шахматных зарослей». Не случайно после поражения Лужин видит мир в черных тонах, возникает мотив смерти: шахматная доска как

гроб, черная тень, призраки. Следовательно, потусторонний мир шахматной игры одновременно совмещает в себе чувство гармонии и ужас бездны.

Смысловым кодом является шахматное название романа «Защита Лужина», имеющее, по меньшей мере, два значения. Это именной шахматный дебют игрока, защита, над которой думает герой против Турати. В контексте романа защита также символизирует стремление Лужина противостоять самой жизни, тайным силам судьбы, року. Для Лужина совмещение жизни и игры было невозможно, потому герой остается в потусторонней реальности, роман заканчивается сообщением, что Александра Ивановича не было.

Таким образом, игровой принцип в романе рассматривается как интеллектуальная игра писателя, предполагающая подготовленный тип читательского восприятия. Структура романа организовывается по законам шахматной игры. В художественном произведении сосуществуют несколько миров или сил, столкновение которых становятся причиной экзистенциального конфликта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Злочевская, А. В. Роман «Защита Лужина» – первая «бабочка» мистической метапрозы В. Набокова / А. В. Злочевская // Новая русистика. – Брно, 2017. – № 1. – С. 15–23.
2. Люксембург, А. М. Коварный конструктор игровых структур : организация набоковского метатекста в свете игровой поэтики / А. М. Люксембург // Набоковский сборник: Искусство как прием. – Калининград : Изд-во Калининград. гос. ун-та, 2001. – С. 3–18.
3. Набоков, В. Другие берега; Защита Лужина : Романы; Рассказы / В. Набоков. – М.: ДЭМ, 1990. – 384 с.
4. Рахимкулова, Г. Ф. Языковая игра в прозе Владимира Набокова : к проблеме игрового стиля : автореф. дис. на соискание науч. степени докт. филол. наук : спец. 10.02.01. «Рус. язык» / Г. Ф. Рахимкулова. – Ростов н/Д, 2004. – 46 с.
5. Сакун, С. В. Шахматный секрет романа Владимира Набокова «Защита Лужина» (новое прочтение) // Филологический вестник Ростовского государственного университета. – 1999. – № 1. – С. 19–25.

SUMMARY

Renata Thagusheva. Features of the poetics of V. Nabokov's novel «Luzhin's Defense».

Consideration of the poetics of V. Nabokov's novel reveals the author's special understanding of the relationship between reality and game. Attention is focused on the game principle in the construction of the work, as well as on the semantic implications through which Nabokov's hero is embodied.

Key words: poetics, game, duality, space.

Хоменко Юлия

*Научный руководитель – д. филол. н., проф. Кораблев А. А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР*

ИТАЛЬЯНСКИЕ ОБРАЗЫ В РАССКАЗЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «ТРИ ВСТРЕЧИ»

В статье рассматриваются итальянские образы, а также их проявление в тексте, учитывая автобиографичность. Анализируются образы Италии в рассказе во взаимосвязи с главными героями и с основной сюжетной линией.

Ключевые слова: итальянская культура, образы Италии, Россия и Италия, опера.

В произведении «Три встречи» И. С. Тургенев с невероятной точностью передает русский и итальянский колорит природы, всю гамму ощущений, характеры городов, подмечая их различия и особенности.

В описании русского села выражена пассивность и обездвиженность, преобладают холодные тона и тёмные оттенки. Воспоминания об Италии становятся в описании рассказчика более эмоциональными, появляются звуки, и главный герой обретает цель. Итальянский город Сорренто представлен как полная противоположность русскому селу. Ночь сравнивается с женщиной, описываемая картина движется, чувствуются запахи, оттенки меняются от тёмных к светлым. Общим у этих мест является только образ таинственной незнакомки с чарующим голосом.

В рассказе «Три встречи» читатель может «увидеть» Сорренто и проникнуться итальянской культурой. Тургеневу удалось одновременно противопоставить и синтезировать Россию и Италию. Гревс И. М. в своей книге писал: «Это подлинная Италия <...> Удивляешься, как смог писатель, после кратковременного, еще

однократного пребывания в Италии, так полно схватить, так прочно удержать, так жизненно воспроизвести реальный облик страны в его интимных деталях» [1, 51–52]. В итальянском городе Сорренто Иван Сергеевич был всего один раз, когда ему было двадцать два, а рассказ был написан только через десять лет.

Рассказ «Три встречи» начинается с эпиграфа на итальянском языке:

*Passaque'colli e vieniallegramente;
Non ticurar di tantacompagnia –
Vieni, pensando a me segretamente –
Ch'iot'accompagni per tutta la via.*

Перейди через эти холмы и приди весело ко мне; не заботься о слишком большом обществе. Приди один и во все время дороги думай обо мне, так чтоб я была твоим товарищем на всем пути. (Прим. И. С. Тургенева).

Источник эпиграфа найти не удалось, но предположительно это народная итальянская песня.

Кроме песни в эпиграфе, в рассказе есть аллюзии на итальянскую оперу Джоаккино Россини «Севильский цирюльник», на испанский романс. Но именно песня «*Passaque'colli e vieniallegramente*» является лейтмотивом произведения, а также становится символом любви незнакомцев.

Появление итальянской песни в начале произведения пробуждает в памяти главного героя воспоминание о том, что с ним случилось два года назад в городе Сорренто: «Это они, я узнал их, это те звуки... Вот как это было».

В рассказе мы наблюдаем не только образы итальянского города и песню «*Passaque'colli e vieniallegramente*». Так, например, после первой встречи с незнакомкой главный герой уезжает из Сорренто, «не посетив даже Тассова дома». Торквато Тассо – итальянский поэт XVI века, который был родом из Сорренто. Тургенев читал Тассо в оригинале, хорошо знал его творчество и в одну из своих поездок стоял под дубом итальянского поэта:

*Этот дуб хоть и кажется мрачным,
Власть любовного пыла
Все же знает и он:
Коль ты слухом любви обладала б,
Ты бы вздохи немые
Услыхала его.*

©Торквато Тассо «Аминта: Пастораль»

Ещё одним итальянским образом является маскарад: «Однажды, выходя в одиннадцатом часу вечера из одного приятельского дома, я почувствовал себя в таком мрачном расположении духа, что решил отправиться в маскарад, в Дворянское собрание». Бал –

«зеркало» всего произведения. Загадочная незнакомка была словно скрыта кружевами маски, оставалась неразгаданной и неузнанной от начала и до конца. В конце рассказа тайна немного приоткрылась, наш герой узнал о непростой любви прекрасной русской женщины и красавца итальянца, но кем были эти люди, так и осталось неизвестно.

Во время карнавала в тексте присутствует упоминание о мифе: «Прекрасное сновидение, которое бы вдруг стало действительностью... статуя Галатеи, сходящая живой женщиной со своего пьедестала в глазах замирающего Пигмалиона...». Этот миф стал известен из поэмы «Метаморфоза», древнеримского поэта Публия Овидия Назона.

В 1512 году Рафаэлем Санти была написана фреска «Триумф Галатеи». Эта фреска до сих пор находится во всеобщем внимании и представляет собой классическое искусство. В этом мифе смысл заключался в том, что Галатея полюбила сицилийского пастуха Акида, сына древнегреческого бога скотоводства и плодородия. Но препятствием их любви стал циклоп Полифем, который был поражен красотой Галатеи. Великан погнался за Галатеей, но она успела укрыться в море, тогда Полифем отколол скалу и раздавил Акида. В мифе рассказывается, что Галатея превратила кровь возлюбленного в чистую воду:

«В самом деле уже превратился мой Акид

В реку: доныне поток сохранил свое древнее имя».

Галатея изображена на картине Рафаэля плывущей по волнам в колеснице в виде морской раковины. Девушка изображена в окружении морских божеств и купидонов. Образы на картине изображены в действии, что делает картину особенно оживленной. Взгляд Галатеи обращен к одному из амуров, который спрятался за облаками и держит большое количество стрел, не целясь при этом. Это является символом чистоты и духовности любви.

О жизни Ивана Сергеевича Тургенева, его переживаниях, утратах много знала Полина Виардо, это мы можем понять из их переписки. Первая встреча с Полиной произошла в 1843 году, в Петербурге, где давали итальянскую оперу Джоаккино Россини «Севильский цирюльник». В главной роли играла Полина Виардо. «Eccoridente...» – это слова из итальянской оперы Джоаккино Россини «Севильский цирюльник», которые несколько раз повторяются в тексте: «Наконец, раздались в отдалении шаги... они приблизились; мужчина такого же почти роста, как я, показался на конце улицы, быстро подошел к калитке подле самого павильона, которой я прежде не заметил, стукнул, не оглядываясь, два раза железным ее кольцом, подождал, стукнул опять и запел вполголоса: «Eccoridente...».

«Севильский цирюльник», который появляется в рассказе «Три встречи», позволяет нам сделать предположение, что главная

любовь писателя послужила прототипом для таинственной незнакомки. Полина Виардо была ведущей солисткой итальянской оперы и пела в «Отелло», «Золушке», «Севильском цирюльнике», «Танкреде» Россини и «Дон Жуане» Моцарта. Кроме того, в концертах Полина исполняла сочинения Палестрины, Марчелло, Глюка, Шуберта.

В опере «Севильский цирюльник» граф Альмавива поёт под окном своей возлюбленной, Розины, исполняя каватину «Скоро восток золотою ярко заблещет зарёю» (итал. «*Eccoridenteincielo*»). Мы можем заметить параллель и в рассказе «Три встречи». Наш незнакомец запел вполголоса «*Eccoridente...*» возле калитки любимой женщины.

В «Севильском цирюльнике» граф Альмавива и Розина с большими трудностями добиваются свободы выбора. В нашем же рассказе развязка оказывается совсем другой. Красивый и статный иностранец бросает прекрасную незнакомку, мистическая история исчезает, и герои становятся обыкновенными людьми, а не видениями.

Таким пограничным состоянием стал сон главного героя: «Я бросаюсь вслед за нею; но она плывет легко и быстро, а я не могу подняться от земли и напрасно простираю жадные руки... «Addio! – говорит она мне улетая. – Зачем нет у тебя крыльев... Addio...».

«Addio» из сна отправляет нас к итальянскому воспоминанию Тургенева, которое было запечатлено в письме к В. П. Боткину от 12 (24) апреля 1859 г.: «...на душе вместе с воспоминаниями детства проходило что-то хорошее и глубоко грустное. Сегодня чудесная погода – жарко, тихо, поют птицы, пахнет почками; я раза три прошелся по саду – и чуть не всплакнул. Жизнь пролита до капли, но запах только что опорожненного сосуда еще сильнее, чем когда он был полный. Addio, vita, слышал я раз на Корсо, во время карнавала; молодой женский голос произнес эти слова – и долго звук их звенел у меня в ушах». Стоит обратить внимание, что Корсо – это улица старого римского города, в пределах которой до сих пор празднуется карнавал.

«Три встречи» является для Тургенева воплощением личных переживаний. Италия и Россия в рассказе реализованы не столько через визуальную составляющую, сколько через эмоциональную, душевную сторону. Именно это повлияло на лиричность и поэтичность произведения. Одновременно с этим, множество автобиографических сходств не разрушают целостность произведения. Образы обладают завершённостью и собственной объективной реальностью.

История о несчастной любви в контексте приобретает трагичность. Образы Италии в повести «Три встречи» не только

дополняют, но и усложняют художественное пространство. Итальянская культура придаёт глубину рассказу, так как каждая деталь создаёт новый виток в произведении, и требует определенных знаний от читателя.

Чувственная линия отношений иностранца и прекрасной незнакомки раскрывается благодаря итальянской песне (итал. *Passaque'colli e vieniallegramente*), отрывку из оперы Джоаккино Россини и живописному итальянскому городу Сорренто. Поднимается тема духовности и нравственности, семейных отношений и недолговечности счастья. Так, во время карнавала незнакомка рассказала о своём недолгом романе с итальянцем: «Тогда мне нельзя было с ним видаться явно... И без того начинали ходить слухи... Тогда еще существовали препятствия – он не был свободен... Эти препятствия исчезли, но тот, чье имя должно было сделаться моим, тот, с которым вы меня видели, меня бросил».

Когда главный герой узнаёт о несчастной любви русской барыни, девушка утрачивает для него свою таинственность и мифичность, а итальянский паук, в образе возлюбленного незнакомки, оказывается в роли Дон Жуана.

Слияние двух культур в рассказе «Три встречи» даёт больше возможностей показать разницу чувств и мировоззрений, а также проблемные стороны взаимоотношений в целом. Русский и итальянский мир достаточно детально прорисованы Тургеневым. Как мы уже отмечали, сравнивается природа двух стран, характерные черты мировоззрений и характеров. Италия, как воплощение «нагой моды» XVIII века, откровенности, излишней свободы, замкнётся в загадочной русской душе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гревс, И. М. Тургенев и Италия / И. М. Гревс. – Л. : Брокгауз-Ефрон, 1925. – 126 с.
2. Момиути Юко. Музыка и лиризм в рассказе Тургенева «Три встречи»/ М. Юко. – СПбГУ : Сборник материалов VI Международной научной конференции, 2014.
3. Бергман, С. Полина Виардо. Последняя волшебница / С. Бергман. – М. : Рипол Классик, 2014. – 256 с.
4. Мазон, Андре Тургенев и Полина Виардо – участники «Игры в портреты» / А. Мазон. – М. : Наука, 1964. – 427 с.
5. Петров, С. М. И. С. Тургенев. Жизнь и творчество / С. М. Петров. – М. : Просвещение, 1968. – 261 с.

SUMMARY

Yuliya Khomenko. Italian images in I. S. Turgenev's short story «Three Meetings».

The article deals with Italian images, as well as their manifestation in the text, considering the autobiography. The author analyzes the images of Italy in the story in relation to the main characters and the main storyline.

Key words: Italian culture, images of Italy, Russia and Italy, opera.

Чавдарь Иона

*Научный руководитель – к. филол. н., доц. Першина К. В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР*

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗВАНИЙ УГЛЕДОБЫВАЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ ДОНБАССА

Анализируются словообразовательные механизмы создания проприальных именованных предприятий угольной промышленности донецкого края во 2-й половине XIX в. и в 1-й половине XX в., устанавливаются структурные типы данных названий, их связь со способами создания и признаками номинации.

Ключевые слова: *эргоним, трансонимизация, деривация, онимизация, структурный тип, признак номинации.*

Эргонимы имеют определенные особенности в плане способов образования и структурной организации по сравнению с другими разрядами онимов, прежде всего с антропонимами и топонимами. Основное внимание исследователей в настоящее время сосредоточено на анализе фирмонимов (названий предприятий с частной формой собственности), коммерческих эргонимов (названий объектов в сфере торговли и обслуживания). Это наблюдается и при изучении донецкой эргонимии. Промышленная эргонимия Донбасса не входит в настоящее время в круг активно анализируемых участков донецкого ономастического пространства, несмотря на то, что на протяжении всего XX века она составляла центр эргонимного сектора. Серьезная методологическая база для ее исследования заложена в работах Е. С. Отина, З. И. Бузиновой [5; 2; 1], она позволяет рассматривать и анализировать данные названия как часть общерусского эргонимного пространства. В работе К. В. Першиной «Эргонимия Донбасса: названия угледобывающих предприятий» [6] проанализировано референтное пространство данного сектора эргонимии края и используемые принципы и признаки номинации.

В данной работе представлен опыт анализа словообразовательных и структурных особенностей названий угледобывающих предприятий региона. Цель работы – охарактеризовать словообразовательные процессы, протекающие при создании эргонимов данного класса, и структуру создаваемых названий.

Фактологическую базу данной работы составляют названия угольных предприятий Малого (Старого) Донбасса, функционировавшие на протяжении 2-й пол. XIX – 1-й пол. XX вв.

В начальный период становления угледобычи в Донбассе, когда на первом плане при выборе признака номинации была идея принадлежности на правах собственности самого предприятия (копи, рудника, шахты) или земель, на которых предприятие закладывалось, определенному владельцу/владельцам, производящей лексической базой выступали проприальные именованья этих лиц. Словообразовательными способами создания таких эргонимных единиц были трансонимизация, деривация, онимизация.

Трансонимизировались чаще всего личные имена, реже фамилии. Вовлечение в процесс трансонимизации личных имен обусловлено сложившейся в это время в среде собственников рудников и шахт практикой присваивать рудникам и шахтам имена их детей и других членов семей. Личное имя в таких случаях входило в состав эргонима в форме И. п. ед. ч. : «*Мария*», «*София*», «*Иван*», «*Сергей*», «*Анна*», «*Людмила*», «*Вера*» и др. Примеров подобной трансонимизации фамилий немного, обычно они принадлежат самим владельцам или управляющим и носят иноязычный характер.: «*Ломбардо*», «*Кольберг*», «*Бунге*». В письменной речи указанные эргонимные формы употребляются в сочетании с номенклатурными терминами, например, *шахта «Мария»*, *рудник «София»* и под. С течением времени такие номинативные конструкции приобретают в письменной речи характер эргонимных формул, используемых в научном и деловом стилях.

Аффиксальная деривация также активно использовалась при номинировании рудников и шахт в рассматриваемый период. В качестве производящей лексической базы использовались фамилии собственников рудников или земель, личные имена членов семей собственников, топонимы: *Фурсовский* (< *Фурсов*), *Пастуховский* (< *Пастухов*), *Рутченковский* (< *Рутченко*), *Марковский* (< *Марков*), *Смоляниновский* (< *Смолянинов*), *Кондратьевка* (< *Кондратьев*); *Лидиевка* (< *Лидия*), *Софиевка*, *Софиевский* (< *Софья Раевская*); *Корсунская копь* (< б. *Корсунская*), *Голубовская копь* (< с. *Голубовка*), *Григорьевский рудник* (< с. *Григорьевка*), *Гродовский рудник* (< с. *Гродовка*), *Берестовский рудник* (< б. *Берестовая*) и др. Используемые словообразовательные

форманты *-ский, -ка* передают значения ‘имеющий отношение к лицу, названному производящим антропонимом’, ‘имеющий отношение к месту, названному с помощью топонима’.

Процессы онимизации апеллятивов имели место при реализации двух принципов номинации: 1) порядок закладки и особенности развития предприятия (укрупнение, присоединение к уже существующему); 2) производственно-технические характеристики объекта, которые стали актуальными в 20-е – 30-е гг. XX ст. К. В. Першина отмечает, что первый из этих принципов обычно использовался при назывании небольших шахт, входящих в рудник на правах его составных частей. Реализовался он посредством использования имен числительных: шахта № 11, шахта № 18, шахта № 19 (в составе Рутченковских копей), шахта № 1 (Софиевский рудник). Часто такой признак номинации объединяли с одним из рассмотренных выше: *«Корсунская копь № 1»*, № 8 *«Альфред»*, № 5 *«Альберт»*, *«Щегловка № 1»*, шахта № 30 *«Рутченковка»*. Объединение в одном угледобывающем предприятии двух ранее обозначенных, но находящихся на общем шахтном поле шахт часто обозначалось путем соединения их названий в одной номинативной единице. Обычно так объединяли номерные названия шахт: шахта № 12-13, шахта № 5-6, шахта № 4-21, шахта № 1-18, шахта № 11-21, шахта № 19-20 и др. Подобные шахтные имена могли появляться в результате объединения нового и предыдущего номерного обозначения одной и той же шахты. Так, например, возникло название шахты № 3-18 в Петровском р-не г. Донецка. Специально отражали в названии шахты ее появление как шахты-«близнеца», заложенной в непосредственной близости от первичного предприятия. В таких случаях использовалась номинативная формула «№ исходной шахты + наречие *бис* ‘дважды’»: шахта № 11-бис, шахта № 13-бис, шахта № 3-бис, шахта № 15-бис и др. Еще одна разновидность номерного обозначения шахты – объединение номерного обозначения первичной шахты и номерного обозначения шахты-близнеца: шахта № 1-1-бис, шахта № 4-4-бис, шахта № 17-17-бис, шахта № 2-2-бис, шахта № 14-14 бис. Сдвоенные номерные наименования шахт могли появляться в результате объединения номерных обозначений двух планируемых стволов или шурфов, находящихся на одном шахтном поле.). Рассмотренные номерные названия шахт – это эргонимы-профессионализмы, их возникновение осуществляется в рамках производственного процесса и определенного производственного пространства. Активно этот принцип номинации применялся в 20-е – 30-е гг. XX в., когда стране требовалось много угля и в строй вводилось большое количество новых шахт. После Великой Отечественной войны этот способ наименования шахт утрачивает продуктивность

[6, 94–95]. С точки зрения структурно-словообразовательной рассмотренные эргонимные наименования представляют собой онимизированные комплексные апеллятивные номинативные конструкции. В ходе повседневного речевого употребления они сокращались до номерного компонента, выражаемого количественным числительным, например, *Шесть-Четырнадцать*, *Двенадцать-Тринадцать*, *Восемь-Восемь*, *Один-Один-бис* и др. Если наименование такого рода состояло из одного количественного числительного, то оно заменялось соответствующим порядковым числительным, например, *Первая шахта*, *Первая*; *Седьмая шахта*, *Седьмая*; *Двадцать Первая шахта*, *Двадцать Первая*.

При реализации принципа номинации «производственно-технические характеристики объекта» избираются в качестве признаков номинации технологические особенности шахтных стволов, геологические особенности залегания угольных пластов или свиты пластов, марки добываемого угля : «*Капитальная*», № 6 «*Капитальная*», № 9 «*Капитальная*», «*Вентиляционная*», «*Наклонная София*», «*Наклонная Елена*», «*Ветка-Наклонная*», «*Крутая*», «*Вертикальная*», № 32 «*Подъемная*», «*Ветка-Глубокая*», «*Алмазная*», «*Антрацит*» [6, 94]. При создании таких названий используется в основном онимизация апеллятивов (прилагательных и числительных). Двухкомпонентные эргонимы этой группы в речевом употреблении трансформируются в однокомпонентные, например, *Шестая*, *Девятая*, которые функционируют как один из вариантов.

Проведенные наблюдения показали, что словообразовательные процессы в анализируемом отделе донецкой эргонимии определяются принципами и признаками номинации, на которые ориентируются номинаторы. Используются способы трансонимизации, деривации и онимизации апеллятивов. Структурное оформление данных эргонимных единиц во многих случаях носит характер онимно-апеллятивных номинативных комплексов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бузинова, З. И. Из истории развития русской эргонимии / З. И. Бузинова // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Вып. 5. – Донецк : Донеччина, 1999. – С. 60–73.
2. Бузинова З. И. Особенности функционирования номинационной модели «эргоним > ойконим» топонимии Донбасса / З. И. Бузинова // Филология в пространстве культуры. – Донецк : ООО «Юго-Восток, Лтд», 2007. – С. 52–60.
3. История городов и сел УССР: в 26 т. : Донецкая область. – К. : Украинская советская энциклопедия, 1976. – 811 с.

4. История рабочих Донбасса : в 2 т. – Т. 1. – К. : Наукова думка, 1981. – 321 с.
5. Отин, Е. С. Номинационные процессы в русской эргонимии XX века (названия промышленных предприятий, акционерных обществ и фирм) / Е. С. Отин // Актуальные вопросы теории языка и ономастической номинации. Сб. науч. ст. – Донецк : ДонГУ, 1993. – С. 83–94.
6. Першина, К. В. Эргонимия Донбасса: названия угледобывающих предприятий Донбасса / К. В. Першина // Донецкий региолект: монография / В. И. Теркулов, В. И. Мозговой, К. В. Першина и др.; под ред. В. И. Теркулова. – Донецк : Издательство ООО «НПП» Фолиант», 2018. – С. 88–97.
7. Свободная шахтерская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://mining.ru>.
8. Шахты и рудники Донбасса [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://tw1npeaks.blogspot.com>.

SUMMARY

Iona Chavdar. Wordforming and structural features of the names of coal mining enterprises of Donbass.

The article highlights word formation and structural design of the names of the coal industry of Donbass (second half of the 19th century – first half of the 20th century).

Key words: ergonym, transonymization, derivation, onymization, structural type, sing of nomination.

Царанова Дарья

Научный руководитель – к. филол. н., доц. Дмитриева Ю. Л.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»,

г. Горловка, ДНР

СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА ‘МУЗЕЙ’ В ТЕКСТАХ САЙТА МУЗЕЯ МИНИАТЮРНОЙ КНИГИ ИМЕНИ В. А. РАЗУМОВА

В статье рассматриваются компоненты концепта ‘МУЗЕЙ’. Описываются средства его вербализации. Автор выделяет базовые признаки, входящие в каждый из компонентов структуры концепта и репрезентированные языковыми знаками в текстах официального сайта Музея миниатюрной книги имени В. А. Разумова. Также в работе акцентируется внимание на словах, объективирующих лингвокраеведческую специфику содержания рассматриваемого концепта.

Ключевые слова: *концепт, понятие, образ, ценностный компонент, средства вербализации.*

Для обозначения ментальной единицы со сложной структурой, содержащей большой объем невербального и вербального знания был введен в научный аппарат термин *концепт*. Структура концепта трехчленна: в ней выделяют понятийный, образный и ценностный компоненты. Поскольку анализ средств вербализации концепта 'МУЗЕЙ' на материале сайта Музея миниатюрной книги имени В. А. Разумова ранее не проводился, это обуславливает **актуальность** нашей работы.

Объектом изучения в данной статье выступает концепт 'МУЗЕЙ', **предметом** – средства его вербализации. **Целью** исследования является анализ вербальных знаков, эксплицирующих концепт 'МУЗЕЙ', а также выделение и описание его понятийного, образного и ценностного компонентов.

Под понятийным компонентом мы понимаем совокупность познанных существенных признаков объекта. Сумма данных признаков позволяет классифицировать феномен реального мира и отличить его от других. В. В. Колесов, М. В. Пименова и др. отмечают, что понятийный компонент может быть зафиксирован в словарной статье ключевого слова и слов, входящих с ним в синонимические и антонимические ряды [4, 38].

В языковом опыте носителей русского языка за словом *музей* закреплено следующее значение: «это учреждение, занимающееся собиранием, хранением и выставкой для обозрения памятников истории, искусства, научных коллекций и т.п.» [3]. Так, в толковании лексемы *музей* отображены следующие признаки рассматриваемого компонента: «учреждение» и «аккумулирует и выставляет памятники материальной культуры».

Отметим, что признак «учреждение» отображен следующими языковыми единицами: *о музее, режим работы, услуги, контакты* и т.д. Названия пунктов меню сайта *виртуальный тур, книжная акция, государственные закупки, видео*, вербализуют второй признак рассматриваемого концепта. Кроме того, данный компонент конкретизируется в описании музея: *Музей миниатюрной книги имени В. А. Разумова – единственный государственный музей подобного профиля на территории СНГ. Он хранит в своих стенах одну из крупнейших коллекций миниатюрных изданий, ставшей той притягательной силой, которая привлекает многочисленных посетителей не только из Горловки, но и со всего мира* [5].

Следовательно, понятийный компонент концепта 'МУЗЕЙ' зафиксирован как в словарной статье ключевого слова, так и в названиях пунктов меню сайта Музея миниатюрной книги имени В. А. Разумова с помощью вербальных знаков, эксплицирующих

признаки «учреждение» и «аккумулирует и выставляет памятники материальной культуры».

Отметим, что исследователи указывают на фиксацию в лексическом значении ключевого слова концепта и образного компонента. Вслед за В. В. Колесовым интерпретируем *образ* как «отношение слова (знака) к идее, то есть воображаемый предмет на уровне сознания, представленный во всей полноте признаков» [4, 38]. Так, в названии *Музей миниатюрной книги имени В. А. Разумова* образ объективирован прилагательным *миниатюрный*, которое указывает на размер экспонатов, представленных в музее, и существительным *книга*, указывающим на предметы хранения. Ср.: «Миниатюрный – соотносящийся по значению с существительным: миниатюра, связанный с ним»; «Книга – печатное издание (в старину – также рукопись) в виде сброшюрованных, переплетенных вместе листов с каким-либо текстом» [3].

В число базовых признаков образного компонента концепта 'МУЗЕЙ' относим:

1) «эмоционально-эстетические характеристики», объективируемые вербальными знаками *притягательная сила; старинные книги; короткая, но очень заводная; сказочное чаепитие; дружественная и праздничная;*

2) «внутренняя атмосфера», эксплицируемая следующими единицами языка: *коллектив, сотрудники музея, учащиеся, школьники, посетители музея;*

3) «ресурсы», выражаемые с помощью словоформ *при поддержке, при участии* и словосочетанием *меценаты города*.

Итак, образный компонент анализируемого концепта объективирован как в названии учреждения, так и вербализован в текстах сайта лексическими и синтаксическими единицами языка.

При описании средств вербализации компонентов концепта 'МУЗЕЙ' нами выявлены языковые единицы, репрезентирующие лингвокраеведческую специфику его содержания. Это слова и словосочетания, называющие место расположения музея, имя человека, в честь которого он назван, а также его посетителей. Так, в предложениях *Музей миниатюрной книги носит имя человека, чья жизнь и судьба неразрывно связаны с нашим городом и Донецкой областью – Вениамина Александровича Разумова; В. А. Разумов – почетный гражданин г. Горловки; Музей миниатюрной книги был основан в 1996 г. в частном доме коллекционера В. А. Разумова, в честь которого и был назван; В 2001 г. по его завещанию коллекция, которая насчитывала 7008 экспонатов, была передана городу и получила статус городского музея* [5] лингвокраеведческая специфика содержания рассматриваемого концепта эксплицирована именами существительными *город, Горловка, коллекционер,*

В. А. Разумов и именами прилагательными *Донецкий, городской*. Указанные языковые единицы объективируют как образный (вербализация признака «место расположения»), так и понятийный (экспликация признака «учреждение») компоненты. Отметим, что словоформы *коллекционер, экспонаты, коллекция* квалифицируются нами как репрезентанты понятийного компонента концепта ‘МУЗЕЙ’.

Номинации посетителей учреждения входят в тематическую группу «Название лиц по роду деятельности». Ср.: *Особое внимание музей уделяет научно-образовательной работе с дошкольной, школьной и студенческой аудиторией, позиционируя себя при этом как культурно-досуговый, литературный центр; В подготовке выставки приняли участие члены творческой организации «Горловские САМОЦВЕТЫ» клуба по интересам ДК «Шахтёр» «Русская Мозаика» и «Горлица», муниципального учреждения дополнительного образования г. Горловки «Центр детского творчества Калининского района» мастерская «Марья-искусница», которые предоставили свои прекрасные композиции на тему сказок Чуковского, выполненные из бисера, бумажной лозы, фетра, вязанные крючком; Музей миниатюрной книги имени В. А. Разумова напоминает ребятам, их родителям и педагогам о том, что во время осенних каникул действует программа «Поэтическая осень заглянуть в музей Вас просит», в которой представлены литературно-тематические мероприятия для разной возрастной аудитории [5].* Отметим, что лингвокраеведческая специфика содержания концепта репрезентирована в приведенных примерах номинациями учреждений города Горловки («Горловские САМОЦВЕТЫ», ДК «Шахтёр», «Русская Мозаика», «Горлица», «Центр детского творчества Калининского района»).

Наконец, ценностный компонент концепта ‘МУЗЕЙ’ эксплицирован следующими языковыми единицами *почетный гражданин, единственный музей, огромное количество миниатюрных книг* и т.д. Приведенные вербальные знаки выражают положительную оценку, а их использование направлено на формирование позитивного имиджа учреждения и привлечения новой аудитории.

Следовательно, исследуемый нами концепт ‘МУЗЕЙ’ состоит из понятийного, образного и ценностного компонентов. Он эксплицируется в текстах официального сайта Музей миниатюрной книги имени В. А. Разумова вербальными знаками *музей, в своих стенах, городской* и др. Образный компонент рассматриваемого концепта включает такие базовые признаки, как «эмоционально-эстетические характеристики», «внутренняя атмосфера», «ресурсы», выражаемые с помощью лексических и синтаксических языковых

средств. В понятийный компонент входят признаки «учреждение» и «аккумулирует и выставляет памятники материальной культуры», которые объективированы названиями рубрик меню сайта (*о музее, режим работы, услуги, контакты и др.*). Ценностный компонент репрезентирован словами, передающими положительную оценку (*почетный гражданин, единственный музей, огромное количество миниатюрных книг и т.д.*). Кроме того, нами были выделены и проанализированы языковые знаки, объективирующие лингвокраеведческую специфику содержания рассматриваемого концепта. Однако данное описание не является исчерпывающим, что обуславливает дальнейшие исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) [Текст] / В. В. Виноградов ; Под. ред. Г. А. Золотовой. – 4-е изд. – М. : Рус. яз., 2001. – 720 с.
2. Демьянков, В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры [Текст] / В. З. Демьянков // Язык как материя смысла : Сб. ст. в честь академика Н. Ю. Шведовой / Отв. ред. М. В. Ляпон. – М. : Издат. центр «Азбуковник», 2007. – С. 606–622.
3. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толковословобразовательный [Текст] / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000. – Режим доступа к словарию : <http://www.efremova.info> (Дата обращения : 18.11.2019 г.).
4. Колесов, В. В. Концептология : учеб. пособие [Текст] / В. В. Колесов, М. В. Пименова ; Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2012. – 248 с.
5. Музей миниатюрной книги имени В.А. Разумова [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу : <https://mmk.ucoz.org/> (Дата обращения : 18.11.2019 г.).
6. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный подход как направление когнитивистики [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Vita in lingua : К юбилею профессора С. Г. Воркачева ; сб. ст. / Отв. ред. В. И. Карасик. – Краснодар : Атриум, 2007. – С. 174–183.

SUMMARY

Daria Tsaranova. Means of verbalization of the concept ‘MUSEUM’ in the texts of the website of the Miniature Book Museum named after V. A. Razumova.

The article discusses the components of the ‘MUSEUM’ concept. The means of its verbalization are described. The author identifies the basic features that are included in each of the components of the concept structure and are represented by linguistic signs in the texts of the official website of the Miniature Book Museum named after V. A. Razumov.

Also, the work focuses on the words that objectify the linguistic and regional specifics of the content of the concept under consideration.

Key words: concept, image, notion, value component, means of the verbalization.

Шашков Игорь

*Научный руководитель – д. филол. н., проф. Теркулов В. И.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР*

ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПРОДУЦЕНТА В РУССКОЯЗЫЧНОМ РЕЛИГИОЗНОМ ИНТЕРНЕТ- ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются особенности субъект-объектных отношений через изучение стратегий, приёмов и тактик, используемых продуцентом при оформлении гипертекстового материала, адресованного реципиенту. Автор уделяет внимание функциям, способствующим реализации когнитивно-прагматического потенциала языковой личности продуцента в русскоязычном религиозном интернет-дискурсе.

Ключевые слова: языковая личность продуцента, функция квази-собеседника, функция авторитетного информатора.

Современные исследования в области интернет-лингвистики, дискурсологии и лингвистической персонологии характеризуются повышенным вниманием к особенностям реализации субъект-объектных отношений, имеющих место в интернет-дискурсивных практиках. Опыт изучения религиозного интернет-дискурса через призму реализации когнитивно-прагматического потенциала языковой личности продуцента свидетельствует о высоком уровне кодовой компетентности, владение которой обуславливает успешную реализацию лингвокреативной деятельности продуцента посредством выполняемых им функций. **Актуальность** исследования объясняется, во-первых, возрастающим интересом к исследованию особенностей организации интернет-дискурсивных и дискурсивных образований, во-вторых, предположением о том, что успех реализации таких практик обеспечивается благодаря набору функций, выполняемых инициатором существования заявленного типа субъект-объектных интеракций.

Цель данной работы заключается в исследовании **функций** языковой личности продуцента посредством учёта экстралингвистических факторов, социокоммуникативных

интенций и предполагаемых пресуппозиций языковой личности реципиента. Достижение цели связано с решением следующих **задач**: 1) определением **функций** языковой личности продуцента; 2) рассмотрением особенностей реализации когнитивно-прагматического потенциала исследуемого типа участника религиозного интернет-дискурса (РИД) через призму исследуемых **функций**; 3) анализом применения ряда когнитивно-прагматических стратегий, тактики и приёмов как средств оформления гипертекстового материала в пространстве РИД. **Объект** исследования данной работы представлен системой средств гипертекстового наполнения полижанрового пространства РИД. **Предметом** исследования является **набор функций** языковой личности продуцента, способствующих реализации его когнитивно-прагматического потенциала.

Теоретико-методологической основой данного исследования послужили работы О. Л. Каменской, В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, В. М. Кузьминой, В. Я. Проппа, Л. Н. Синельниковой и др.

Учёт экстралингвистических факторов (ЭФ) способствует успешному выбору социально- и ценностно-ориентированных доминант, а точнее: эмоционально-ценностных доминант в социально-обусловленных обстоятельствах. Обширный арсенал таких обстоятельств является причиной создания множества социокоммуникативных ситуаций, а языковой личности продуцента приходится «подстраиваться» под актуальные ситуации посредством статусно-ролевого позиционирования, что благоприятно сказывается на формировании так называемой уникальной творческой «неповторимости» языковой личности, которая определяется «уникальной комбинацией социально-психологических характеристик» [1, 47]. Факт «неповторимости» предполагает наличие ряда **функций**, свойственных языковой личности продуцента. «Функция (от лат. function – совершение, исполнение), отношение двух (группы) объектов, в котором изменению одного из них сопутствует изменение другого» [6, 719]. В. Я. Пропп предлагает своё понимание функции: «поступок действующего лица, определённый с точки зрения его значимости для хода действия» [5, 30–31]. По мнению В. И. Карасика, «сущность человека метафункциональна, но выделение тех или иных функций позволяет понять природу социальной интеракции» [4, 273].

Итак, просецируя понятие «**функция**» (как действие объекта) на учёт интенций языковой личности и возможностей Сети, можно предположить, что функция языковой личности продуцента в русскоязычном религиозном интернет-дискурсе может рассматриваться как когнитивно-прагматический поступок участника субъект-объектных отношений в дискурсивных

практиках, направленный на достижение запланированного результата, способного изменять ход заявленных отношений с целью достижения прогнозируемого эффекта в пространстве исследуемого типа дискурсного образования. Помимо основных *функций языковой личности продуцента* как конституирующего элемента РИД (*функция ретранслятора, функция автора текстового материала, функция суггестора*) считаем целесообразным обратить особое внимание на *функции квази-собеседника и авторитетного информатора*, т.к. они являются неотъемлемыми составляющими когнитивно-прагматических способностей заявленного типа субъекта РИД.

Функция квази-собеседника. Успех выполнения данной функции зависит от арсенала информативных составляющих о языковой личности реципиента как основного объекта воздействия, т.е. «на основе своих субъективных представлений о нём» [2, 122]. На основе учёта ЭФ «коммуникативный квази-портрет» собеседника трактуется О. Л. Каменской как «субъективное представление автора, полученное на основе всей имеющейся у него информации о тех сторонах личности потенциального реципиента, которые характеризуют свойства последнего как «приемника текста»» [там же]. Учитывая глобальность, прагматичность и когнитивность как основные конституирующие свойства РИД, целесообразно предположить, что уровень осведомлённости продуцента о социокоммуникативных потребностях конкретного реципиента равен нулю. Однако в информационно-дистрибутивных рамках РИД срабатывает принцип действия «от противного», т.е. от общего представления о социуме. Ретранслируя ту или иную ценность с помощью гипертекста, продуцент тактически наделяется заявленной функцией. Цель её реализации заключается в расположении внимания массового сетевого реципиента.

Функция авторитетного информатора. По мнению В. И. Карасика, «в религиозном общении суть дискурса состоит в открытом утверждении ценностей» [3, 222]. Ключевым фактором, способствующим реализации когнитивно-прагматического потенциала продуцента, является набор убеждений, ценностей, мнений, способов мышления. Успех реализации данной функции зависит от адекватно подобранного прагматического инструментария: стратегий, тактик, приёмов подачи информационного материала. На примере гипертекстового фрагмента разберём некоторые из них (графическое, орфографическое и пунктуационное оформление сохранены в соответствии с оригиналом – И. Ш.):

«КАК ДОСТИЧЬ СЧАСТЬЯ? КАК СТАТЬ СЧАСТЛИВЫМ? НАМ БОГ СКАЗАЛ ПРОСТО (в самых отчаянных обстоятельствах): БУДЬТЕ СЧАСТЛИВЫ – И БУДЕТЕ! Когда я спросила: Почему

же всё ТАК ПЛОХО?!..., то Он сказал мне: ПОТОМУ, ЧТО НЕ ТУДА СМОТРИТЕ – НЕ НА МЕНЯ! Да, мы смотрели НА ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, а не на то, что нас УЧИТ и ВЕДЁТ по жизни САМ ГОСПОДЬ! Счастье НЕ зависит: от обстоятельств; материального уровня; образования; карьеры; семейного статуса; семейных отношений; культуры; внешности; фигуры; и даже здоровья <...>» [Источник: <http://otkrowienie.com/page/retsept-schasty-a-po-otkroveniuyu-ot-boga>].

Реализация функции авторитетного информатора осуществляется посредством использования таких лингвопрагматических средств:

1) *тактика имитации диалогической ситуации* через приём использования вопросительных предложений, а также тактика воздействия на внимание реципиента через приём графического оформления текста («КАК ДОСТИЧЬ СЧАСТЬЯ? КАК СТАТЬ СЧАСТЛИВЫМ? Почему же всё ТАК ПЛОХО?!»);

2) *тактика имитации псевдиалога с Абсолютом*, а также тактика отсылки к авторитетному Абсолют-источнику через приём оформления косвенной речи: (а) «Когда я спросила: Почему же всё ТАК ПЛОХО?!..., то Он сказал мне: ПОТОМУ, ЧТО НЕ ТУДА СМОТРИТЕ – НЕ НА МЕНЯ!»; б) «НАМ БОГ СКАЗАЛ ПРОСТО (в самых отчаянных обстоятельствах): БУДЬТЕ СЧАСТЛИВЫ – И БУДЕТЕ!»);

3) *тактика отрицания общепринятых ценностей* через приём введения однородных частеречных структур («Счастье НЕ зависит: от обстоятельств; материального уровня; образования; карьеры; семейного статуса; семейных отношений; культуры; внешности; фигуры; и даже здоровья»).

Религиозный интернет-дискурс является одним из немногих типов дискурса, в информационно-дистрибутивном пространстве которого основной субъект наделяется неограниченными возможностями гипертекстового творчества с целью завладения вниманием интернет-аудитории массового реципиента. Успех реализации таких возможностей обусловлен рассмотренными функциями языковой личности продуцента и конституирующими свойствами РИД как когнитивно-прагматического образования. Благодаря арсеналу функций, продуцент способен привлекать в сетевой узус тот языковой инструментарий, который в перспективе выполняет основную роль в формировании языковой картины мира участников РИД и способствует расширению и обеспечению успешного функционирования информационно-интерпретативного глобального сетевого образования. Являясь совокупностью тематически взаимосвязанных и взаимозависимых (посредством гиперссылок) гипертекстов, функционирующая природа РИД «требует» от языковой личности продуцента динамичного

проявления всего арсенала свойственных ему функций, что проявляется в закономерности постоянного обновления тематического содержания гипертекстового продукта и модерации сетевого контента, подбора адекватных экстралингвистических факторов, актуальных в создаваемой социокоммуникативной ситуации для целевой реципиент-аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Денисенко, В. Н. Современные психолингвистические методы анализа речевой коммуникации: учеб. пособие / В. Н. Денисенко, Е. Ю. Чеботарева. – Москва : РУДН, 2008. – 258 с.
2. Каменская, О.Л. Текст и коммуникация : учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. / О. Л. Каменская. – Москва : Высш. шк., 1990. – 152 с. : ил. (Б-ка филолога).
3. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2004. – 331 с.
4. Карасик, В. И. Языковые ключи: монография / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2007. – 520 с.
5. Пропп, В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп / Гос. ин-т истории искусств. – Ленинград : Academia, 1928. – 152 с. (Вопр. поэтики; Вып. XII). Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/skazki/critics/pms/PMS-001-.htm> (дата обращения: 29.08.2019).
6. Философский энциклопедический словарь / Редкол. : С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичёв и др. – 2-е изд. – Москва : Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.

SUMMARY

Igor Shashkov. Producent's language identity's functions in the religious internet-discourse.

The article deals with considering particularities of subject-object relations through studying strategies, tactics and ways used by the producer while creating the hypertext material which is addressed to the recipient. The author pays attention to the functions which promote realizing cognitive pragmatic potential of the producer's language identity in the Russian language religious internet-discourse.

Key words: producer's language identity, function of a quasi-interlocutor, function of an authoritative informant.

Ястремская Татьяна

Научный руководитель – д. филол. н., проф. Федоров В. В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР В ЛЕЧЕБНЫХ ЗАГОВОРАХ

В статье рассматриваются особенности заговорных текстов, записанных на территории Донецкой области, выявляется их назначение, специфика, функции, а также вариативность мифологического центра как центрального образа в лечебном заговоре. Методом сравнительно-сопоставительного анализа мы исследуем материал на фоне общеславянской заговорной традиции.

Ключевые слова: заговор, заговорная традиция, мифологический центр, сакральный центр.

Заговор – один из древнейших жанров фольклора, он порожден верой человека в возможность воздействия на людей и природу с помощью магического слова. По своей направленности самыми популярными являются сельскохозяйственные, любовные и лечебные заговоры.

Мифологический центр в лечебном заговоре – это сакральное место, в котором происходит исцеление человека и / или животного от физического или душевного недуга. Мотив мифологического центра является одним из сюжетообразующих в лечебных заговорах.

Цель работы – рассмотреть мифологический центр в лечебных заговорных текстах. Для этого мы систематизировали и проанализировали лечебные тексты с имеющимся мифологическим центром, а также сопоставили рассматриваемые заговоры с общеславянской традицией.

Актуальность данного исследования заключается в привлечении ранее неопубликованных материалов, собранных во время фольклорных практик в конце XX в., а также в анализе этого материала. Объектом исследования является 91 текст заговорных формул, записанных на территории Донецкой области.

Заговор как жанр народной поэзии неоднократно становился объектом исследования фольклористов. Сюжеты и мотивы, образы и формулы, композиция, вариативность, а также принципы классификации текстов – основные аспекты в изучении этого жанра. Народными заговорами в разное время занимались: И. П. Сахаров, Н. В. Крушевский, Н. И. Толстой, Э. В. Померанцева, Т. А. Агапкина, В. Л. Кляус, Н. И. Савушкина, В. Н. Топоров, А. Л. Топорков, Б. Н. Проценко и мн. др.

Из 91 текста заговорных формул, записанных на территории Донецкой области, мифологический центр встречается в 5-ти лечебных (из материалов фольклорных практик: «Заговор от зубной боли», «От кровотечения из носа», «Заговор от уроков», «Заговор на снятие порчи», «Заговор от тоски») и 4-х любовных текстах (из материалов фольклорных практик: «Наговор на добрых молодцев», «Заговор на прилучение парня», из сборника «Протекших дней очарованье»: «1691. Заговор на любовь», «1692. Заговор молодца на любовь красной девицы»). Среди мифологических центров мы рассмотрим: *белую березу во двенадцати корнях, Ледовитый океан, Высокий терем, остров Буян*.

Мотив сакрального центра можно выразить четырехуровневой схемой. Первый уровень представлен географическими объектами, на втором уровне появляется остров / терем / изба; в третьем – конкретный объект: камень, дерево; и в последнем – некий персонаж, сидящий на камне / дереве, осуществляющий целительские функции, или тот, к кому обращаются с просьбой о помощи / изгнании недуга.

Мифологический центр существует только в сознании заговаривающего, т.е. его географическое расположение является условным. Возникновение мифологического центра, а также других топосов связано с пространственным перемещением из «человеческого» мира в мир потусторонний, в котором он возник чудесным образом. Географические имена нечасто встречаются в заговорных текстах, поскольку образ пространства, где разворачиваются события заговора, обычно типизирован, а не индивидуален.

В славянских традиционных заговорных текстах прослеживается устоявшаяся цепочка следующих друг за другом мотивов: *«на море-океане на острове Буяне лежит Алатырь камень»*, которая на письме фиксируется без знаков препинания. Данный мотив по своему замыслу схож с мотивом волшебной сказки: *«в тридцатом царстве, в тридцатом государстве»*. В двух указанных случаях реализуется замысел «страны», отдаленной от обычного мира непроходимым дремучим лесом, пропастью, морем или иным препятствием. Однако эти же самые элементы могут заменяться более знакомыми и понятными словами, которые также имеют мифологическую окраску: *белая береза во двенадцати корнях, Ледовитый океан, Высокий терем*.

Самыми распространенными топосами, встречающимися в заговорах, являются чистое поле (*чисто поле*) и синее море (*сине море*). Несмотря на противопоставление «суша – вода», достаточно часто оба локуса упоминаются в пределах одного текста, где они являются местами пограничными. Отметим, что встречаются в представленных заговорах и краткие формулы, где место отсылки

болезни не упоминается или оно достаточно условно: *в лошадиное копыто, в бараны рога*. Болезнь убеждают уйти, покинуть больного. С ней стараются поговорить «по-хорошему», договориться: «...*тут тебе не стояние, тут не житье тебе*» (Материалы фольклорных практик, «Заговор от боли в пояснице»). Существенным различием между мифологическим центром и местом отсылки болезни является то, что первый выполняет функцию сакрального места, именно там происходит момент исцеления пациента, во втором случае место отсылки аккумулирует в себе все темные, непролазные топосы, куда отсылается недуг.

Подводя итоги, следует отметить, что в мифологической картине заговора мифологический центр выражен не только конкретным локусом, но и в большей мере «другой реальностью», при этом он четко распознается среди других топосов. Это связано с тем, что в представлении наших предков место нахождения «иного мира / потусторонних объектов» соотносилась и с небесной, и с подземной сферами.

Мифологический центр чаще всего представлен четырехуровневой пирамидой, где постоянными составляющими являются: географический объект, сакральный центр, конкретный объект (дерево, камень), персонаж, что, в свою очередь, составляет сюжетную основу отдельных заговоров целительской направленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева, Р. А. Пространственные обозначения и топонимы в заговоре как типе текста / Р. А. Агеева // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. – М. : Наука, 1982. – 190 с.
2. Афанасьев, А. Н. Языческие предания об острове Буяне / А. Н. Афанасьев // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. – Кн. 9. – М., 1851. – 24 с.
3. Буслаев, Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства / Ф. И. Буслаев. – СПб. : Издание Д. Е. Кожанчикова, 1861. – Т. 1–2.
4. Вилинбахов, В. Б. Топонимика и некоторые вопросы истории древней Руси / В. Б. Вилинбахов // Всесоюзная конф. по топонимике СССР. Тезисы докл. и сообщ. – Л., 1965. – 289 с.
5. Виноградова, Л. Н. Заговорные формулы от детской бессонницы / Л. Н. Виноградова // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. – М. : Наука, 1993. – С. 153–163.
6. Горбачевский, М. В. «Мимо острова Буяна...» / М. В. Горбачевский // Русская речь. – 1987. – № 6.

7. Елеонская, Е. Н. К изучению заговора и колдовства в России / Е. Н. Елеонская. – М. : Комиссия по народной словесности при этнографическом отделении императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1917. – 68 с.
8. Кляус, В. Л. Сюжетика заговорных текстов славян в сравнительном изучении: К постановке проблемы / В. Л. Кляус. – М. : Наследие, 2000. – 192 с.
9. Крушевский, Н. В. Заговоры как вид русской народной поэзии/ Н. В. Крушевский // Варшавские университетские известия. – 1876. – № 3. – С. 3–69.
10. Материалы учебных студенческих фольклорных практик Донецкого национального университета по теме: «Заговоры». – Донецк : ДонНУ, 2019. – 28 с.
11. Протекших дней очарование...: Charming days that flewby: сказки, песни, частушки, присловья Донбасса, записанные Петром Тимофеевым. – Донецк: Донбасс, 2008. – 219 с.
12. Проценко, Б. Н. Заговоры. Обереги. Поверья. Приметы: духовная культура донских казаков / Б. Н. Проценко. – Ростов: Феникс, 2010. – 283 с.
13. Топоров, В. Н. К реконструкции индоевропейского ритуала и ритуально-поэтических формул (на материале заговоров) / В. Н. Топоров // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. – 1969. – № 236. – С. 9–43.

SUMMARY

Tatiana Yastremskaya. Mythological center in healing spells.

During this article, the features of conspiracy texts recorded in the Donetsk region are considered. The purpose, specificity, functions, and also the variability of the mythological center as a central image in a medical conspiracy are revealed. By the method of comparative analysis, we consider the material against the background of the all-Slavic conspiracy tradition.

Key words: conspiracy, conspiracy tradition, mythological center, sacred center.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Авксентьева Анжелика</i> МЕСТО СОВРЕМЕННОГО МЕДИАТЕКСТА В ТРИАДЕ ТЕКСТ-ДИСКУРС-СТИЛЬ	3
<i>Аниканова Анастасия</i> ПРОБЛЕМА ОДИНОЧЕСТВА ОДАРЕННЫХ ЛИЧНОСТЕЙ В РОМАНАХ ДИНЫ РУБИНОЙ (ЦИКЛ «ЛЮДИ ВОЗДУХА»).....	7
<i>Бондарева Ольга</i> ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЛИРИКИ А. П. СУМАРОВОВА....	11
<i>Босак Евгения</i> ЛИТЕРАТУРНАЯ МИСТИФИКАЦИЯ КАК СРЕДСТВО САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ.....	14
<i>Гришина Алина</i> СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЧАСТНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ В МЕДИА-ТЕКСТАХ ДОНБАССА	19
<i>Димитренко М.</i> ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНФЛИКТ В РОМАНЕ В СТИХАХ А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»	23
<i>Дмитриева Юлия</i> ОБРАЗ ОСЕНИ В ПОЭЗИИ С. ГОРОДЕЦКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА «ОСЕННИЙ ВИХРЬ»).....	27
<i>Дмитрова Екатерина</i> СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ АДЪЕКТИВНЫХ ГОДОНИМОВ ПЕТРОВСКОГО РАЙОНА ГОРОДА ДОНЕЦКА	31
<i>Дудка Анастасия</i> УЧИТЕЛЬ КАК ГЕРОЙ ВРЕМЕНИ В РОМАНАХ «ГЕОГРАФ ГЛОБУС ПРОПИЛ» А. ИВАНОВА И «ПОСЛЕДНИЕ ДНИ» Ю. ПОЙМАНОВА.....	37
<i>Гореславская Ольга</i> ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В ТЕКСТАХ ЕГОРА ВОРОНОВА	43
<i>Еретина Александра</i> НАРРАТИВНЫЕ ПАРАДИГМЫ НОМИНАЦИЙ ЛИЦА В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «ЗЛОУМЫШЛЕННИК»	46
<i>Захарова Мария</i> АПЕЛЛЯТИВНЫЕ НОМИНАЦИИ ЛИЦА ЖЕНСКОГО ПОЛА В СОСТАВЕ ФИЛЬМОНИМОВ ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СТРУКТУРНО- СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ.....	51
<i>Жолотко Валерия</i> ДЕЙКСИС В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	55
<i>Жуков Юрий</i> К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ ТЕРМИНОСФЕРЫ «ЗАКОН».....	58
<i>Загорнюк Алина</i> ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-ГРАММАТИКИ КОММЕНТАРИЕВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ INSTAGRAM.....	63

<i>Зайберт Елена</i> ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ КЛАССЫ АББРЕВИАТУРНОЙ ГРУППЫ «ГИДРО»	69
<i>Илларионова Анастасия</i> ДИСТРАФИЯ И ДИЗОРФОГРАФИЯ КАК ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ШКОЛЕ	76
<i>Ильина Елена</i> ЖАНР РОМАНА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII В.	81
<i>Ильяшевич Виктор</i> САТИРИЧЕСКОЕ И ЛИРИЧЕСКОЕ НАЧАЛА В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»	83
<i>Ковальчук Вадим</i> БЛОГОСФЕРА И СЕТЕВАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДОНБАССА	87
<i>Когтева Алина.</i> БИБЛЕЙСКИЕ ИСТОКИ ОБРАЗА ИУДУШКИ	89
<i>Коновадова Диана</i> УСТОЙЧИВЫЕ РЕЧЕВЫЕ ОБОРОТЫ С ФАУНИСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЛЮДИ»)	94
<i>Копейко Оксана</i> СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ГОДОНИМОВ ПГТ. КОНТАРНОЕ И ПГТ. МОСКОВСКОЕ ШАХТЁРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ	98
<i>Котомцев Дмитрий</i> ДИАЛЕКТИКА АВТОРА-ТВОРЦА И ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В РОМАНЕ В. В. НАБОКОВА «ДАР»	102
<i>Лукашенко Анастасия</i> СИСТЕМА УРБАНОНИМОВ Г. ГОРЛОВКИ: ТИПОЛОГИЯ РЕФЕРЕНТНЫХ ТИПОВ ГОРОДСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ	107
<i>Маковецкая Дарья</i> СКАЗ КАК ЖАНР НАРОДНОЙ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЫ	110
<i>Мацай Елена</i> ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ УРБАНОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ Г. ДОНЕЦКА	115
<i>Менякина Алина</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПИЩЕВОГО И АНТРОПОМОРФНОГО КОДОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ А. ПРОХАНОВА «СЛОВО К НАРОДУ»)	119
<i>Молодцов Алексей</i> РОМАН Б. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО» КАК ОПЫТ «ДЕМАТЕРЬЯЛИЗАЦИИ ПРОЗЫ»	125
<i>Мухина Дарья</i> ДИСКУРСИВНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПЕЙОРАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ДРАМЕ	130
<i>Паляница Данил</i> ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ	136

<i>Пидварко Дмитрий, Миронкина София</i> ИДИОМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА	139
<i>Пэй Цзяминь</i> ОСОБЕННОСТЬ ТВОРЧЕСТВА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА В КИТАЕ.....	143
<i>Решетарова Анна</i> ПОНЯТИЕ «ТРИКСТЕР» СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК	147
<i>Санникова Екатерина</i> ОНОМАСТИКОН ПЕСЕННОЙ ЛИРИКИ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭПОХИ	152
<i>Светличная Влада</i> ИЗБЫТОЧНОСТЬ КАК КОГНИТИВНАЯ УНИВЕРСАЛИЯ..	157
<i>Смоляк Кристина</i> РЕЧЕВЫЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА МАСС-МЕДИЙНОГО ТЕКСТА	162
<i>Соловцова Елена</i> СЕМАНТИЧЕСКИЕ АНАЛОГИ ПЕРФОРМАТИВОВ В СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА	165
<i>Сяоюй Тянь</i> АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ПЕРЕВОДА НА СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКО-РОССИЙСКИХ МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ	169
<i>Трещева Кристина</i> ГРАММАТИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ	174
<i>Тхагушева Рената</i> ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ РОМАНА В. НАБОКОВА «ЗАЩИТА ЛУЖИНА»	177
<i>Хоменко Юлия</i> ИТАЛЬЯНСКИЕ ОБРАЗЫ В РАССКАЗЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «ТРИ ВСТРЕЧИ».....	181
<i>Чавдарь Иона</i> СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗВАНИЙ УГЛЕДОБЫВАЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ ДОНБАССА	186
<i>Царанова Дарья</i> СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА ‘МУЗЕЙ’ В ТЕКСТАХ САЙТА МУЗЕЯ МИНИАТЮРНОЙ КНИГИ ИМЕНИ В. А. РАЗУМОВА	190
<i>Шашков Игорь</i> ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПРОДЮСЕНТА В РУССКОЯЗЫЧНОМ РЕЛИГИОЗНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ	195
<i>Ястремская Татьяна</i> МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР В ЛЕЧЕБНЫХ ЗАГОВОРАХ	200

Научное издание

СЛАВИСТИКА: НОВЫЕ ИМЕНА
В НАУКЕ

Сборник научных трудов участников III Международной очно-заочной
научно-практической конференции
молодых учёных

Главный редактор *И. А. Герасименко*

Технический редактор *А. М. Калашиников*
Компьютерная вёрстка и макетирование *Е. С. Шалыгиной*
Корректоры *Н. В. Леишкова, Ю. Л. Дмитриева,*
О. В. Сырова, Л. А. Штакина, О. Т. Захарова

*За содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных
и других сведений ответственность несут авторы*

Подписано к изданию 27.12.2019.
Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 11,83. Уч.-изд. л. – 13,00.
Усл.-изд. л. – 12,09.
Тираж 100 экз. Зак. № 74.

Издательство ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
Свидетельство о государственной регистрации субъекта издательского дела
ДК № 1342 от 29.04.2003
284626, ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, 25